UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

MOSKOVSKOE-DVORIANE
PARTIAL TITL

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

Folio
DK191
.S34

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00045732117

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/moskovskoedvoria00save

[SAVELOV

Л. М. САВЕЛОВЪ.

[MOSKOVSKOE DVORIANSTVO

МОСКОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

V 1812 GODU

ВЪ 1812 ГОДУ.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ДВОРЯНСТВА

1912 г.

Л. М. САВЕЛОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

ВЪ 1812 ГОДУ.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ДВОРЯНСТВА

1912 г.

Folio
DK 191
.534

6876- 41

МОСКОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

въ 1812 году.

Изданіе Московскаго Дворянства.

I.

«Была пора: была святая брань;
«Отъ Запада узрѣли мы Батыя;
«Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
«Пришлось поля отстаивать родныя».

Жуковскій.

Задолго еще до начала войны съ французами ясно чувствовалось, что разрывъ съ Наполеономъ неизбѣженъ; уже въ началѣ 1811 года нашъ посланникъ при Наполеонѣ князь А. Б. Куракинъ сообщалъ Императору Александру, что слухи о близости войны распространены во Франціи и Германіи; «впрочемъ,—добавляетъ князь Куракинъ,—можно сказать, что они и не прекращались со времени женитьбы Императора Наполеона». Весьма вѣроятно, что если бы дѣла французовъ въ Испаніи были бы не такъ плохи, то Наполеонъ началъ бы войну еще въ 1811 году, но во всякомъ случаѣ въ насыщенномъ воздухѣ появились всѣ признаки приближающейся грозы, которая казалась необходимою, чтобы разрядить тяжелый воздухъ и разогнать тучи, много уже лѣтъ покрывавшія политическое небо Европы, которой становилось тяжело дышать подъ деспотическимъ гнетомъ Императора Наполеона, накладывавшаго на все свою желѣзную руку и желавшаго вся и всѣхъ подчинить своей власти.

«Еще три года и я буду владыкою вселенной», говорилъ Наполеонъ въ 1810 году и, повидимому, все шло къ осуществленію этой горделивой мечты, оставалась лишь одна преграда—Россія, для владычества надъ всей Европой Императору французовъ необходимо было перешагнуть и ее, но здѣсь въ борьбѣ съ твердою волею, проявленною въ эту эпоху Императоромъ Александромъ, патріотизмомъ русскаго народа и, отчасти наконецъ, съ

пространствомъ, временемъ и климатомъ не помогъ Наполеону даже и его геній, и звѣзда его, горѣвшая такъ ярко на Западѣ, потухла на русскомъ Востокѣ.

Переживалъ этотъ тяжелый гнетъ, несомнѣнно, и Императоръ Александръ и, конечно, не могъ не желать сверженія ига Наполеона, а если вспомнить цѣлый рядъ нашихъ военныхъ неудачъ въ столкновеніи съ французскими войсками, предводимыми, казалось, непобѣдимымъ вождемъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ желаніе Императора Александра попытать еще разъ свое счастье и встрѣтиться съ Наполеономъ на боевомъ полѣ въ надеждѣ отплатить ему за Аустерлицъ и Фридландъ, несомнѣнно тяжелымъ камнемъ лежавшихъ на самолюбіи русскаго Императора и русской арміи, хорошо еще помнившей блестящія времена Екатерины и Суворова.

О томъ, какъ относилось общество къ политическому положенію Россіи, мы имѣемъ показаніе современника, кн. С. Г. Волконскаго, который въ своихъ запискахъ говоритъ: «Пораженіе Аустерлицкое, пораженіе Фридландское, Тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивный видъ Императора Александра передъ политикой Наполеона I—были глубокія раны въ сердцѣ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого—и весьма мало ихъ было—почитался отверженнымъ, презирался.

Ни славныя дѣла Финляндской кампаніи, ни славныя побѣды надъ турками, ни миръ Абовскій, ни предстоящій миръ съ Турціей, готовой къ уступкамъ намъ, не ослабляли чувства мщенія къ французамъ и ненависти къ Наполеону. Дружное желаніе отмстить объяло всѣ сердца, и хотъ были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью; ихъ не оспаривали, но слова ихъ внушали къ нимъ одно презрѣніе.

Порывъ національности дѣломъ и словомъ высказывался при каждомъ случаѣ. Удалившіеся изъ военной службы вступали въ оную; молодежь стремилась пріобрѣсти чтеніемъ военныхъ книгъ болѣе познаній въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, выясняла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ».

Но несмотря на все это Императоръ Александръ не только

упорно скрывалъ чувства его волновавшія и дѣлалъ «пассивный видъ», но все время и во всѣхъ случаяхъ старался показать себя сторонникомъ мира и особенно это его стараніе проглядываетъ во всѣхъ его сношеніяхъ съ Западной Европою, что, между прочимъ, можно заключить изъ одной его фразы, сказанной генералъ-адъютанту Балашову при отправленіи послѣдняго къ Наполеону въ Вильну: «Хотя впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей присылки прекращенія войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы». Въ этой фразѣ сказался весь Александръ I, желая въ душѣ войны съ Наполеономъ и твердо надѣясь въ концѣ концовъ не только побѣдить его, но и окончательно уничтожить, опираясь на такихъ вѣрныхъ и вполнѣ надежныхъ союзниковъ, какъ выражался самъ Александръ, на пространство и время, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ все, чтобы въ Европѣ вѣрили въ его нежеланіе войны—возможно, конечно, что это съ его стороны было извѣстною хитростію по отношенію къ Наполеону, котораго Александру необходимо было усыпить, а себѣ, тѣмъ временемъ, дать возможность подготовиться къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть. Во всякомъ случаѣ послѣдствія вполнѣ оправдали подобный образъ дѣйствій Императора Александра, сумѣвшаго отстоять не только свое государство, но и освободить Западную Европу. Въ минуты, казалось, самаго тѣснаго сближенія съ Наполеономъ Императора Александра, повидимому, не покидала мысль низвести Наполеона съ той страшной высоты, на которую поставила его судьба. «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать», говоритъ Александръ, и эта идея, видимо, всецѣло завладѣваетъ имъ, и онъ неуклонно проводитъ ее въ жизнь, настойчиво идя къ намѣченной имъ цѣли, и ведетъ героическую борьбу съ цѣлью низложить Наполеона,—борьбу, которую историкъ его царствованія Н. К. Шильдеръ вполнѣ справедливо называетъ безпримѣрною въ лѣтописяхъ міра. Эта борьба замѣчательна еще и тѣмъ, что въ ней Императоръ Александръ проявляетъ удивительную твердость и упорство, столь необычныя для него, онъ весь поглощенъ былъ идеею о невозможности царствовать одновременно съ Наполеономъ и эта идея заставила его совершить то, что онъ совершилъ, но для приве-

денія этой идеи въ исполненіе необходимо было имѣть массу политическаго такта и энергіи и приведеніе ее въ исполненіе вполнѣ оправдываетъ ту неискренность Александра, которую мы видимъ въ его сношеніяхъ съ Наполеономъ.

Какъ мы говорили уже выше, даже въ минуты самаго тѣснаго сближенія съ Наполеономъ Императоръ Александръ помышлялъ о необходимости борьбы съ нимъ, что иногда и прорывалось въ его собственныхъ словахъ; сейчасъ же послѣ Тильзитскаго свиданія, т.-е. въ іюнѣ 1807 года, за пять еще лѣтъ до Отечественной войны, онъ сказалъ, между прочимъ, королю и королевѣ прусскимъ: «Потерпите, мы свое воротимъ. Онъ сломаетъ себѣ шею. Несмотря на всѣ мои демонстраціи и наружныя дѣйствія, въ душѣ—я вашъ другъ и надѣюсь доказать это на дѣлѣ». Если даже допустить, что въ дѣйствительности этихъ именно словъ Императоръ Александръ и не говорилъ, то уже одно то, что современники приписываютъ ихъ ему, достаточно ярко характеризуетъ отношеніе Александра къ его другу и союзнику, тѣмъ болѣе, что и всѣ дальнѣйшія его дѣйствія говорятъ о безусловной возможности произнесенія имъ этихъ словъ, а кромѣ того мы знаемъ еще одну подобную же фразу Александра, которую приводитъ Баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Монжела, говоря о Тильзитскомъ свиданіи—«По крайней мѣрѣ я выиграю время», сказалъ Императоръ Александръ, подписывая этотъ знаменитый договоръ. Казалось въ эту минуту у русскаго Императора слово расходилось съ дѣломъ, но къ этому вынуждали его тяжелыя обстоятельства, въ какихъ находилась тогда Россія, а будущее показало, что Императоръ Александръ былъ вполнѣ правъ, онъ дѣйствительно выигралъ время, а Наполеонъ сломалъ себѣ шею и не Александру пришлось плакать кровавыми слезами, какъ то пророчилъ Наполеонъ. Все исполнилось такъ, какъ предсказывалъ Императоръ Александръ, а если мы еще припомнимъ одну фразу изъ его письма къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ—«Бонапартъ думаетъ, что я дуракъ, но лучше смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній», то станетъ вполнѣ понятнымъ его поведеніе съ Наполеономъ.

Послѣдній смѣхъ достался на долю русскаго Императора, а кровавыя слезы были удѣломъ Императора Наполеона.

Особенно ухудшились отношенія съ Наполеономъ уже въ 1810 году, и Императоръ Александръ съ этого времени вступаетъ въ періодъ своей послѣдней борьбы, закончившейся для него полной побѣдою, а для Наполеона полнымъ крушеніемъ и заключеніемъ на островѣ св. Елены, подъ охраною ненавистной ему Англіи.

Объ ухудшеніи отношеній открыто говоритъ самъ Наполеонъ, не скрывая этого и отъ Александра, которому, между прочимъ, онъ писалъ 28 февраля 1811 года: «Что касается лично до меня, то я сохраняю мои прежнія чувства къ вамъ; но я пораженъ очевиднымъ значеніемъ дѣйствій и тою мыслью, что ваше величество готовы, лишь только будутъ благопріятствовать обстоятельства, войти въ соглашеніе съ Англіей, что будетъ равняться возбужденію войны между двумя имперіями. Если вы расторгнете союзъ съ Франціей и забудете объ обязательствахъ Тильзитскаго договора, то, конечно, послѣдуетъ война. — Нѣсколькими мѣсяцами ранѣе или нѣсколькими мѣсяцами позднѣе».

Императоръ Александръ, отвѣчая на это письмо Наполеона, закончилъ словами: «Повторяю, если начнется война, то лишь потому, что вы ее желали, и употребивъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ее, я сумѣю сражаться и дорого продамъ свое существованіе. Если же вмѣсто того, вы захотите имѣть въ моемъ лицѣ друга и союзника, то найдете во мнѣ тѣ же чувства привязанности и дружбы, которыя вамъ уже извѣстны» *). Несмотря на эти увѣренія въ дружбѣ, Наполеонъ прекрасно зналъ ихъ цѣну и вопросъ о войнѣ былъ имъ въ то время, конечно, уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ и весь вопросъ былъ лишь во времени: походъ въ далекую Россію былъ нелегокъ, къ нему надо было серіозно готовиться и отъ окончанія приготовленій и зависѣло начало открытія военныхъ дѣйствій. Осенью 1811 года особенно начала чувствоваться близость разрыва, и въ октябрѣ этого года Императоръ Александръ вполнѣ уже опредѣленно говоритъ о возможности близкой развязки, — такъ, принимая возвратившагося изъ

*) Поповъ. Отечественная война 1812 года. Т. I. 28, 42.

Парижа графа Нессельроде, Государь, между прочимъ, сказалъ ему слѣдующую замѣчательную и многоговорящую фразу: «я сомнѣваюсь, чтобы новая съ моей стороны попытка къ соглашенію, обращенная къ Наполеону, привела бы къ мирной развязкѣ, такъ же, какъ и вы, я считаю разрывъ неизбѣжнымъ». Дальнѣйшія событія показали насколько былъ правъ Императоръ Александръ, говоря о неизбѣжности и близости разрыва, — черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ этого разговора французская армія уже была въ русскихъ предѣлахъ.

Подобно Императору Александру, увлеченному идеею покончить съ Наполеономъ, и Императоръ Наполеонъ былъ всецѣло подъ властью идеи быть властителемъ, если не всего міра, то хотя бы Западной Европы, но эта идея вела его къ полному крушенію его могущества, къ крушенію созданной имъ французской имперіи и къ гибели его самого. Все это было совершено русскимъ народомъ, но торжество это досталось намъ дорогой цѣною, такъ какъ для того, чтобы низвергнуть Наполеона, освободить отъ его власти Западную Европу и, наконецъ, чтобы самимъ избавиться отъ покоренія—русскому народу пришлось принести на алтарь войны и свое достояніе и жизни сотни тысячъ своихъ сыновъ.

Рѣшивъ походъ на Россію, Наполеонъ уже не медлилъ и весною 1812 года французскія войска стали приближаться къ русской границѣ и Императоръ Александръ, продолжая все еще дѣлать видъ, что не желаетъ этой войны, сталъ дѣятельно къ ней готовиться: уже 23-го марта послѣдовалъ Высочайшій манифестъ *), въ которомъ Государь говоритъ, что «состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, неусыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить Имперію отъ всѣхъ могущихъ противъ нее быть непріязненыхъ покушеній. Издавна сильный и храбрый народъ Россійскій любилъ со всѣми окрестными народами пребывать въ мирѣ и тишинѣ, соблюдая свой и другихъ покой; но когда бур-

*) Манифестъ этотъ былъ составленъ адмираломъ А. С. Шишковымъ, въ немъ правительство впервые говоритъ о возможности близкой войны.

ное дыханïе возстающей на него вражды понуждало его поднять мечъ свой на защиту Вѣры и Отечества тогда не было временъ, въ которыя бы рвенïе и усердïе вѣрныхъ сыновъ Россïи во всѣхъ чинахъ и званïяхъ не оказалось во всей своей силѣ и славѣ. Нынѣ настоитъ необходимая надобность увеличить число войскъ Нашихъ новыми запасными войсками. Крѣпкïя о Господѣ воинскïя силы Наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ Царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежда Престола и Державы твердо на нихъ лежитъ. Но жаркïй духъ ихъ и любовь къ Намъ и къ Отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непрïятельскихъ».

Этимъ манифестомъ повелѣвалось произвести рекрутскïй наборъ во всѣхъ губернïяхъ для увеличенïя запасныхъ войскъ, по два человѣка съ пяти сотъ душъ шестой ревизïи, а въ маѣ послѣдовало Высочайшее повелѣнïе о приглашенïи на службу отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и о сформированïи двѣнадцати новыхъ егерскихъ и пѣхотныхъ полковъ, въ то же время была сформирована третья армïя, подъ названïемъ резервной обсервацïонной и расположенная на южной сторонѣ Полѣсья, съ главною квартирою въ Луцкѣ. Въ высочайшемъ повелѣнïи о сформированïи этихъ двѣнадцати полковъ Государь говоритъ, что они должны быть во всякой исправности и готовности дѣйствовать, когда Отечество позоветъ ихъ ограждать свои предѣлы. Дальше то же повелѣнïе возлагаетъ обмундированïе и снаряженïе полковъ на дворянство: «Усердïе вѣрноподданнаго Намъ храбраго Россïйскаго дворянства всегда въ таковыхъ случаяхъ какъ собственною службою, такъ и пособïями отъ своихъ имуществъ ревновало ознаменоваться. Почему, возлагая на нихъ обмундированïе аммунïцïею сихъ полковъ, пребываемъ Мы совершенно удостовѣрены, что сïе нужное для блага Отечества пожертвованïе принесутъ они съ свойственною имъ ревностïю», снаряженïе же обозовъ Государь тѣмъ же манифестомъ возлагалъ на купечество.

Положенïе Россïи осложнялось въ это время войною съ Тур-

цїей, что оттягивало отъ западной границы значительную часть арміи. Признаки разрыва съ Наполеономъ, а затѣмъ и приближеніе къ нашимъ границамъ французской арміи вынудило Императора Александра пойти на возможныя уступки, благодаря чему и удалось ускорить заключеніе мира, который и былъ подписанъ въ Бухарестѣ, послѣ семимѣсячныхъ переговоровъ, лишь 16 мая 1812 года, а ратификованъ только 11 іюня, наканунѣ перехода французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ и вступленія ихъ въ предѣлы Россіи. Окончаніе турецкой войны несомнѣнно сильно развязывало руки Императору Александру, такъ какъ освобождало войска, бывшія въ Турціи, и они могли быть уже присоединены къ войскамъ, защищавшимъ нашу западную границу, освободился и Кутузовъ, который затѣмъ и былъ призванъ стать во главѣ всѣхъ арміи. Въ это же время было заключено соглашеніе съ Швеціей, такъ что сѣверо-западная наша граница также была въ безопасности и не требовала отвлеченія войскъ.

Но за то, какъ бы въ противовѣсъ этимъ удачамъ Императора Александра, 24-го февраля другъ Императора Александра, Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, вынужденъ былъ заключить съ Наполеономъ союзный договоръ, согласно котораго долженъ былъ оказывать содѣйствіе Франціи въ случаѣ ея войны съ Россіей, а 2-го марта этому примѣру послѣдовалъ и Австрійскій Императоръ, также обязавшійся выставить противъ Россіи вспомогательный корпусъ. Такимъ образомъ Россія была предоставлена однѣмъ своимъ силамъ, ей пришлось вести борьбу противъ всей соединенной Европы, насильно объединенной геніемъ Наполеона. Изъ этихъ двухъ союзовъ, направленныхъ противъ Россіи, если союзъ Австріи съ Наполеономъ явился результатомъ ея исконной двуличной политики, то союзъ Пруссіи былъ вызванъ дѣйствительно тѣмъ безвыходнымъ положеніемъ, въ какое ее поставилъ Наполеонъ. Пруссія дѣйствительно не могла противиться волѣ Наполеона, если желала сохранить свое мѣсто на картѣ Европы. Вотъ что писалъ, между прочимъ, Прусскій король Императору Александру послѣ заключенія этого союза: «Нѣтъ нужды говорить вамъ, Государь, чего мнѣ стоило рѣшиться поступить такъ, какъ я поступилъ; но я утѣшаю себя мыслью, что исполнилъ первѣйшую обязанность—относительно сохраненія государства, пожертвовавъ самыми дорогими мнѣ чувствами.

Это одно успокаиваетъ мою совѣстъ. Пожалѣйте обо мнѣ, Государь, но не обвиняйте меня».

Но всѣ эти обстоятельства нисколько не поколебали рѣшимости Александра вступить въ послѣднюю борьбу съ Наполеономъ.

Исторія сохранила намъ слова Императора Александра, сказанныя имъ во время торжественнаго обѣда, даннаго въ Петербургѣ за нѣсколько дней до отъѣзда Государя въ Вильну въ первую западную армію, эти слова ясно показываютъ на твердую рѣшимость Императора Александра отстаивать честь Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ его полную увѣренность, что въ этомъ онъ найдетъ поддержку у русскаго народа. Высказывая свои подозрѣнія относительно искренности Александра I въ нежеланіи войны съ Наполеономъ, мы вполнѣ убѣждены, что онъ былъ вполнѣ искренъ въ тѣ моменты, когда говорилъ, что не положитъ оружія, пока хотя одинъ непріятель останется въ Россіи, говоря это онъ вѣрилъ въ окончательную побѣду надъ Наполеономъ и до конца былъ вѣренъ себѣ, онъ не только выгналъ непріятеля обратно за Нѣманъ, но пошелъ дальше, пока не добился осуществленія своей мечты и не низложилъ Наполеона. «Мы участвовали, говоритъ Императоръ Александръ, въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, долгъ свой исполнили; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность, и что мы не посрамимъ военную славу, нами пріобрѣтенную» (1).

Какъ мы знаемъ, эти слова Императора Александра вполнѣ оправдались, русскіе люди того времени не посрамили военную славу и показали, насколько были имъ дороги честь и слава Россіи, каждый изъ нихъ исполнилъ свои обязанности по отношенію къ родинѣ до конца. Но Императоръ Александръ, не отказываясь отъ защиты оружіемъ достоинства Россіи, что вполнѣ ясно усматривается изъ всѣхъ его дѣйствій, въ то же самое время, какъ мы уже говорили выше, старается показать передъ всѣми, особенно передъ Европой, что онъ не желаетъ этой войны и не онъ ее начинаетъ, послѣднее впрочемъ было вѣрно, войну началъ Наполеонъ, переступивъ границу Россіи. Еще въ день своего отъѣзда въ первую западную армію, т.-е. всего за два мѣсяца до не-

рехода Наполеономъ Нѣмана, Императоръ Александръ все еще говоритъ о своемъ нежеланіи войны и поручаетъ передать представителю Наполеона въ Петербургѣ, графу Лористону, что въ Вильнѣ такъ же, какъ и въ Петербургѣ онъ останется другомъ Наполеона и самымъ вѣрнымъ его союзникомъ (son ami et son allié le plus fidèle), но и здѣсь Александръ продолжалъ быть неискреннимъ, т. к. въ это самое время шли дѣятельные переговоры о союзѣ Россіи съ Англіею, чего, безъ сомнѣнія, не могъ не знать Наполеонъ и, конечно, не могъ довѣрять миролюбію Русскаго Императора, говорившаго о дружбѣ и въ то же время входившаго въ союзъ съ его злѣйшимъ врагомъ (мирный договоръ съ Англіею былъ подписанъ 6 іюля 1812 года). Наполеонъ еще въ 1810 г. предвидѣлъ возможность союза Россіи съ Англіей, о чемъ говорится въ секретной запискѣ, составленной 4 марта 1810 г. по случаю женитьбы Наполеона на Маріи-Луизѣ; въ этой запискѣ ясно высказывалась мысль о необходимости войны съ Россіей и Императоръ Александръ, стремясь къ тому же, только шелъ на встрѣчу желаніямъ Наполеона. Во всякомъ случаѣ говорить о примиреніи послѣ появленія Наполеона на правомъ берегу Нѣмана было невозможно, даже если бы Императоръ Александръ и искренно желалъ бы въ ту минуту мира, то событія были уже таковы, что объ этомъ было уже поздно подымать вопросъ.— Россія, по выраженію Наполеона, была увлечена рокомъ, но рокъ этотъ не сулилъ ей того, что хотѣлъ для нея французскій Императоръ, на этотъ разъ онъ, къ нашему счастью, ошибся, судьба, баловавшая его до тѣхъ поръ, отвернулась отъ него и повернула свое лицо къ его противнику и вполнѣ оправдала всѣ дѣйствія Императора Александра, находившаго невозможнымъ царствовать въ одно время съ Наполеономъ.

11-го іюня, какъ мы упомянули выше, былъ ратификованъ Бухарестскій миръ *), а на слѣдующій день, т.-е. 12-го іюня, французская армія переправилась близъ Ковны черезъ Нѣманъ и вступила въ предѣлы Россіи, въ этотъ день началась Отечественная война и наступило время русскому народу выступить на защиту своей чести, своихъ святынь, своихъ жилищъ.

*) О заключеніи мира было сообщено въ Москву черезъ особаго гонца, т. н. «вѣстника мира» Протасьева, которому Московское дворянство, по обычаю, поднесло золотую табатерку, украшенную брилліантами.

Святая то была у насъ война!
И ты,—и ты увидѣла смятенье—
О, русскій край. О, милая страна!
И намъ, и намъ грозило покоренье!
Враги, какъ буря, къ намъ войной,
И слѣдъ ихъ былъ—пожаръ и степи;
Для насъ звучали рабства цѣпи,
И врагъ ругался надъ Москвой,—
Но стали русскіе стѣной
И отстояли тронъ и царство!

Глинка.

Наканунѣ перехода черезъ Нѣманъ Наполеонъ издалъ свой знаменитый приказъ по арміи (II). «Россія увлечена рокомъ. Судьба ея должна исполнится», говоритъ Императоръ французовъ въ этомъ приказѣ, «Войны! вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго богъ», заключилъ свой приказъ Императоръ Александръ (III).

13-го же іюня, одновременно съ отданнымъ по арміи приказомъ, Императоръ Александръ писалъ фельдмаршалу Н. И. Салтыкову; въ этомъ письмѣ Александръ, говоря о своемъ миролюбіи и нежеланіи войны, даетъ свое знаменитое обѣщаніе—не класть оружіе пока хоть одинъ непріятель останется въ Россіи: «Французскія войска вошли въ предѣлы Нашей Имперіи,—говоритъ Императоръ Александръ въ этомъ письмѣ.—Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Престола и пользою Моего народа. Всѣ старанія Мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается Мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные Мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе Моего народа и на храбрость войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они будутъ защищать ихъ съ свойственной имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное Наше

дѣло. Оборона отечества, сохраненïе независимости и чести народной принудило Насъ препоясаться на брань. Я не положу оружïя, доколѣ ни единаго непрïятельскаго война не останется въ Царствѣ Моемъ». Это письмо Императора Александра являлось подтвержденïемъ словъ, сказанныхъ имъ еще въ маѣ 1812 г. Коленкуру: «побѣда не доставитъ Наполеону мира. Имѣя позади себя достаточно свободнаго пространства, Мы не рискнемъ армïей и сохранимъ ее... Первымъ Я не обнажу меча, но вложу его послѣднимъ».

Четырнадцатаго ïюня утромъ на зарѣ Императоръ Александръ покинулъ Вильну, къ которой приближалась французская армïя, а уже 16-го Наполеонъ принималъ въ ней генералъ-адъютанта Балашова, привезшаго къ нему письмо Александра I, дѣлавшаго въ глазахъ Европы яко бы послѣднюю попытку къ примиренïю, но французскïй Императоръ гордо отвѣтилъ: «что даже Богъ не можетъ сдѣлать, чтобы не было того, что произошло» (*Dieu même ne peut pas faire ce qui a été fait n'ait pas été*) и дѣйствительно, Императоръ Александръ требовалъ отъ Наполеона невозможнаго—обратнаго перехода за Нѣманъ, но онъ, конечно, долженъ былъ быть увѣреннымъ, что Наполеонъ этого ни въ коемъ случаѣ не сдѣлаетъ, все же русскому Императору надо было считаться и съ тѣмъ, что Императоръ французовъ явился въ Россïю побѣдителемъ всей Европы, не знавшимъ до того пораженïй и убѣжденнымъ, что Императоръ Александръ послѣ перваго же пораженïя униженно будетъ просить мира, который и будетъ заключенъ въ Москвѣ, и Наполеонъ, имѣя армïю болѣе чѣмъ въ три раза превышавшую армïю его противника, конечно, могъ быть увѣреннымъ въ побѣдѣ. Такимъ образомъ письмо Императора Александра являлось, конечно, и въ его собственныхъ глазахъ только политическимъ шагомъ и никто, не исключая и самаго автора, ничего отъ него ожидать не могъ.

Изъ Вильны Императоръ Александръ направился въ Свенцяны, 26-го онъ былъ въ укрѣпленномъ лагерѣ въ Дриссѣ, гдѣ собралась первая армïя, а затѣмъ мы его находимъ въ лагерѣ близъ Полоцка, гдѣ 6-го ïюля были изданы два манифеста, въ коихъ Государь извѣщалъ о вступленïи непрïятеля въ русскïе предѣлы: «Непрïятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжаетъ нести оружïе свое внутрь Россïи, надѣясь силою

и соблазнами потрясть спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благосостояніе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для нея цѣпи и оковы», въ этомъ же манифестѣ Государь не скрываетъ всей трудности предстоящей борьбы съ Наполеономъ и прямо указываетъ на то, что отважность врага «требуетъ неусыпнаго противъ нее бодрствованія» и выражаетъ увѣренность, что врагъ найдетъ «на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ, говоритъ манифестъ, въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина». Второй манифестъ, изданный того же 6-го іюля, былъ обращенъ непосредственно къ первопрестольной Москвѣ, на которую Государь возлагалъ особую надежду, видя въ ней главу русскихъ городовъ и сравнивая ее съ сердцемъ, къ которому потекутъ борцы за отечество: «Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное Наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ по отеческому сердоболію Нашему о всѣхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутренія силы, и наипервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней наподобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуютъ. И такъ да распростра-

нятся въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего, и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ Богъ и православная Наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи. Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа Своего въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится гибель, въ которую мнитъ онъ низвергнуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи *)».

Милостивыя слова манифеста, такъ отличавшія первопрестольную старушку Москву, требовали, конечно, отъ нея и особыхъ усилій для того, чтобы оправдать высокое довѣріе Монарха, призывавшаго ее стать во главѣ народнаго движенія на защиту государства, ей предстояло, какъ говорилось въ манифестѣ, «излить изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу». Дальнѣйшія событія показали, что Императоръ Александръ не ошибся, возлагая надежду на Москву, которая въ Отечественную войну исполнила свой долгъ передъ Россіею и своимъ Государемъ.

Въ ночь на 12-е іюля Государь прибылъ въ Москву, и хотя было приказано не устраивать никакихъ встрѣчъ, но нетерпѣніе увидѣть его было такъ велико, что весь путь отъ послѣдней станціи былъ усѣянъ народомъ, ожидавшимъ проѣзда Государя, и отъ безчисленныхъ фонарей было свѣтло какъ днемъ. Москва, по выраженію Глинки, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла навстрѣчу Государя. Всѣ сердца ликовали. Объ этомъ памятномъ посѣщеніи Императоромъ Александромъ I Москвы сохранились многія воспоминанія очевидцевъ всего происходившаго въ эти дни, — это посѣщеніе является настолько крупнымъ

*) Императоръ Александръ задумалъ созывъ ополченія еще ранѣе, 27-го іюня онъ написалъ Барклаю де-Толли: «Я рѣшился издать манифестъ, чтобы при дальнѣйшемъ вторженіи непріятелей воззвать народъ къ истребленію ихъ всевозможными средствами, и почитаю это такимъ дѣломъ, которое предписываетъ сама вѣра».

Василей Арсеньевъ

событіемъ въ жизни первопрестольной Москвы, что мы приведемъ здѣсь выдержки изъ воспоминаній двухъ современниковъ этихъ событій, одного бывшаго въ свитѣ Государя генералъ-адъютанта графа Е. Ф. Комаровскаго и другого—Московскаго дворянина, участника ополченія, Еврейнова.

«Въ слѣдующій день, по утру,—говоритъ въ своихъ запискахъ генералъ-адъютантъ гр. Е. Ф. Комаровскій,—Императоръ назначить изволилъ быть молебну въ Успенскомъ соборѣ. Стеченіе народа на всей Кремлевской площади было такъ велико, что находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довесть Императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами; мы очутились почти у гауптвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное «ура» заглушило почти колокольный звонъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время. На другой день приказано было сдѣлать мостки съ перилами отъ Краснаго крыльца до собора. Архіепископъ Августинъ встрѣтилъ Государя съ крестомъ и св. водою и произнесъ весьма трогательное и краснорѣчивое слово. Въ пространныхъ залахъ Слободского дворца *) назначены были собранія для дворянства и купечества. Императоръ самъ поѣхалъ въ Слободской дворецъ. Войдя въ залу, гдѣ собрано было все Московское дворянство, губернскимъ предводителемъ коего былъ В. Д. Арсеньевъ, Государь сказалъ: «Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего пріѣзда. Императоръ французовъ вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ порабощенныхъ имъ народовъ, вторгся въ нашу границу; всѣ средства истощены были, сохраняя однако достоинство имперіи, къ отвращенію бѣдствія; но властолюбивый духъ Наполеона, не знающій предѣловъ, не внималъ никакимъ

*) Кажется на мѣстѣ С. д. нынѣ Императорское Техническое училище. Какъ ни странно, но вопросъ, гдѣ именно былъ Слободской дворецъ, до сихъ поръ является не вполнѣ рѣшеннымъ и отчасти даже спорнымъ. Пыляевъ (Старая Москва, стр. 355) говоритъ, что С. д. сгорѣлъ въ 1812 г., что повидимому вѣрно.

предложенїямъ. Настало время для Россїи показать свѣту ея могущество и силу! Я въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непрїятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ;—сего ожидаетъ отъ васъ Отечество ваше и Государь!»

Вся зала огласилась словами: «Готовы умереть скорѣе, Государь, нежели покориться врагу. Все, что мы имѣемъ, отдаемъ тебѣ; на первый случай, назначаемъ десятаго человѣка со ста душъ крестьянъ нашихъ на службу». Всѣ, бывшїе въ залѣ, не могли воздержаться отъ слезъ. Государь самъ былъ чрезмѣрно тронутъ и прибавилъ: «Я многаго ожидалъ отъ Московскаго дворянства, но оно превзошло мое ожиданїе».

(И весь этотъ разговоръ остался у меня въ совершенной памяти). Потомъ Императоръ изволилъ войти въ залу, гдѣ находилось Московское купечество. Государь встрѣченъ былъ радостнымъ восклицанїемъ. Купцы объявили Его Величеству, что на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ Отечеству, уже сдѣланы подписки. Императоръ, окруженный толпою народа, который отовсюду стремился навстрѣчу Его Величества, съ безпрестаннымъ крикомъ «ура», возвратился въ Кремлевскїй дворецъ. Многїе изъ первѣйшихъ Московскихъ чиновниковъ и мы всѣ въ этотъ день приглашены были къ обѣденному столу Государя. Императоръ нѣсколько разъ изволилъ повторять, что этого дня никогда не забудетъ. Послѣ обѣда посланъ былъ орденъ св. Анны 1-го класса Московскому губернскому предводителю В. Д. Арсеньеву. Многїе изъ моихъ знакомыхъ, Московскихъ дворянъ, мнѣ говорили: одни, что отдадутъ всѣхъ своихъ музыкантовъ, другїе актеровъ, третьи дворовыхъ людей, псарей въ ратники, ибо ихъ скорѣе образовать можно для военнаго ремесла нежели крестьянъ» *).

Вполнѣ сходятся объ этихъ знаменитыхъ минутахъ и воспоминанїя М. М. Еврейнова, который въ своей «Памяткѣ о 1812 г.» («Русскїй Арх.» 1874. I, 98) говоритъ: «На другой день, то-есть 12 числа, назначенъ былъ выходъ Государя въ Успенскїй соборъ. Съ ранняго утра Кремль наполнился безчисленнымъ множествомъ

*) «Русскїй Архивъ». 1867. 774. «Изъ записокъ генералъ-адъютанта гр. Е. Ф. Комаровскаго.

народа, такъ что крыши были покрыты людьми, какъ говорится, что яблоку негдѣ было упасть. Я не побоялся тѣсноты и довольно искусно пробрался къ самымъ южнымъ дверямъ собора, въ которыя долженъ былъ вступить Государь, для слушанія благодарственнаго молебствія по случаю только что заключеннаго мира съ Турціею, столь благопріятнаго для сего времени. Во время шествія Государя изъ дворца въ соборъ не умолкали крики, смѣшанные со звономъ всѣхъ колоколовъ. Мнѣ посчастливилось какъ-то помѣститься близко Государя у дверей. За семь мѣсяцевъ до сего я видѣлъ его совершеннымъ красавцемъ, теперь же видѣлъ его совершенно загорѣвшимъ, исхудавшимъ и съ физіономіею печальною. Когда онъ приблизился къ дверямъ собора, преосвященный Августинъ съ крестомъ встрѣтилъ его краснорѣчивымъ привѣтствіемъ. Государь вошелъ въ соборъ съ наполненными слезъ глазами. Преосвященный тогда же украшенъ былъ Александровскою лентою.

По окончаніи молебствія, Государь изволилъ отправиться въ Слободской дворецъ, куда за нимъ послѣдовали представители всѣхъ сословій, гдѣ и начались пожертвованія: дворянство предложило десятаго человѣка со ста душъ, купцы крупными суммами, и потекли милліоны рублей. Демидовъ Николай Никитичъ и графъ Мамоновъ обязались на свой коштъ собрать и содержать два полка. Надъ Московскимъ ополченіемъ назначенъ былъ начальникомъ графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, и все быстро потекло и закипѣло. Тогда и я по поданному прошенію изъ прежней службы вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ были уволены и поступили въ Демидовскій полкъ *), бывъ переименованными поручиками съ ношеніемъ общаго армейскаго мундира съ золотыми эполетами. Мнѣ велѣно было находиться при Демидовѣ, полковникомъ же при полку назначенъ былъ Александръ Васильевичъ Аргамаковъ, а маіорами Петръ Ивановичъ Нейгардъ и Петръ Львовичъ Демидовъ. Начался пріемъ ратниковъ, которыхъ скоро обмундировали въ казакины изъ простого сукна съ шапками, украшенными крестами

*) Первый Егерскій. Демидовъ подъ Бородинымъ командовалъ резервомъ Московской военной силы, полкъ его подъ командою Аргамакова, также принялъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, въ которомъ Аргамаковъ дѣйствовалъ «съ отличнымъ мужествомъ и съ успѣхомъ исполнялъ поручаемое ему».

мѣдными (IV) и помѣстили ихъ въ Спасскихъ казармахъ, обучали маршировать съ оборотами и разнымъ порядкамъ».

Всѣ воспоминанія современниковъ рисуютъ намъ яркую картину того воодушевленія, которое охватило все населеніе въ Москвѣ, когда оно увидало среди себя Государя. Нашествіе Наполеона, казалось, сплотило всѣ классы населенія, въ каждомъ зажглось чувство патріотизма, который въ концѣ концовъ и спасъ Россію. 12-го іюля огромная толпа народа наполнила Кремль, ожидая выхода своего Государя. Александръ вышелъ на Красное крыльцо и взволнованный поклонился народу, могучее «ура» заглушило колокольный звонъ, народъ бросился къ Императору, цѣловали руки, ноги, полы мундира. «Не унывай, Государь, видишь сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же по всей Россіи! Всѣ умремъ за тебя» — эти слова были сказаны Государю однимъ изъ толпы, и эти слова, думаемъ, мы въ правѣ считать,— соотвѣтствовали общему настроенію не только Москвы, но и всей тогдашней Россіи.

Приподнятое настроеніе продолжалось и дальше. Здѣсь въ Москвѣ, по выраженію Н. К. Шильдера, Александръ изъ военноначальника сталъ русскимъ царемъ и почувствовалъ силы народа; и Императоръ Александръ былъ несомнѣнно искренень, говоря о 15 іюля, что «*этого дня я никогда не забуду*», этотъ день долженъ быть памятенъ и для Московскаго дворянства, которое 15 іюля 1812 года точно опредѣлило свое отношеніе къ предстоящей борьбѣ за честь и славу родины и которое выполнило все то, что обѣщало въ благородномъ порывѣ патріотическаго воодушевленія.

«Пріѣздъ мой въ Москву,—писалъ Императоръ Александръ графу Салтыкову,—имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство мнѣ предложило на вооруженіе 20000 человѣкъ, къ чему уже тотчасъ приступлено. Въ Москвѣ одна губернія даетъ мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80000 *), кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ **). Денегъ

*) Здѣсь Государь былъ очевидно введенъ въ заблужденіе, этого количества Московское дворянство выставить не могло, въ дѣйствительности было 30 съ чѣмъ-то тысячъ, что и соотвѣтствовало вполнѣ $^1/_{10}$ всего количества крѣпостного мужского населенія губерніи. Московское ополченіе по количеству воиновъ было наибольшее.

**) Охотниковъ почти не было; по журналамъ 1 Комитета можно опредѣлить ихъ количество въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и только.

дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ, купечество же слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, нельзя не быть тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ».

Знакомясь съ сохранившимися въ архивѣ дворянства списками пожертвованій на нужды военнаго времени видно то воодушевленіе, которое охватило всѣ слои общества. Среди особенно крупныхъ жертвъ мы находимъ такія крупныя пожертвованія, какъ Ирины Ивановны Бекетовой 50 тысячъ, графини Анны Алексѣевны и графа Владиміра Григорьевича Орловыхъ-Чесменскихъ по 100 тысячъ рублей, Ивана Петровича Бекетова 10 тысячъ, князя Александра Николаевича и княгини Екатерины Николаевны Долгорукихъ 10 тысячъ, Зоя Павловича Зосимасъ братьями 30 тысячъ, графа Сергѣя Петровича Румянцева 15 тысячъ, князя Николая Борисовича Юсупова 10 тысячъ, отъ служащихъ въ Императорскихъ театрахъ 10014 р., среди крупныхъ пожертвованій московскаго купечества встрѣчаемъ имена: Алексѣева (50 т.), Губина (78 т.), Корзинкина (25 т.), городского головы коммерціи-совѣтника-Алексѣя Алексѣевича Куманина (50 т.), Лухманова (25 т.), братьевъ Лукиныхъ (60 т.), Мазурина (25 т.), Солдатенкова (25 т.); изъ иногородныхъ купцовъ обращаетъ на себя вниманіе пожертвованіе переяславскаго купца Крестовникова (40 т.), также крупное пожертвованіе сдѣлала Троицкая Лавра, внесшая 70 тысячъ ассигнаціями, 2500 р. серебромъ и 324 четвертныхъ червонца, кромѣ того Лавра пожертвовала серебра въ слиткѣ 1 пудъ 34 фунта 70 золотниковъ и серебряныхъ вещей вѣсомъ 3 пуда 25 фун. 46 зол. *). Внесли свою лепту также профессора и преподаватели Московскаго Университета. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, поступали пожертвованія и провіантомъ и матеріаломъ, жертвовали также и оружіе, въ спискѣ этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ медикаменты, холстъ, каски, ружья, пистолеты, пики и даже 12 мѣдныхъ пушекъ съ лафетами (отъ графа Никиты Петровича Панина).

---

*) Среди этихъ вещей были стаканы, стопы, ковши—возможно, что всѣ эти вещи имѣли большую цѣнность въ археологическомъ отношеніи. Все это, вѣроятно, было сплавлено и погибло, что, конечно, очень жаль.

Къ этимъ пожертвованіямъ надо прибавить также и пожертвованіе коломенскаго дворянства, которое въ 1816 г. отказалось отъ 30 тысячъ рублей, ассигнованныхъ для войновъ ополченія по Коломенскому уѣзду, за что въ мартѣ 1817 г. коломенское дворянство удостоилось получить Высочайшее благоволеніе, объявленное черезъ графа Тормасова.

Каждый несъ, что могъ и имя каждаго жертвователя должно быть отмѣчено, но особенно достойно быть отмѣченнымъ имя купца изъ Серебрянаго ряда Алексѣя Гавриловича Савостина, который отдалъ все имущество еще ранѣе созыва въ Слободской дворецъ дворянства и купечества 15-го іюля, что отмѣчаетъ П. С. Валуевъ *) въ своемъ письмѣ къ графу Ростопчину, — также весьма характерно заявленіе адмирала Николая Семеновича Мордвинова, оно настолько ярко рисуетъ намъ то настроеніе общества, которое его охватило въ тяжелую годину Отечественной войны, что мы находимъ необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ: «Въ Комитетъ, учрежденный для принятія и записки приношеній, адмиралъ Мордвиновъ вноситъ по числу 56 душъ Московской губерніи, за женою его состоящихъ, 560 рублей, обязывается на все время продолженія войны изъ 8 блюдъ, составляющихъ его столъ, уменьшить 5, напитковъ иностранныхъ за столомъ своимъ не употреблять, изъ 8 лошадей содержимыхъ нынѣ, уменьшить 4; жена его и дочери обязываются не носить на себѣ ничего иностраннаго и одежду русскаго рукодѣлія никакими накладками, уборами, шитьями не украшать, весь же остатокъ доходовъ, отъ умѣренія расходовъ послѣдующій, обязывается онъ ежегодно вносить въ государственное казначейство».

Штабсъ-ротмистръ Иванъ Кузьмичъ Сикорскій отдалъ въ ополченіе двухъ своихъ дворовыхъ людей, вооруженныхъ саблями и пиками, и свою пенсію въ 113 рублей,—въ этомъ заключалось все его имущество, которое онъ и отдалъ родинѣ **).

Наполеонъ, начиная войну съ Россіей, очевидно не зналъ того народа, съ которымъ хотѣлъ воевать, и не предвидѣлъ того во-

*) Петръ Степановичъ Валуевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, былъ начальникомъ Московской Кремлевской Экспедиціи. Его сынъ Петръ былъ убитъ подъ Бородинымъ, о немъ говоритъ князь Вяземскій въ своемъ стихотвореніи «Поминки по Бородинской битвѣ» (см. прим. VI).

**) Журналъ Комитета 23-го іюля.

одушевленія, какое возбудитъ его появленіе въ предѣлахъ Россіи; онъ былъ увѣренъ, что Москва его встрѣтитъ такъ же, какъ встрѣчали его другія столицы Европы, но

«Весь народъ поднялся въ гнѣвѣ яромъ,
Весь народъ на подвигъ вышелъ ратный,
И Москва, зажженная пожаромъ,
Освѣтила страшный путь обратный».

(*Л. А. Колоколивова.*)

А между тѣмъ русское общество еще въ іюнѣ не отдавало себѣ яснаго отчета во всѣхъ событіяхъ, и современники говорятъ, что до пріѣзда въ Москву Государя, общество совершенно не представляло себѣ всего надвигавшагося ужаса, никому не приходила въ голову возможность отдачи Москвы; не допускалъ этой мысли и самъ Императоръ Александръ. Не думали этого и московскіе жители, оставившіе Москву чуть ли не за нѣсколько часовъ до вступленія туда французскихъ войскъ *); даже правительственныя учрежденія были закрыты только 30-го августа (V), а архіепископъ Августинъ уѣхалъ еще позднѣе, такъ какъ только 1-го сентября получилъ отъ графа Ростопчина письмо, въ которомъ тотъ писалъ :«Нечаянное рѣшеніе князя Кутузова оставить Москву злодѣю должно рѣшить и ваше преосвященство отправиться немедля. — Но именемъ Государя сообщаю вамъ, чтобы Владимірскую **), Иверскую и Смоленскую Богоматерей взяли съ собою.—Народъ ночью сего не примѣтитъ, а предлогъ — что имъ хочетъ молиться войско.—Путь вашъ на Владиміръ».

Прекрасно рисуетъ настроеніе Московскаго общества лѣтомъ 1812 года въ своихъ воспоминаніяхъ князь П. А. Вяземскій (VI) ***):

«Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву изъ арміи 12 іюля 1812 года былъ событіемъ незабвеннымъ и принадлежитъ исторіи. До сего война, хотя и ворвавшаяся въ нѣдра Россіи, ка-

*) Совершенно то же самое происходило и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ прошла армія Наполеона, помѣщики до того были далеки отъ возможности появленія непріятеля въ предѣлахъ Московской губерніи, что покидали свои усадьбы часто только въ виду приближающихся французовъ. Тѣмъ болѣе никому не могла прійти въ голову возможность отдачи Москвы и появленія непріятельскихъ отрядовъ къ востоку отъ Москвы.

**) Во Владиміръ существуетъ преданіе, что подлинная икона Владимірской Божіей Матери осталась во Владиміръ, а въ Москву возвратилась вмѣсто нея копія, писаная въ XVI ст.

***) Русскій Архивъ 1869, I, 181.

залась вообще войною обыкновенною, похожею на прежнія войны, къ которымъ вынуждало насъ честолюбіе Наполеона. Никто въ московскомъ обществѣ порядочно не изъяснялъ себѣ причины и необходимости этой войны; тѣмъ болѣе никто не могъ предвидѣть ея исхода.

Только позднѣе мысль о мирѣ сдѣлалась недоступною русскому народному чувству. Въ началѣ войны встрѣчались въ обществѣ ея сторонники, но встрѣчались и противники. Можно сказать вообще, что мнѣніе большинства не было ни сильно потрясено, ни напугано этою войною, которая таинственно скрывала въ себѣ и тѣ событія и тѣ историческія судьбы, которыми послѣ ознаменовала она себя. Въ обществахъ и въ англійскомъ клубѣ (говорю только о Москвѣ, въ которой я жилъ) были, разумѣется, разсужденія, пренія, толки, споры о томъ, что происходило, о нашихъ стычкахъ съ непріятелемъ, о постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ во внутрь Россіи. Но все это не выходило изъ круга обыкновенныхъ разговоровъ, въ виду подобныхъ же обстоятельствъ. Встрѣчались даже и такіе люди, которые не хотѣли или не умѣли признавать важность того, что совершалось почти въ ихъ глазахъ. Помнится мнѣ, что на успокоительныя рѣчи такихъ господъ одинъ молодой человѣкъ—кажется, Мацневъ—забавно отвѣчалъ обыкновенно стихомъ Дмитріева:

«Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ».

Но никто, и, вѣроятно, самъ Мацневъ не предвидѣлъ, что этотъ Миловзоръ-Наполеонъ скоро будетъ тутъ, то-есть въ Москвѣ. Мысль о сдачѣ Москвы не входила тогда никому въ голову, никому въ сердце. Ясное понятіе о настоящемъ рѣдко бываетъ удѣломъ нашимъ: тутъ ясновидѣнью много препятствуютъ чувства, привычки, то излишнія опасенія, то непомѣрная самонадѣянность. Не одинъ Русскій, но вообще и каждый человѣкъ, крѣпокъ заднимъ умомъ. Пора дѣйствія и волненій не есть пора суда. Въ то время равно могли быть правы и тѣ, которые желали войны, и тѣ, которые ея опасались. Окончательный исходъ и опытъ утвердили торжество за первыми. Но можно ли было, по здравому разсудку и по строгому исчисленію вѣроятностей, положительно предвидѣть подобное торжество?—это другой вопросъ.

СЪ пріѣзда Государя въ Москву, война приняла характеръ войны народной. Всѣ колебанія, всѣ недоумѣнія исчезли; все, такъ сказать, отвердѣло, закалилось и одушевилось въ одномъ убѣжденіи, въ одномъ святомъ чувствѣ, что надобно защищать Россію и спасти ее отъ вторженія непріятеля. Уже до появленія Государя въ собраніе Дворянства и Купечества, созванное въ Слободскомъ дворцѣ все было рѣшено, все было готово, чтобы на дѣлѣ оправдать вѣру Царя въ великодушное и неограниченное самопожертвованіе народа въ день опасности. На вызовъ Его единогласнымъ и единодушнымъ отвѣтомъ было принести на пользу Отечества поголовно имущество свое и себя.

Настала торжественная минута. Государь явился въ Слободской дворецъ предъ собраніемъ. Наружность Его была всегда обаятельна. Тутъ Онъ былъ величаво-спокоенъ, но видимо—озабоченъ. Въ выраженіи лица Его обыкновенно было замѣтно, и при улыбкѣ, что-то задумчивое на челѣ. Это отличительное выраженіе мѣтко схвачено Торвальдсеномъ въ извѣстномъ бюстѣ Государя. Но на сей разъ сочувственная и всегда привѣтливая улыбка не озаряла лица Его; только на челѣ Его темнѣлось привычное облачко. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ Государь опредѣлилъ положеніе Россіи, опасность, ей угрожающую, и надежду на содѣйствіе и бодрое мужество своего народа. Послѣдствія и приведеніе въ дѣйствіе мѣръ, утвержденныхъ въ этотъ день, достаточно извѣстны, и мы на нихъ не остановимся. Главное вниманіе наше обращается на духовную и народную сторону этого событія, а не на вещественную. Оно было не мимолетной вспышкой возбужденнаго патріотизма, не всеподданнѣйшимъ угожденіемъ волѣ и требованіямъ Государя. Нѣтъ, это было проявленіе сознательнаго сочувствія между Государемъ и народомъ. Оно во всей своей силѣ и развитости продолжалось не только до изгнанія непріятеля изъ Россіи, но и до самаго окончанія войны, уже перенесенной далеко за родной рубежъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ яснѣе обозначалась необходимость разсчесться и покончить съ Наполеономъ не только въ Россіи, но и гдѣ бы онъ ни былъ. Первый шагъ на этомъ пути было вступленіе Александра въ Слободской дворецъ. Тутъ невидимо, невѣдомо для самихъ дѣйствующихъ, Провидѣніе начертало свой планъ: начало его было въ Слободскомъ дворцѣ, а окончаніе въ Тюльерійскомъ.»

Но раньше окончанія въ Тюльерійскомъ дворцѣ плана начертаннаго Провидѣніемъ, требовалось огромное напряженіе русскаго народа и во главѣ его дворянства, принесшихъ родинѣ и жизнь своихъ сыновъ и свое достояніе.

Знакомясь съ архивными матеріалами, касающимися участія Московскаго дворянства въ тяжелую годину, мы смѣло можемъ сказать, что оно оказалось вполнѣ достойнымъ довѣрія своего Государя,—кромѣ тѣхъ десятковъ тысячъ воиновъ, которые оно поставило въ ряды арміи, кромѣ тѣхъ милліоновъ, которые оно внесло въ комитетъ, образованный для сбора пожертвованій, оно истратило милліоны для содержанія ополченія, наконецъ послѣ ухода французовъ оно вмѣсто своихъ усадебъ и деревень нашло пожарища, такъ въ одномъ Можайскомъ уѣздѣ, правда наиболѣе пострадавшемъ, сгорѣло болѣе 2000 дворовъ *), всего же въ Московской губерніи сгорѣло у помѣщиковъ, по имѣющимся у насъ неполнымъ свѣдѣніямъ, болѣе 7000 дворовъ (всего сгорѣло болѣе 400 деревень).

Кромѣ тѣхъ пожертвованій, о которыхъ было заявлено 15-го іюля въ Слободскомъ дворцѣ, Московскому дворянству пришлось уже нѣсколько ранѣе внести по рублю семидесяти копеекъ съ души на покупку для арміи воловъ. 3-го іюня на имя Московскаго военнаго губернатора послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, въ коемъ Государь, упоминая объ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится Россія, говоритъ, что «Благородное Россійское дворянство, отъ давнихъ временъ обыкшее не щадить никакихъ пожертвованій, когда нужда Государственная того требуетъ, равно и другія сословія, достохвальнымъ примѣромъ таковымъ одушевляемыя, съ готовностію вняли сему призванію НАШЕМУ, и иждивеніемъ ихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ поставлено для артиллеріи значущее количество лошадей, въ другихъ содержатся многочисленныя НАШИ арміи, въ иныхъ же возложено на попеченіе ихъ снабдить формируемые вновь полки амуниціею и обозомъ. Сверхъ сихъ на пользу общую предназначенныхъ приношеній, открылась нынѣ потреб-

*) Въ однихъ запасныхъ магазинахъ въ помѣщичьихъ селахъ Можайскаго уѣзда уничтожено во время прихода французовъ 16726 четвертей ржи и 2132 четверти яровыхъ хлѣбовъ.

ность въ новыхъ: нужно собрать не маловажное число воловъ, какъ для подъема воинскихъ тягостей, такъ и продовольствія храбрыхъ НАШИХЪ воиновъ, по первому велѣнію готовыхъ выступить противу непріязненныхъ каковыхъ-либо покушеній». Въ заключеніе Государь призывалъ дворянство къ пожертвованію потребной для покупки воловъ суммы въ одинъ милліонъ рублей. Половину всей этой суммы приняло на себя Московское купечество, а другая половина была собрана Московскимъ дворянствомъ по раскладкѣ по количеству мужскихъ душъ, согласно постановленію депутатскаго собранія отъ 1 іюля 1812 г.

Сопоставляя всѣ эти пожертвованія деньгами, провіантомъ, фуражемъ, 30-ти тысячнымъ вполнѣ обмундированнымъ, вооруженнымъ и обезпеченнымъ 3-хъ мѣсячнымъ продовольствіемъ ополченіемъ и эти тысячи сгорѣвшихъ крестьянскихъ дворовъ, сгорѣвшія усадьбы, хранившія въ себѣ, рядомъ поколѣній собранное имущество, наконецъ пожаръ Москвы, гдѣ погибли не только дома, но и ничѣмъ невозвратимыя драгоцѣнности, библіотеки, предметы искусства и т. п. (VII), а также принимая въ соображеніе цѣлый рядъ внѣочередныхъ рекрутскихъ наборовъ *),—мы можемъ смѣло сказать, что Московское дворянство несло на алтарь отечества не только отъ однихъ своихъ избытковъ, —1812 г. въ значительной степени подорвалъ средства многихъ, а для нѣкоторыхъ принесъ почти полное разореніе и тѣ субсидіи, которыя были выданы послѣ войны правительствомъ, являлись каплею въ морѣ и могли только въ извѣстныхъ случаяхъ поддержать, но не возстановить погибшее благосостояніе (VIII). Просматривая списки пострадавшихъ помѣщиковъ (IX), мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ, у которыхъ сгорѣли сотни дворовъ: у графини Елисаветы Васильевны Зубовой 112, князя Петра Алексѣевича Волконскаго 129, Василія Дмитріевича Камынина 222, Натальи Абрамовны Пушкиной 149, графа Льва Кирилловича Разумовскаго 118, семьи Савеловыхъ 385, Матвѣя Федоровича Толстого 127, графини Екатерины Александровны Головкиной 364, Дмитрія Александровича Гурьева 160, графа Петра Андреевича Ефимовскаго 112, графини Варвары Петровны Разумов-

*) За время съ 1808 по 1813 годъ было девять наборовъ.

ской 149, Гаврила Васильевича Рюмина 164, Шереметевыхъ 177. Само правительство сознавало прекрасно, что оно не въ силахъ вознаградить дворянство за все понесенное имъ, что ясно видно изъ Манифеста отъ 30 августа 1814 г., выдержку изъ котораго мы приводимъ нѣсколько ниже сего. Манифестъ этотъ призывалъ дворянство къ воздержанію отъ роскоши и къ хозяйственному домостроительству, что, по его словамъ, должно было сторицею вознаградить за претерпѣнные разстройства и убытки. Но большинству дворянства было не до роскоши, надо было изыскивать средства къ существованію и возстановленію сожженныхъ усадебъ и крестьянскихъ дворовъ, а какъ видно изъ документовъ депутатскаго собранія, у громаднаго большинства помѣщиковъ не было совершенно строевого лѣса, что, конечно, еще болѣе затрудняло возможность скоро возстановить сожженныя деревни, которыхъ была не одна сотня.

Въ 1813 г. была назначена трехлѣтняя ссуда для крестьянъ въ размѣрѣ 2050000 р., но изъ этихъ денегъ болѣе ¾ пошло крестьянамъ дворцовымъ и казеннымъ, помѣщичьимъ же всего было выдано 460,456 р., т.-е. въ среднемъ не болѣе 50 р. на дворъ, при чемъ помѣщичьимъ крестьянамъ были выдаваемы ссуды лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сами помѣщики не въ силахъ были оказать помощи; такъ въ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ дворянскаго архива, мы находимъ отношеніе Московскаго губернскаго предводителя дворянства Арсеньева къ Московскому гражданскому губернатору Обрескову, въ которомъ онъ говоритъ объ отказѣ въ пособіи крестьянамъ князей Щербатовыхъ, такъ какъ, говоритъ губернскій предводитель, ссуда раздается «тѣмъ только помѣщичьимъ крестьянамъ, которыхъ помѣщики вовсе никакихъ средствъ возстановить крестьянъ своихъ не могутъ», а за «вышеупомянутыми помѣщиками князьями Щербатовыми, добавляетъ губернскій предводитель, сверхъ разоренныхъ въ Верейскомъ уѣздѣ состоитъ въ разныхъ губерніяхъ 1280 душъ».

Несмотря на значительное разореніе, Московское дворянство отказалось послѣ окончанія войны, также и отъ вознагражденія за провіантъ и фуражъ, взятые въ ихъ имѣніяхъ для войскъ, что составило въ общемъ не малую сумму. Въ общемъ трудно даже подсчитать тѣ матеріальныя жертвы, которыя были принесены

за время Отечественной войны дворянствомъ вообще и Московскимъ въ особенности *). Все сдѣланное дворянствомъ отмѣчено въ Высочайшемъ Манифестѣ, данномъ 30-го августа 1814 года: «Благородное Дворянство Наше, вѣрная и крѣпкая ограда Престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле доброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ ненарушимую преданность и любовь къ Царю и Отечеству, наипаче же изъявившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имуществъ, но и самой крови и жизни своей... Впрочемъ Мы несомнѣнно увѣрены, что хотя дворянство въ необычайную нынѣшнюю войну сильно пострадало и претерпѣло великіе убытки, но пріобрѣтенная имъ истинная и неувядаемая слава исцѣлитъ раны его, утѣшитъ въскорби, умножитъ еще болѣе должную и справедливую гордость быть Россіяниномъ, и увеличитъ заботу и попеченіе его о благосостояніи ввѣреннаго ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ; воздержанность же отъ роскоши, матери пороковъ, и хозяйственное домостроительство, источникъ изобилія, спокойствія и чистоты нравовъ, вознаградитъ сторицею всѣ претерпѣнныя разстройства и убытки» (X).

Эти милостивыя слова Высочайшаго Манифеста нисколько не превышаютъ всего, что было сдѣлано въ эпоху борьбы съ Наполеономъ русскимъ дворянствомъ, они только точно и опредѣленно говорятъ, что было въ дѣйствительности и эти слова Монарха, это признаніе заслугъ дворянства передъ всѣмъ народомъ русскимъ, являются лучшею наградою дворянству за его безкорыстную службу родинѣ.

Но вернемся ко времени пребыванія въ Москвѣ Государя въ іюлѣ 1812 года, когда было приступлено къ организаціи Москов-

---

*) Въ общемъ сумма всѣхъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ 1812 г. частными лицами, достигала 100 милліоновъ рублей, количество же выставленныхъ ополченій было болѣе 250 тысячъ человѣкъ, снаряженіе же каждаго ополченца обходилось около 150 рублей, т.-е. снаряженіе всѣхъ ополченій обошлось дворянству около 35 милліоновъ, изъ нихъ на долю Московскаго падаетъ около 4500000 руб.

скаго ополченія или какъ оно офиціальнo называлось Московской Военной силы.

Еще въ Манифестѣ отъ 6-го іюля, данномъ въ лагерѣ близъ Полоцка, Императоръ Александръ говоритъ о необходимости «собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ», въ томъ же Манифестѣ говорится, что «для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ онѣми, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель» *). Во исполненіе этого Манифеста гражданскій губернаторъ Обресковъ 11-го іюля сообщилъ губернскому и уѣзднымъ предводителямъ дворянства о необходимости имъ пріѣхать въ Москву «для совѣщаній и мѣроположеній» и о немедленномъ приглашеніи уѣзднаго дворянства «собраться какъ наискорѣе въ Москву».

Дворянское собраніе состоялось уже 16-го іюля и на немъ были произведены выборы главнокомандующаго Московскою Военною Силою, избранными оказались: генералъ-отъ-инфантеріи графъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ (243 голоса), генералъ-отъ-инфантеріи графъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ (225 г.) и генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (198 г.) **), кандидатами къ нимъ генералъ-лейтенантъ графъ Ираклій Ивановичъ Морковъ, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Николай Алексѣевичъ Татищевъ ***), генералъ-отъ-кавалеріи Степанъ Степановичъ Апрак-

*) По смыслу этого Манифеста можно предположить, что ополченія должны были имѣть одного общаго главнокомандующаго, который долженъ былъ быть избранъ въ Москвѣ, т.-е. надо думать Московскимъ дворянствомъ, такъ какъ въ Манифестѣ ясно сказано—«давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель», не назначенъ, а избранъ. Въ дѣйствительности же всѣ губерніи имѣли своихъ особыхъ начальниковъ ополченій, а всѣ ополченія были подчинены Главнокомандующему арміями.

**) Кавалеръ св. Георгія 3 и 2 степеней, былъ Московскимъ главнокомандующимъ передъ графомъ Ростопчинымъ.

***) Бывшій инспекторъ инфантеріи Петербургской инспекціи. Одинъ изъ первыхъ по времени кавалеровъ св. Георгія (1770).

синъ *) и генералъ-адъютантъ графъ Петръ Александровичъ Толстой **).

Такимъ образомъ Московское дворянство избрало своимъ вождемъ Кутузова (XI), оно первое признало въ немъ единственнаго человѣка, который можетъ противустать генію Наполеона.

Почти одновременно съ Московскимъ и Петербургское дворянство 17-го іюля, т. е. на слѣдующій день, также избрало главнокомандующимъ своимъ ополченіемъ Кутузова, который и принялъ это избраніе, не зная еще объ избраніи его и въ первопрестольной Москвѣ, о чемъ онъ узналъ только случайно отъ графа Комаровскаго, встрѣтившаго его въ Таврическомъ дворцѣ, куда Кутузовъ пріѣхалъ для представленія Государю по случаю его избранія Петербургскимъ дворянствомъ. «Когда онъ узналъ отъ меня, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ гр. Комаровскій, объ этомъ назначеніи, съ полными глазами слезъ сказалъ: «Вотъ лучшая награда для меня, въ моей жизни».

Къ этому времени выдвинулся также вопросъ о главнокомандующемъ арміями, общественное мнѣніе рѣзко настаивало на непригодности Барклая-де-Толли, упорное отступленіе котораго, въ связи съ его нѣмецкимъ происхожденіемъ, возбуждало къ нему недовѣріе русскаго общества, а постоянныя несогласія его съ княземъ Багратіономъ сильно осложняли и самое управленіе арміями, и Государь подъ вліяніемъ всего этого рѣшился смѣнить Барклая, поручивши рѣшеніе вопроса объ избраніи главнокомандующаго особому комитету, состоявшему изъ графа Салтыкова, Вязмитинова, графа Аракчеева, Балашова, князя Лопухина и графа Кочубея. 5-го августа комитетъ вынесъ единогласное рѣшеніе о необходимости назначенія Кутузова, возведеннаго въ это время въ княжеское достоинство за успѣшное окончаніе войны съ Турціей. Это избраніе вполнѣ отвѣчало общественному мнѣнію, которое всѣ свои надежды возлагало на Кутузова. Императоръ Александръ, нелюбившій и недовѣрявшій Кутузову, все же утвердилъ это избраніе и 8-го августа состоялось назначеніе его главнокомандующимъ всѣми арміями и ополченіями. Императоръ Александръ настолько недовѣрялъ Кутузову, что не могъ даже

*) Иногда ошибочно называется графомъ.

**) Кавалеръ св. Георгія 3 ст. Въ 1807—1808 гг. былъ посломъ при Наполеонѣ, въ 1813 и 1814 гг. командовалъ резервнымъ корпусомъ.

скрытъ этого и въ разговорѣ съ гр. Комаровскимъ какъ-то сказалъ: «публика желала назначенія его, я назначилъ его: что касается меня, то я умываю себѣ руки въ этомъ». (le public a voulu sa nomination, je l'ai nommé: quant à moi, je m'en lave les mains).

Такимъ образомъ отпадала кандидатура Кутузова въ Москвѣ, слѣдующій за нимъ по числу поданныхъ голосовъ былъ Московскій главнокомандующій графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, который, конечно, не могъ принять командованіе надъ Московскимъ ополченіемъ, третьимъ былъ фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, имѣвшій въ это время уже болѣе 70 лѣтъ, почему и принялъ командованіе графъ Ираклій Ивановичъ Морковъ *), сподвижникъ Суворова, имѣвшій за штурмъ Очакова Георгія 4 степени, за штурмъ Измаила Георгія 3 ст. и въ чинѣ маіора получившій Георгіевскую звѣзду 2 степени (1792).

Государь Императоръ особымъ рескриптомъ увѣдомилъ графа Ираклія Ивановича объ утвержденіи его главнымъ начальникомъ Московской Военной Силы и призывалъ его немедленно прибыть въ Москву для вступленія въ должность, но графъ Морковъ находился у себя въ имѣніи на югѣ Россіи и прибылъ въ Москву только 10 августа. До пріѣзда въ Москву графа Моркова временно вступилъ въ командованіе ополченіемъ старшій по чину изъ ополченскихъ генераловъ — генералъ-лейтенантъ Василій Николаевичъ Чичеринъ, кавалеръ Георгія 3 степ., бывшій директоръ Тульскаго оружейнаго завода, развитію котораго онъ много способствовалъ.

Результаты обращенія Государя къ населенію Москвы и къ Московскому дворянству были настолько блестящи, что не потребовалось созывать ополченій во многихъ мѣстахъ Имперіи, что ясно мы видимъ изъ манифеста отъ 18 іюля, даннаго въ Москвѣ: «Сего ради, пріемля таковое рвеніе съ отеческимъ умиленіемъ и признательностью, обращаемъ Мы попеченіе Наше на то, чтобъ, составя достаточныя силы изъ однихъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ». Этотъ же манифестъ опредѣлилъ раздѣленіе Россіи на три округа: 1-й охватывалъ губерніи Москов-

*) Во всѣхъ документахъ того времени писался и самъ подписывался Марковымъ.

скую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Смоленскую, 2-й Петербургскую и Новгородскую и 3-й Казанскую, Нижегородскую, Пензенскую, Костромскую, Симбирскую и Вятскую. Первый округъ долженъ былъ принять «скорыя и дѣятельныя мѣры къ собранію, вооруженію и устроенію внутреннихъ силъ, долженствующихъ охранять первопрестольную столицу Москву и предѣлы сего округа», второй округъ долженъ былъ сдѣлать то же по отношенію къ Петербургу, а третій долженъ былъ быть готовъ во всякое время, но Манифестомъ предписывалось до особаго повелѣнія людей не собирать.

Манифестъ этотъ отмѣчалъ особое значеніе ополченія: «составляемая нынѣ внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое изъ предосторожности, въ подкрѣпленіе войскамъ и для надежнѣйшаго охраненія Отечества», затѣмъ говорилось, что «по изгнаніи непріятеля изъ земли Нашей, всякъ возвратится съ честію и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ».

Кромѣ указаннаго Манифеста, даннаго въ Москвѣ 18-го іюля, Государемъ было отдано слѣдующее повелѣніе графу Ростопчину: «Предположивъ для охраненія Московской Столицы составить внутреннія силы изъ округи, заключающей въ себѣ Московскую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую губерніи, препоручаю бдительному надзору Вашему какъ составленіе, такъ и сближеніе къ Москвѣ вышеозначенныхъ силъ, надѣясь, что вы не упустите ни малѣйшаго времени къ наблюденію за скорымъ ихъ образованіемъ, и что о мѣрѣ готовности каждой губерніи распорядите движеніе людей слѣдующимъ порядкомъ: изъ Тверской слѣдовать въ окрестности Клина; изъ Калужской въ окрестности Можайска и Вереи; изъ Тульской въ окрестности Серпухова; изъ Рязанской въ окрестности Каширы; изъ Владимирской въ окрестности Богородска; изъ Ярославской въ окрестности Дмитрова; Московскую же расположить въ Воскресенскѣ, Звенигородѣ и Подольскѣ. Я увѣренъ, что вы заблаговременно сдѣлаете распоряженіе о продовольствіи ихъ какъ въ пути, такъ и въ мѣстахъ, гдѣ оныя расположены будутъ, та-

кожъ и на случай соединенія ихъ для дѣйствій противъ непріятеля».

Для выполненія всѣхъ начертаній, какъ указанныхъ въ Манифестѣ, такъ и въ Высочайшемъ повелѣніи, данномъ на имя Московскаго главнокомандующаго, въ Москвѣ сейчасъ же были образованы два Комитета, положенія о которыхъ были Высочайше утверждены 12-го іюля, 14 іюля были утверждены штаты Московской Военной Силы, согласно которымъ ополченіе дѣлилось на конныхъ казаковъ, пѣшихъ егерей и пѣшихъ казаковъ. Конные полки должны были имѣть 35 офицеровъ (считая въ томъ числѣ полкового командира), 120 урядниковъ, 14 писарей и 1200 воиновъ, пѣшіе полки 62 офицера, 176 урядниковъ, 26 писарей и 2400 воиновъ. Согласно этимъ же штатамъ было назначено жалованіе—воины получали по одному рублю въ мѣсяцъ, младшіе оберъ-офицеры по 20 рублей и сотенные командиры по 30 рублей, баталіонные же и полковые командиры жалованія не получали «по важности званія въ коемъ они служатъ по особой довѣренности Государя Императора и изъ усердія къ Отечеству».

Оба Комитета приступили къ своей дѣятельности уже 20-го іюля. Первый Комитетъ образовывался для пріема людей, вооруженія и продовольствія ихъ, второй же для пріема пожертвованій на нужды Московской Военной Силы.

Въ первый Комитетъ вошли: графъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, Степанъ Степановичъ Апраксинъ *), Иванъ Петровичъ Архаровъ **), Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ ***), Николай Николаевичъ Обресковъ ****), Василій Дмитріевичъ Арсеньевъ *****) и Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ ******).

---

*) Генералъ-отъ-Кавалеріи. Съ 1809 г. былъ въ отставкѣ и постоянно жилъ въ Москвѣ, на Знаменкѣ, въ своемъ домѣ (нынѣ Александровское Училище) или въ своемъ подмосковномъ «Ольгинѣ».

**) Генералъ-отъ-инфантеріи, былъ одно время, при Императорѣ Павлѣ, Московскимъ военнымъ губернаторомъ.

***) Генералъ-отъ-инфантеріи, бывшій оберъ-прокуроръ Сената. Съ 1816 по 1832 г. Московскій губернскій предводитель Дворянства.

****) Сенаторъ и Московскій гражданскій губернаторъ (1810—1816), съ 1808 по 1810 г. Московск. губернск. предводитель дворянства.

*****) Московскій губернскій предводитель дворянства (1810—1816).

******) Московскій городской голова, коммерціи-совѣтникъ, 17 іюля 1812 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Владимира 4 ст.

Изъ нихъ Архаровъ и Обольяниновъ были назначены по Высочайшему повелѣнію. Въ концѣ августа членомъ Комитета былъ назначенъ еще Николай Петровичъ Архаровъ, не успѣвшій принять участія въ его занятіяхъ. Правителемъ канцеляріи Комитета былъ назначенъ надворный совѣтникъ Федоръ Кокошкинъ.

Засѣданія Комитета начинались въ 10 часовъ утра и оканчивались въ 2 часа дня, и нужно отмѣтить, что за все время засѣданій Комитета, т.-е. съ 20 іюля по 28 августа всѣ члены всегда бывали налицо, ни одинъ изъ нихъ не пропустилъ ни одного засѣданія, что ясно показываетъ, насколько серіозно было ихъ отношеніе къ дѣлу. Въ виду того что въ «Матеріалахъ» мы печатаемъ подлинные журналы Комитета, мы не будемъ здѣсь особенно подробно останавливаться на его дѣятельности, а отмѣтимъ только наиболѣе интересные факты изъ этой его дѣятельности.

Въ первые дни засѣданій Комитету пришлось прежде всего намѣтить программу дальнѣйшихъ дѣйствій и выбрать должностныхъ лицъ по губерніи. Въ губернскіе комиссары былъ избранъ генералъ-лейтенантъ Хомутовъ *), помощникомъ ему бригадиръ Дурасовъ, въ оберъ-провіантмейстеры брагадиръ Кашкинъ, тогда же были выработаны для нихъ особыя инструкціи.

Кромѣ лицъ выбранныхъ Комитетомъ — дворянство каждаго уѣзда избирало особыхъ провіантмейстеровъ, которые были подчинены оберъ-провіантмейстеру Кашкину, дѣятельности котораго мы своевременно коснемся, т. к. въ архивѣ депутатскаго собранія сохранилась переписка Кашкина, въ которой онъ проявляетъ огромную энергію и желаніе исполнить добросовѣстно возложенныя на него нелегкія обязанности по организаціи провіантмейстерской части во всей губерніи.

Тогда же были выработаны правила пріема людей въ ополченіе **), было рѣшено ихъ формировать въ полки и сводить въ

---

*) Георгій Аполлоновичъ былъ одно время сенаторомъ (1804—1808) и съ 1823 по 1826 г. Московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

**) Для пріема былъ назначенъ возрастъ отъ 20 до 45 лѣтъ, при чемъ возможны были и отступленія при условіи крѣпкаго тѣлосложенія, ростъ особенно не принимался въ разсчетъ— «лишь бы былъ не уродъ и не карла».

Москву, а затѣмъ направлять въ Верею. Цѣлый рядъ Московскихъ дворянъ предложилъ свои услуги Комитету (имена ихъ помѣщены въ журналахъ Комитета), между прочимъ былъ назначенъ помощникъ Кашкину полковникъ Дмитрій Ивановичъ Вельяшевъ-Вольнцовъ, перешедшій, впрочемъ, вскорѣ въ ряды ополченія и замѣненный Сергѣемъ Петровичемъ Высоцкимъ *).

29-го іюля въ Москвѣ начался пріемъ войновъ и провіанта, войны помѣщались въ Головинскихъ, Хамовническихъ и Срѣтенскихъ казармахъ, оружіе въ Никольскихъ казармахъ близъ дома дворянства, провіантъ близъ Серпуховской заставы.

Комитетъ принялся за свою дѣятельность крайне энергично и, черезъ 3 дня послѣ начала пріема ополченцевъ и провіанта, имъ была уже усмотрѣна медленность въ исполненіи принятыхъ дворянствомъ на себя обязанностей (къ 1 августа было представлено всего 546 человѣкъ, а провіанта лишь на 117), почему онъ и обратился къ губернскому предводителю дворянства съ просьбою понужденія. Едва ли было справедливымъ упрекать дворянство въ замедленіи доставки людей и провіанта, нельзя не принять въ расчетъ, что время было самое горячее, т. к совпало съ уборкою хлѣба, да и не такъ легко было собрать нужное количество людей (1 изъ 10), снабдить ихъ 3-мѣсячнымъ провіантомъ, форменной одеждой, оружіемъ и деньгами. Не говоря уже о томъ, что нехватало даже сѣраго сукна **), какъ полагалось для войновъ ополченія, но для многихъ и матеріально являлось это непосильнымъ бременемъ, т. к. требовало также и денежныхъ расходовъ, снаряженіе каждаго война стоило приблизительно 130—150 рублей, приблизительно около 10 р. на человѣка выдавались наличными деньгами, которые вносились при сдачѣ войновъ и, повидимому, пошли на устройство полковыхъ обозовъ ***). Несмотря на то, что ежедневно въ Комитетъ доносили о новыхъ поступленіяхъ людьми и провіантомъ, все же мы то и дѣло встрѣчаемъ съ его стороны понужденіе, а 14-го августа состоялось слѣдующее крайне рѣшительное постановленіе Комитета: «объявить чрезъ посредство Московскихъ Вѣдомостей, есть ли кто изъ помѣщиковъ не представилъ еще на отданныхъ въ военную силу людей

*) Въ 1825—1828 г. былъ депутатомъ дворянства Клинскаго уѣзда.

**) Журналъ Комитета 12 августа.

***) Журналъ Комитета 7 августа.

одежды, провіанта и оружія, то чтобы отъ припечатанія о семъ въ Вѣдомостяхъ здѣсь въ Москвѣ черезъ три дня, а въ уѣздахъ черезъ недѣлю непремѣнно оныя были доставлены, въ противномъ случаѣ куплено будетъ недоставленное на ихъ счетъ, а имена ихъ, какъ неисправныхъ, также напечатаны будутъ въ Вѣдомостяхъ». Всѣ распоряженія Комитета дѣлались чрезъ уѣздныхъ предводителей, т. ч. можно сказать, что почти вся тяжесть сбора Московскаго ополченія ложилась на плечи губернскаго и уѣзднаго предводителей и вся работа на мѣстахъ почти исключительно была исполнена ими.

Особенно непріятная и тяжелая работа выпала на долю Можайскаго предводителя Александра Ивановича Остафьева *), которому пришлось приводить въ исполненіе Высочайшее повелѣніе объ очищеніи тѣхъ мѣстъ, по которымъ проходила непріятельская армія, оставившая послѣ себя массу труповъ людей и лошадей. Первоначально это было поручено полиціи, т.-е. городничимъ и земскимъ исправникамъ, но такъ какъ они не справились съ этимъ дѣломъ, то оно и было передано въ руки Можайскаго предводителя, который выработалъ цѣлый рядъ мѣръ и зимой 1812/13 года приступилъ къ сожженію труповъ; къ концу февраля было сожжено 56522 трупа людей и болѣе 30 тысячъ лошадей, при чемъ сжигались только найденные по открытымъ мѣстамъ, а весною, когда открылись отъ снѣга лѣса и овраги, было вновь приступлено къ работѣ. Сохранилось между прочимъ отношеніе губернатора о томъ, что въ имѣніи дворянки Яновой въ Верейскомъ уѣздѣ всѣ погреба, колодцы и овинныя ямы полны трупами, то же говорятъ и современники—«крестьяне привели меня,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Мартенсъ («Русск. Стар». 1902. II. 412),—къ очень глубокому колодцу и показали, что онъ былъ наполненъ трупами убитыхъ французовъ, которыхъ они туда бросали. Ежедневно приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, приводившихъ мало-мальски сострадательнаго человѣка въ ужасъ».

Для исполненія тяжелой работы по уборкѣ были привлечены крестьяне Волоколамскаго, Верейскаго, Рузскаго и Можайскаго уѣздовъ, которые получали въ день по 50 коп. и по 2 чарки

*) Былъ Можайскимъ предводителемъ дворянства съ 1810 по 1816 г. (См. Прим. XII).

водки. По окончанїи работъ, при каждомъ ихъ возвращенїи домой, ихъ окуривали, очищали въ избахъ воздухъ и отдѣляли немедленно заболѣвшихъ. Къ маю мѣсяцу вся работа была закончена *).

Подобныя порученїя возлагались и не на однихъ предводителей,—привлекались вообще всѣ помѣщики, которымъ давались нерѣдко чисто полицейскїя порученїя,—такъ въ августѣ начальникъ главнаго штаба западныхъ армїй Беннигсенъ обратился къ Московскому губернскому предводителю дворянства съ просьбою предложить Московскимъ помѣщикамъ ловить мародеровъ и укрывающихся изъ полковъ и представлять ихъ въ соотвѣтствующїя полковыя части, о чемъ губернскїй предводитель сообщилъ уѣзднымъ, но уже для должнаго и неуклонительнаго исполненїя.

Несмотря на трудность положенїя помѣщиковъ Комитетъ не принималъ рѣшительно никакихъ отговорокъ и настойчиво требовалъ немедленнаго исполненїя всѣми тѣхъ обязательствъ, которыя приняло на себя Московское дворянство 15 їюля въ Слободскомъ дворцѣ. Комитетъ не желалъ входить въ разсмотрѣнїе иногда и весьма уважительныхъ причинъ, мѣшавшихъ своевременному исполненїю принятыхъ обязательствъ. Характерный случай былъ, между прочимъ, съ Николаемъ Васильевичемъ Закржевскимъ, которому принадлежало въ Звенигородскомъ уѣздѣ сельцо Никольское, имѣвшее всего 20 душъ, но онъ предполагалъ переселить туда 127 душъ изъ Вологодской и Костромской губернїй, что и было отмѣчено по 6-й ревизїи; въ дѣйствительности же онъ не успѣлъ этого исполнить, а между тѣмъ ему слѣдовало поставить съ количества душъ, существовавшихъ пока только на бумагѣ, 14 войновъ, за которыми онъ и поѣхалъ въ Вологодскую губернїю; но на все это, конечно, требовалось время, почему староста г. Закржевскаго просилъ объ отсрочкѣ, но эта, повидимому, уважительная причина замедленїя нисколько не повлїяла на членовъ Комитета, который предписалъ доставить

*) Еще до Бородинскаго сраженїя 12 августа на Можайскаго предводителя было возложено собирать обывательскихъ лошадей и представить ихъ генералъ-интенданту армїи Ланскому, а также выслать землемѣра и четырехъ дворянъ, знающихъ дороги въ Можайскомъ уѣздѣ, и 30 крестьянъ изъ лѣсничихъ и охотниковъ, которые могли бы служить проводниками для армїи (Архивъ Можайскаго у. пр. дв. Письмо дежурнаго полковника Кайсарова).

слѣдуемыхъ 14 воиновъ въ «самоскорѣйшемъ времени», а если это не будетъ исполнено, то «медленность помѣщика какъ неисполнителя общаго положенія дворянъ въ столь важной по обстоятельствамъ повинности будетъ представлена разсмотрѣнію правительства» *). Въ другомъ случаѣ княгиня Хованская просила освободить ее отъ поставки людей въ виду долговъ и разстроеннаго состоянія,—Комитетъ не только отказалъ ей въ этомъ, но поставилъ на видъ предводителю самое принятіе имъ этого прошенія, отдаляющаго время исполненія столь важной повинности, и предписалъ взыскать должное съ княгини Хованской «ибо долгъ денежный ничего не значитъ предъ долгомъ усердія вѣрноподданнаго къ Государю и Отечеству» **).

Комитетъ не стѣснялся и съ предводителями. Серпуховской предводитель встрѣтилъ затрудненія при пріемѣ ополченцевъ въ формѣ одежды и Комитетъ немедленно предписалъ ему сообразаться съ «Высочайше конфирмованнымъ докладомъ въ коемъ одежда война въ подробности описана съ таковымъ замѣчаніемъ что онъ находитъ сомнѣніе въ такомъ случаѣ, который ни мало не долженъ по ясности своей подвергаться оному, чрезъ что останавливается ходъ дѣла долженствующаго быть поспѣшно оконченнымъ, ибо ни одинъ предводитель до сихъ поръ въ такомъ затрудненіи не былъ и чтобы онъ впредь уклонялся отъ подобныхъ сомнѣній могущихъ навлечь ему отвѣтственность»***), и предводителю пришлось оправдываться и просить объ измѣненіи постановленія Комитета, дѣлавшаго ему замѣчаніе.

Въ общемъ надо признать, что I-й Комитетъ блестяще выполнилъ свою задачу, т. к. Московское ополченіе было сформировано окончательно уже около половины августа, 21-го собралось въ Можайскѣ, и 26-го большая часть его приняла участіе въ Бородинскомъ сраженіи. Всего въ ополченіи, или какъ его называли, въ Московской Военной Силѣ, было болѣе 30 тысячъ человѣкъ, точной цифры мы не имѣемъ, но въ журналѣ 20-го августа говорится, что къ этому числу по всѣмъ уѣздамъ, кромѣ Московскаго, принято 27575 человѣкъ, затѣмъ есть

*) Журналъ Комитета 19 августа.

**) Журналъ Комитета августа.

***) Журналъ Комитета 6 августа.

указанія на 2709 ч. отъ Московскаго уѣзда и кромѣ того люди поступали и послѣ 20-го августа, такъ что можно съ увѣренностію сказать, что общее количество ополченцевъ должно было быть нѣсколько болѣе тридцати тысячъ *). Послѣдній журналъ мы имѣемъ отъ 29-го августа, въ этотъ день Комитетъ посвятилъ свои занятія разсмотрѣнію вопроса о полкѣ формируемомъ графомъ М. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ**), формированіе это шло крайне неуспѣшно—къ 19 августа полкъ имѣлъ всего 186 человѣкъ при 81 лошади, при чемъ ни обмундированія, ни конской сбруи, ни обоза не было. Командующій конными полками Московской Военной Силы генералъ-маіоръ Шепелевъ, донося о результатахъ своего смотра Комитету, просилъ представить обо всемъ этомъ Государю, «дабы онъ за видимый неуспѣхъ въ сформированіи и образованіи полка сего не подпалъ отвѣту безъ причины». Дѣйствительно Мамоновскій полкъ былъ сформированъ довольно поздно, еще весною 1813 г. онъ стоялъ въ Ярославской губерніи, послѣ чего вошелъ въ составъ резервной арміи, стоявшей около Слонима, куда онъ былъ двинутъ лѣтомъ 1813 г., къ дѣйствующей арміи Мамоновскій полкъ присоединился лишь въ 1814 г.

Офицерскій составъ Мамоновскаго полка (1-й Московскій казачій) пополнялся не исключительно изъ Московскаго дворянства, какъ остальные полки ополченія, и мы видимъ въ немъ офицеровъ самаго разнообразнаго происхожденія; просуществовалъ онъ до начала 1815 г.

Кромѣ графа Дмитріева-Мамонова по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ содержалъ на свой счетъ полкъ и Николай Никитичъ Демидовъ; полкъ этотъ подъ названіемъ 1-го Егерскаго полка входилъ въ составъ Московскаго ополченія; никакихъ свѣдѣній о

---

*) Московское ополченіе, кромѣ полка графа Дмитріева-Мамонова, было пополняемо исключительно изъ помѣщичьихъ крестьянъ, охотниковъ изъ другихъ классовъ населенія почти не было. Крестьяне государственные, экономическіе и удѣльные были освобождены отъ поставки ратниковъ ополченія.

**) Графъ Матвѣй Александровичъ Д.-М. былъ оберъ-прокуроромъ 6-го департамента Сената (въ 1812 г. ему было всего 24 года отъ роду), въ 1813 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и за участіе въ Отечественной войнѣ получилъ золотое оружіе. Скончался въ 1863 г., съ нимъ угасъ родъ графовъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ. Нѣкоторыя подробности о сформированіи гр. Д.-М. полка сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь Вяземскій (см. прим. VI).

томъ, что онъ былъ содержимъ на средства Демидова, мы въ дѣлахъ дворянскаго архива, такъ же какъ и въ журналахъ Комитета не имѣемъ, въ наградномъ же спискѣ читаемъ: «1-го Егерскаго полка тайный совѣтникъ Демидовъ. Съ начала ополченія Московской Военной Силы употребляя всевозможные способы къ усовершенствованію ввѣреннаго ему полка привелъ полкъ въ двѣ недѣли къ окончанію и выступилъ къ соединенію съ арміями, а 26-го числа командовалъ резервомъ Московской Военной Силы», но подобныя же отмѣтки сдѣланы и у другихъ командировъ ополченскихъ полковъ.

II.

Въ неразрывной связи съ дѣятельностью 1-го Комитета находится дѣятельность оберпровіантмейстера бригадира Николая Евгеніевича Кашкина и его помощниковъ—уѣздныхъ провіантмейстеровъ и комиссіонеровъ, пополнявшихся исключительно изъ Московскихъ дворянъ. Сохранившаяся въ дѣлахъ депутатскаго собранія переписка Кашкина ярко рисуетъ намъ энергичную и разумную дѣятельность оберпровіантмейстера, организовавшаго провіантмейстерскую часть во всей губерніи и своевременно успѣвшаго закончить всѣ необходимыя приготовленія: въ мѣсяцъ надо было собрать провіантъ на 30 тысячъ человѣкъ и доставить его въ мѣста стоянки ополченія.

Работая безъ-устали самъ, Кашкинъ умѣлъ заставить работать и своихъ помощниковъ на мѣстахъ въ уѣздахъ: «Я съ своей стороны остаюсь въ полной увѣренности, что Вы, принимая на себя сію должность, писалъ Николай Евгеніевичъ богородскому провіантмейстеру Бехтину, въ дѣлѣ столь важномъ одушевлены готовностью и рвеніемъ къ службѣ Государю и отечеству, жертвуя своими трудами и способностію безъ сомнѣнія пожертвуете всѣмъ чѣмъ можете, и при сихъ способахъ не будетъ ни въ чемъ недостатка. Но если Вы по части Вамъ ввѣренной найдетесь въ необходимости имѣть скорое въ чемъ нибудь вспоможеніе, въ такомъ случаѣ рекомендую Вамъ безъ всякаго медленія увѣдомлять меня, а я, не упуская ничего, буду представлять о томъ высшему начальству и не оставлю Васъ безъ разрѣшенія».

Въ этомъ письмѣ вылилась вся дѣятельность Н. Е. Каш-

кина,—добросовѣстно относясь къ своей работѣ, онъ требовалъ точно такого же отношенія къ дѣлу и отъ своихъ подчиненныхъ и мы можемъ съ увѣренностію сказать, что всѣ уѣздные провіантмейстеры и комиссіонеры, за весьма малымъ исключеніемъ, исполнили свой долгъ болѣе, чѣмъ, добросовѣстно. Но Кашкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ не любилъ, чтобы обращались къ нему за разъясненіями вопросовъ, которые могли разрѣшаться на мѣстахъ и, что, конечно, только затягивало дѣло. Между прочимъ Верейскій провіантмейстеръ Манашевъ встрѣтилъ затрудненіе въ выдачѣ провіанта и обратился къ Кашкину за разрѣшеніемъ вопроса, тотъ ему отвѣтилъ довольно насмѣшливо: «Всякій легко можетъ догадаться, что въ ордерѣ моемъ 1/30 гарнца написана ошибкою писца вмѣсто 1½/30; если бы это могло затруднять Васъ, то предписаніе мое руководствоваться въ пріемѣ и отпускѣ провіанта провіантскими правилами было бы достаточно къ разрѣшенію Вашего недоумѣнія, ибо послѣдній солдатъ твердо знаетъ, что ему въ мѣсяцъ положено полтора гарнца крупы, а въ день 1½/30. Впредь рекомендую Вамъ быть осмотрительнѣе въ пріемѣ и выдачѣ провіанта; гораздо простительнѣе передать солдату лишнее, чѣмъ не додать ему должнаго».

Кашкину пришлось не только собирать провіантъ, но и заботиться о томъ, чтобы онъ своевременно былъ доставляемъ ополченію, почему ему приходилось слѣдить за всѣми передвиженіями Московской Военной Силы и направлять ей въ слѣдъ обозы съ провіантомъ и одновременно съ этимъ превращать муку въ хлѣбъ и сухари. Не всегда провіантъ достигалъ своего назначенія, попадая иногда въ руки непріятеля,—большія потери провіанта были понесены въ Можайскѣ, гдѣ сгорѣло ополченскихъ 2259 пудовъ муки, 174 п. сухарей и 51 четверть крупъ, все это пришлось сжечь при отступленіи нашей арміи послѣ Бородинскаго сраженія, погибъ провіантъ также и въ Бронницахъ, о чемъ доносилъ провіантмейстеръ Вальцовъ: «оставшійся же провіантъ по нашествіи непріятеля въ городъ Бронницы *) весь расхищенъ безъ остатка, что мною усмотрѣно по выходѣ не-

*) Въ Бронницы, кажется, одинъ разъ заходилъ ненадолго непріятельскій разъѣздъ и больше ни въ Бронницахъ, ни въ Бронницкомъ уѣздѣ непріятель не появлялся.

пріятеля изъ города и изъ уѣзда», то же случилось и въ Дмитровѣ, гдѣ провіантмейстеръ Яньковъ, въ виду приближенія французовъ, передалъ магазинъ городничему и уѣхалъ, а когда возвратился обратно, то нашелъ магазинъ пустымъ.

Послѣ Бородинскаго сраженія, т.-е. въ послѣднихъ числахъ августа Московское ополченіе почти въ полномъ своемъ составѣ вошло въ ряды дѣйствующей арміи на укомплектованіе огромной убыли въ полкахъ, вслѣдствіе этого и весь провіантъ перешелъ въ распоряженіе главнаго интенданта арміи. Съ этого времени начинается какъ бы ликвидаціонная дѣятельность Н. Е. Кашкина и вообще всей провіантмейстерской части Московскаго ополченія, хотя работы хватило еще надолго, какъ мы это видимъ изъ рапорта Волоколамскаго провіантмейстера Онучина, который мы приводимъ ниже.

Параллельно съ первымъ Комитетомъ открылъ свою дѣятельность и второй, состоявшій изъ графа Ростопчина, князя Николая Борисовича Юсупова*), князя Бориса Григорьевича Шаховского, князя Алексѣя Николаевича Долгорукаго, князя Сергія Михайловича Голицына**), Московскаго вице-губернатора Алексѣя Ивановича Арсеньева и депутата отъ купечества Дмитрія Александровича Лухманова. Цѣль этого комитета была сборъ пожертвованій на нужды арміи и вообще войны, дѣятельность свою онъ началъ 20 іюля и закончилъ 30-го августа, т.-е. тогда, когда закончилась дѣятельность всѣхъ правительственныхъ учрежденій въ Москвѣ.

Мы уже указали выше на нѣкоторыя болѣе крупныя пожертвованія Комитету ***), а теперь перейдемъ къ дѣйствіямъ Московской Военной Силы, насколько это возможно сдѣлать по документамъ Московскаго депутатскаго собранія и отчасти Московскаго отдѣленія архива Главнаго штаба и принимая во вниманіе, что самостоятельно Московское ополченіе существовало всего нѣсколько болѣе двухъ недѣль, а затѣмъ вошло въ составъ арміи.

*) Былъ назначенъ членомъ Комитета Высочайшимъ указомъ отъ 25 іюля.

**) Дѣйствительный камергеръ, почетный опекунъ Московскаго присутствія.

***) Въ «Матеріалахъ» мы печатаемъ списки жертвователей, что является исполненіемъ постановленія Комитета, который говоритъ о необходимости составленія этихъ списковъ, которые останутся «на всегда въ потомство съ означеніемъ кѣмъ именно и сколько на пользу отечества сдѣлано пожертвованій».

О выступленіи Московскаго ополченія изъ Москвы сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 1812 годѣ М. М. Евреиновъ, служившій самъ въ 1-мъ Егерскомъ полку (Русск. Архивъ. 1874.1. 100):

«Приблизилась и половина августа. Тогда Московскому ополченію повелѣно было выступить изъ Москвы. Всѣ мы собраны были на улицѣ противъ Спасскихъ казармъ и должны были дожидаться прибытія къ намъ преосвященнаго Августина, который, по прибытіи къ намъ, отправился въ близъ находящуюся тутъ церковь именуемую Спаса что во Спасской, взялъ оттуда хоругвь, возвратился къ намъ, отслужилъ молебствіе съ водоосвященіемъ, обошелъ всѣ ряды, окроплялъ всѣхъ святою водою, произнося: «благодать святаго Духа да будетъ съ вами», вручилъ ополченію сію хоругвь и въ напутствіе сказалъ рѣчь, каковыя онъ говоритъ имѣлъ особенный даръ. Народу было, насъ провожавшаго, несчетное множество, и мы перемѣняясь несли хоругвь сію черезъ всю Москву до Драгомиловской заставы (хоругвь сія прострѣленная до сихъ поръ сохраняется въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ). Пройдя нѣсколько верстъ за заставу, мы остановились лагеремъ въ палаткахъ. Со мною вмѣстѣ находились молодой очень офицеръ Флегонтъ Николаевичъ Жеребцовъ и находившійся при мнѣ человѣкъ Николай Ѳедоровъ. Не помню, сколько мы тутъ простояли; но знаю, что вскорѣ велѣно намъ приближаться къ селу Бородину*), въ которомъ ожидала всѣхъ кровавая битва. Позиція сія была избрана новоприбывшимъ главнокомандующимъ графомъ Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ».

Отъ этого же времени (16 августа) сохранилось письмо графа Ростопчина къ Кутузову, въ которомъ онъ говоритъ, что «Московская сила какъ изволите увидѣть изъ приложеннаго при семъ рапорта г-на генералъ-лейтенанта графа Моркова (къ сожалѣнію этого рапорта мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи) почти вся собрана и сверхъ чаянія по времени довольно образована. Вся она направлена къ Можайску». Можно допустить, что Московское ополченіе дѣйствительно было въ из-

*) Село Бородино принадлежало въ это время Александрѣ Васильевнѣ Давыдовой и Елисаветѣ Петровнѣ Савеловой.

вѣстной степени довольно образовано, какъ выразился о немъ гр. Ростопчинъ, т. к. повидимому раньше чѣмъ двинуть его изъ Москвы съ нимъ занимались, это можно заключить изъ отношенія генералъ-маіора Шепелева на имя 1-го Комитета, въ которомъ онъ сообщалъ о результатахъ осмотра полка графа Дмитріева-Мамонова; въ своемъ отношеніи онъ, между прочимъ, говоритъ, что полкъ не готовъ, почему «ни правилъ конной ѣзды, ни конныхъ, ни пѣшихъ оборотовъ, ни стрѣльбы на лошадяхъ повѣрить онъ не могъ» изъ этихъ словъ можно видѣть, что все это полагалось и слѣдовательно полки Московской Военной Силы обучались строю и стрѣльбѣ раньше чѣмъ были двинуты на соединеніе съ главною арміею *). Надо полагать, что Московское ополченіе было достаточно и дисциплинировано, что мы заключаемъ изъ настоящаго письма Кутузова къ графу Моркову: «Милостивый государь мой, графъ Ираклій Ивановичъ. Арміи нашелъ я между Гжатска и Царево-Займища. Мародерство, вкравшееся въ арміи, усилилось такъ, что, думая о сохраненіи сколько можно спокойствія въ столицѣ и и окрестностяхъ, я нахожу нужнымъ обратиться къ вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы находящимся нынѣ въ Можайскѣ, Верѣ и другихъ мѣстахъ войскамъ ополченія вашего дали повелѣнія ваши, что если бы мародеры отъ арміи показались гдѣ-либо въ окрестностяхъ Москвы, то перелавливая ихъ, собирать при полкахъ вашихъ и по собраніи нѣкотораго ихъ числа мнѣ доносить. По мѣрѣ изготовленія войскъ ополченія Московскаго, направляйте ихъ впредь, ваше сіятельство, всѣхъ къ Можайску и черезъ каждые два дня о числѣ собранныхъ и готовыхъ уже войскъ доставляйте мнѣ свѣдѣніе. Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ вашего сіятельства всепокорный слуга, князь Михаилъ Г. Кутузовъ» **).

Это письмо Кутузова весьма характерно на нашъ взглядъ, т. к. показываетъ его довѣріе къ ополченію, иначе нельзя объяснить это порученіе командиру ополченія со стороны главнокомандующаго арміями.

---

*) Что ополченіе обучалось «маршировать съ оборотами и разнымъ порядкомъ», говоритъ также въ своихъ воспоминаніяхъ М. М. Еврейновъ.

**) «Русск. Стар.» 1896. IV. 648.

Къ 19-му августу ополченïе стояло въ слѣдующихъ пунктахъ; 1-я дивизïя въ составѣ полковъ 1-го Егерскаго, 2, 4 и 6 пѣшихъ въ г. Рузѣ, 2-я дивизïя въ составѣ 5, 7 и 8 пѣшихъ полковъ въ г. Верeѣ, 3-я дивизïя въ составѣ 2 и 3 Егерскихъ и 1 и 3 пѣшихъ въ г. Можайскѣ, Конный полкъ въ Москвѣ. Численный составъ ополченïя къ этому дню былъ слѣдующïй:

НАЗВАНІЕ ПОЛКОВЪ МОСКОВСКОЙ ВОЕННОЙ СИЛЫ.	Полковыхъ командировъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Урядниковъ изъ нижнихъ чиновъ.	Урядниковъ изъ воиновъ.	Воиновъ.
1-й конно-казачïй	1	6	40	47	—	126
1-й егерскïй.	1	6	38	76	—	2400
2-й егерскïй.	1	5	20	—	120	2049
3-й егерскïй.	1	5	48	17	5	2557
1-й пѣшïй казачïй	1	5	36	67	—	2400
2-й » »	1	4	24	60	—	2007
3-й » »	1	4	19	—	15	2100
4-й » »	1	4	32	1	9	2400
5-й » »	1	5	20	—	12	2602
6-й » »	1	4	38	—	9	1850
7-й » »	1	4	27	15	—	2400
8-й » »	1	5	35	26	74	1944
	12	57	377	309	244	24835

Повидимому все Московское ополченïе, за исключенïемъ лишь одного полка графа Дмитрïева-Мамонова, собралось полностью въ Можайскѣ къ моменту Бородинскаго сраженïя. 21-го августа въ Можайскъ прибылъ со всѣми полками ополченïя графъ И. И. Марковъ, нѣсколько запоздалъ лишь Демидовъ съ 1-мъ Егерскимъ полкомъ, но запозданïе это произошло отъ того, что первоначально онъ съ 7-ю сформированными имъ ротами двинулся къ Рузѣ, гдѣ соединился съ остальными 9-ю и изъ Рузы уже въ полномъ составѣ полка направился къ Можайску, куда и прибылъ

своевременно и принялъ участіе со своимъ полкомъ въ сраженіи при Бородинѣ.

По прибытіи къ Можайску части ополченія были откомандированы въ различныя части, такъ 21 и 22 августа двѣ тысячи человѣкъ откомандированы были въ распоряженіе Можайскаго коменданта, 23-го 150 человѣкъ въ распоряженіе полковника Шульгина для устроенія порядка въ окрестностяхъ Можайска, 24-го девять баталіоновъ цѣликомъ вошли въ составъ 1 и 2 арміи. Остальная часть приняла подъ начальствомъ гр. И. И. Маркова участіе въ Бородинскомъ сраженіи, о чемъ говоритъ въ своемъ рапортѣ Государю Кутузовъ: «Скорое прибытіе Московскаго ополченія въ Арміи, значущимъ образомъ увеличило дѣйствующія ея силы ибо помѣщено будучи въ ряды съ прочими войсками во многихъ сраженіяхъ оказывало величайшую пользу. Начальникъ онаго Генералъ-Лейтенантъ графъ Марковъ, оправдавъ совершенно своими поступками довѣренность и единодушный выборъ Московскаго Дворянства, при Бородинскомъ дѣлѣ находился на лѣвомъ флангѣ, и въ то время когда корпусъ Генералъ-Лейтенанта Тучкова I придвинутъ былъ къ общему дѣйствію, тогда онъ съ искусствомъ отражалъ неоднократно натиски непріятельскіе»*). (Моск. Арх. Гл. Шт. Оп. 153, св. 1, д. 398).

Повидимому количество Московскаго ополченія, принимавшаго участіе въ Бородинскомъ сраженіи, не можетъ считаться точно установленнымъ и требуетъ еще провѣрки. Всѣ военные писатели, говоря о Бородинскомъ сраженіи, опредѣляютъ количество Московскаго и Смоленскаго ополченій вмѣстѣ въ 10 тысячъ человѣкъ, а количество одного Московскаго ополченія, повидимому, опредѣляется въ семь тысячъ, между тѣмъ—какъ изъ документовъ Московскаго Депутатскаго Собранія, такъ и Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба, которые были въ нашемъ распоряженіи, получается совершенно другая картина и количество Московскаго ополченія подъ Бородинымъ получается нѣсколько иное. Ополченіе, какъ это видно изъ донесенія графа Маркова, прибыло къ Можайску 21-го августа, но въ этомъ донесеніи къ

*) Графу Маркову въ декабрѣ 1812 года былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, минуя св. Владимира 2 степени, къ которому онъ былъ представленъ главнокомандующимъ княземъ Кутузовымъ.

сожалѣнію общая цифра не указана, мы имѣемъ ее лишь отъ 29-го августа, въ этотъ день общее количество показано въ 27672 человѣка и мы считаемъ, что это же количество и никакъ не менѣе было и 26-го. Изъ этого числа до Бородинскаго сраженія было откомандировано въ распоряженіе полковника Шульгина и Можайскаго коменданта 3500 человѣкъ, кромѣ того, тогда же девять баталіоновъ въ полномъ составѣ вошли въ составъ 1 и 2 арміи и, можно съ полной увѣренностью сказать, приняли участіе въ Бородинскомъ бою, на что есть намеки въ документахъ, которыми мы пользовались: «Полковникъ Рославлевъ. Чиновнику сему былъ порученъ баталіонъ, съ которымъ онъ въ сраженіяхъ 24 и 26-го августа, бывъ прикомандированъ ко 2-й арміи, нѣсколько разъ отражалъ стремленіе непріятеля». Вся остальная часть Московскаго ополченія оставалась подъ непосредственнымъ начальствомъ своего прямого начальника графа Моркова, и по нашему глубокому убѣжденію, основанному на документахъ, приняла участіе въ сраженіи и находилась на лѣвомъ флангѣ, подкрѣпляя корпусъ Тучкова 1.

Что все Московское ополченіе находилось 26-го августа на Бородинскомъ полѣ мы заключаемъ изъ наградныхъ списковъ командировъ ополченскихъ полковъ, представленныхъ княземъ Кутузовымъ на благовоззрѣніе Государя Императора. Изъ этихъ списковъ видно, что въ Бородинскомъ сраженіи, 26-го августа, участвовали слѣдующіе полки Московскаго ополченія: 1-й Егерскій (шефъ Демидовъ и командиръ Аргамаковъ), 2-й Егерскій (командиръ Талызинъ 2), 3-й Егерскій (командиръ Талызинъ 1), 1-й пѣхотный (шефъ князь Гагаринъ и командиръ Свѣчинъ), 3-й Пѣхотный (командиръ Свѣчинъ), 4-й Пѣхотный (командиръ Обресковъ), 6-й Пѣхотный (командиръ Лопухинъ) и 7-й Пѣхотный (командиръ Арсеньевъ), т.-е. всего подъ Бородинымъ участвовало 8 ополченскихъ полковъ, что составляло приблизительно не менѣе 20 тысячъ человѣкъ, а никоимъ образомъ не 7.

Что указанные полки дѣйствительно принимали участіе въ Бородинскомъ сраженіи усматривается изъ тѣхъ же наградныхъ списковъ, въ которыхъ мы читаемъ слѣдующее: «поспѣшнымъ сформированіемъ полка заслужилъ вниманіе и благодарность начальства, доведя оный въ исправности въ Армію находился въ сраженіи 26-го августа съ отличнымъ муже-

Graf Mayrow

ствомъ» (командиръ 1-го Егерскаго полка Аргамаковъ), «а 26-го августа подъ Бородинымъ находясь съ полкомъ» (2-й Егерскій), «Князь Гагаринъ, въ сраженіи 26-го августа командовалъ 1-мъ Пѣхотнымъ полкомъ», Генералъ-Адъютантъ Лопухинъ по сформированіи 6-го Пѣхотнаго полка прибылъ 26-го августа на мѣсто сраженія, подкрѣплялъ корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова и обще съ Лейбъ-Гренадерскимъ и Павловскимъ полками находясь подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ ударилъ въ штыки», «Генералъ-маіоръ Арсеньевъ съ успѣхомъ кончилъ сформированіе 7-го Пѣхотнаго полка съ которымъ во время сраженія 26-го августа находился до самой ночи» и т. д.

Всѣ эти указанія на дѣйствіе полковъ Московскаго Ополченія вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что составившееся мнѣніе объ участіи въ Бородинскомъ сраженіи всего 7000 человѣкъ невѣрно и требуетъ обстоятельной провѣрки.

Возможно впрочемъ, что происхожденіе цифры 7—10 тысячъ можно также объяснить тѣми же наградными списками. Въ спискѣ о шефѣ 1-го Егерскаго полка Демидовѣ мы читаемъ: «26-го августа командовалъ резервомъ Московской военной силы изъ коей большая часть людей откомандировывалась въ подкрѣпленіе корпуса генералъ-лейтенанта Тучкова или же для выносу раненныхъ» — нельзя ли намъ здѣсь найти необходимое объясненіе и не даетъ ли эта замѣтка права высказать предположеніе, что Московская военная сила кромѣ дѣйствующихъ полковъ имѣла и свой собственный резервъ, т. к. если о Демидовѣ говорится, что онъ командовалъ резервомъ ополченія, то мы въ правѣ заключить, что былъ и не резервъ. Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что 7000 составляли резервъ, а остальная часть, т. е. 13—14 тысячъ входили въ составъ дѣйствующихъ полковъ 1 и 2 арміи. Мы думаемъ, что знакомство съ тѣмъ архивнымъ матеріаломъ, который мы имѣли въ нашемъ распоряженіи даетъ намъ безусловное право пріити именно къ подобному заключенію и сказать, что въ Бородинскомъ сраженіи участвовало отъ 20 до 24 тысячъ человѣкъ Московскаго Ополченія. Это положеніе нисколько не опровергается, какъ намъ кажется, и самимъ Кутузовымъ, который въ своемъ донесеніи говоритъ, что «скорое прибытіе Московскаго Ополченія въ Арміи, значущимъ обра-

зомъ увеличило дѣйствующія ея силы ибо помѣщено будучи въ ряды съ прочими войсками во многихъ сраженіяхъ оказывало величайшую пользу», говоритъ о большомъ значеніи для большой арміи семи тысячъ почти необученнаго ополченія врядъ ли было возможно, если же было въ дѣйствительности двадцать, а можетъ быть даже и болѣе, тысячъ, то конечно это уже составляло нѣкоторую силу, т. к. значительно увеличивало составъ боевыхъ силъ арміи, что и могъ отмѣтить въ своемъ донесеніи Кутузовъ. Въ самое послѣднее время полковникъ Н. П. Поликарповъ въ своей брошюрѣ «Къ исторіи Отечественной войны 1812 г.» (вып. III, стр. 23) точно опредѣляетъ число полковъ Московскаго Ополченія, участвовавшихъ въ Бородинскомъ сраженіи: «Весьма солиднымъ въ количественномъ отношеніи, — говоритъ полковникъ Поликарповъ, подкрѣпленіемъ явилось Московское Ополченіе, часть полковъ котораго прибывала къ арміи постепенно въ теченіе 23 и 24 августа. Это подкрѣпленіе распалось на двѣ отдѣльныя группы: одни баталіоны были прикомандированы къ пѣхотнымъ корпусамъ и дѣйствовали уже вмѣстѣ съ ними, другіе же баталіоны остались въ составѣ особаго ополченскаго отряда ген.-лейт. графа Моркова, дѣйствовавшаго самостоятельно на положеніи отдѣльной войсковой части.

Изъ первой группы Московскаго ополченія были прикомандированы къ пѣхотнымъ корпусамъ: 1 и 4 баталіоны 1 егерскаго полка, подъ общею командою маіора Мицкаго—ко 2; 1 и 3 баталіоны 3 пѣшаго казачьяго полка—къ 3; 3 и 4 баталіоны 4 пѣшаго казачьяго полка, подъ общею командою полковника князя Оболенскаго—къ 4; 2 и 3 баталіоны 3 егерскаго полка, подъ общею командою маіора Постникова—къ 6. Въ 6-же пѣхотный корпусъ поступили «оставшіеся отъ Московскаго ополченія» (т. е. не распредѣленные по полкамъ этого ополченія) еще и 946 ратниковъ Верейскаго и Волоколамскаго уѣздовъ. Численный составъ этихъ баталіоновъ неизвѣстенъ, и судить о немъ можно только приблизительно по тому обстоятельству, что въ прибывшихъ къ арміи 24 августа 1 и 3 баталіонахъ 4 пѣшаго казачьяго полка Московскаго ополченія состояли на лицо 2 штабъ-офицера 4 оберъ-офицера, 88 урядниковъ и 1150 ратниковъ или воиновъ.

Въ отдѣльномъ ополченскомъ отрядѣ ген.-лейт. графа Моркова, части котораго присоединились 23 и 24 августа къ Арміи,

остались Московскаго ополченія: 2 и 3 баталіоны 1 егерскаго полка. 2 егерскаго полка, 1 и 4 баталіоны 3 егерскаго полка, 1 пѣшій казачій полкъ, 2 и 4 баталіоны 3 пѣшаго казачьяго полка, 2 и 3 баталіоны 4 пѣшаго казачьяго полка и 7 пѣшій казачій полкъ. 6 пѣшій казачій полкъ генералъ-адъютанта Лопухина прибылъ на бородинскую позицію только 26 августа уже во время сраженія, а 2, 5 и 8 пѣшіе казачьи и конно-казачій полки Московскаго ополченія не присоединялись къ арміи князя Кутузова въ теченіе августа». Изъ приведенной выдержки видно, что съ полковникомъ Поликарповымъ мы совершенно сходимся въ подсчетѣ количества полковъ Московскаго ополченія бывшаго подъ Бородинымъ (у г. Поликарпова нѣтъ подсчета общаго количества людей), у него только больше подробностей въ самомъ распредѣленіи, что, конечно, зависитъ отъ количества того матеріала, которымъ онъ пользовался и котораго мы не имѣли въ своемъ распоряженіи.

Къ сожалѣнію тотъ матеріалъ, который мы имѣли въ нашихъ рукахъ, какъ рукописный, такъ и печатный, не даетъ намъ вовможности представить мало-мальски подробнаго описанія дѣйствій Московскаго ополченія, объ этомъ приходится собирать по крупицамъ и все изъ тѣхъ же представленій къ наградамъ высшихъ чиновъ ополченія.

Два баталіона 1-го Егерскаго полка подъ командою маіора Мицкаго «удерживали подъ сильными пушечными выстрѣлами стремленіе непріятельской кавалеріи» эти два баталіона, состоявшіе изъ 500 человѣкъ совмѣстно съ Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ ходили въ штыки (на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, близъ дер. Утицы); 2-й Егерскій полкъ подъ Бородинымъ находился въ продолженіи шести часовъ подъ ядрами и не отступилъ ни на одинъ шагъ отъ мѣста своего назначенія, четыре полка, подъ общею командою генералъ-маіора Талызина I (шефъ 3-го Егерскаго п.) составляли подъ Бородинымъ вторую линію корпуса Тучкова и «среди самой кровавой битвы подвергались опасности и несмотря на сильную атаку непріятеля находились безпрестанно въ огнѣ и противостоялъ стремленію непріятеля, подавая неустрашимостію своею примѣръ подчиненнымъ»; 3-й пѣхотный полкъ подъ Бородинымъ былъ въ резервѣ, 6-й полкъ подкрѣплялъ корпусъ Тучкова и подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ

ударилъ въ штыки на непріятельскую колонну, овладѣвшую нашей высотой и опрокинулъ оную. Таковы тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя можно было добыть о дѣйствіяхъ ополченія подъ Бородинымъ, послѣ чего оно сливается съ арміей и услѣдить за нимъ становится невозможнымъ, есть между прочимъ, указаніе на участіе 1-го пѣхотнаго полка подъ командою Свѣчина въ сраженіи подъ Краснымъ, гдѣ онъ ходилъ въ штыки, нѣкоторые изъ чиновъ ополченія командовали, повидимому, и армейскими полками и вообще получали спеціальныя порученія, такъ генералъ-маіоръ Тальзинъ «войдя въ городъ съ полками Либавскимъ и Софійскимъ въ продолженіи всего сраженія находился въ самомъ жаркомъ огнѣ, безпрестанными атаками съ рѣшительностію и храбростію поражалъ непріятеля» (въ сраженіи подъ Малымъ Ярославцемъ, 12 октября 1812 г.),—Командиръ 3-го пѣхотнаго полка генералъ-маіоръ Свѣчинъ, сдавъ послѣ Бородинскаго сраженія свой полкъ, былъ прикомандированъ къ корпусу генералъ-адъютанта Васильчикова и подъ Вязьмою командовалъ 1-ю линіею, но будучи раненъ саблею въ голову взятъ былъ въ плѣнъ, но вскорѣ былъ отбитъ за Минскомъ казаками, послѣ чего ему было поручено отвести въ Витебскъ большую партію плѣнныхъ (7 генераловъ, болѣе 500 офицеровъ и 12 тысячъ солдатъ), 8-го пѣхотнаго полка подполковникъ Сафоновъ былъ комендантомъ въ Оршѣ, подполковникъ Свѣчинъ комендантомъ въ Борисовѣ, маіоръ Есиповъ послѣ расформированія былъ прикомандированъ къ авангарду графа Платова, а затѣмъ командовалъ отрядомъ конныхъ стрѣлковъ, съ которыми дѣйствовалъ за границею, гдѣ былъ раненъ пулею въ лѣвый бокъ.

Мы не знаемъ сколько выбыло изъ строя въ полкахъ Московскаго ополченія, но несомнѣнно ихъ было не мало и они внесли крупную долю въ число тѣхъ десятковъ тысячъ, которые нашли почетную смерть на Бородинскихъ поляхъ.

Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Не мало пало подъ Бородинымъ Московскихъ дворянъ, служившихъ въ арміи—назовемъ хотя бы двухъ братьевъ Николая

и Александра Тучковыхъ, убитъ былъ и одинъ изъ сыновей начальника Московскаго ополченія графа Ираклія Ивановича Моркова, не мало было и отличившихся *).

Послѣ окончанія Бородинскаго сраженія, раскомандированіе Московскаго ополченія продолжалось, такъ 26-го же августа 800 человѣкъ Московскаго ополченія было откомандировано на пополненіе артиллеріи, а затѣмъ при отступленіи къ Москвѣ «остальное количество Московской Военной силы,—говоритъ въ своемъ рапортѣ отъ 20 января 1813 г. (Моск. Арх. Гл. Шт. Оп. XIa, св. 281, д. № 13) гр. Морковъ,—отдано въ Армію цѣлыми полками съ принадлежащими къ онымъ штабъ и оберъ офицерами». О распредѣленіи всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ Московской Военной силы на дѣйствительную службу по полкамъ говоритъ и Государь въ своемъ рескриптѣ на имя Кутузова отъ 8 октября **).

Дѣйствительно 29-го августа кн. Кутузовымъ былъ отданъ слѣдующій приказъ по западной арміи ***): «Г.Г. Корпуснымъ начальникамъ отрядить немедленно отъ каждаго пѣхотнаго выключая гвардейскаго корпуса по 1 штабъ-офицеру для принятія отъ генералъ-лейтенанта Графа Моркова полковъ изъ Московской Военной силы поступившихъ въ корпуса, а именно:

Въ 3 корпусъ полки: Егерскій 2 и 3 и 1-й пѣхотный.
Во 2 корпусъ 6 пѣхотный полкъ.
Въ 4 » 2 » »
Въ 6 » 7 » »

Полки сіи составляютъ 3 шеренгу полковъ и поступаютъ въ онные только на время продолженія войны, по окончаніи же оной, возвратятся въ свои дома», 31-го августа былъ отданъ еще приказъ, которымъ части ополченія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

---

*) Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ дворянства не сохранилось числа погибшихъ, случайно имѣется только свѣдѣніе по Дмитровскому уѣзду, который потерялъ за время войны изъ 1608 человѣкъ ополченія 900, т.-е. погибло и вообще не вернулось на мѣсто около 58% (см. прим. XIII), большую убыль понесла 17 сентября при Чиркові часть ополченія, вошедшая въ составъ 27-й пѣхотной дивизіи Невѣровскаго.

**) Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. Оп. 11а, св. 281, д. № 5, ч. 10, л. 4.

***) Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Оп. 208, св. 55, № 5/44.

Во 2 корпусъ 1 и 4 баталіоны 1-го Егерскаго полка.
Въ 3 » 1 и 3 » 3-го казачьяго пѣхотнаго полка.
Въ 4 » 3 и 4 » 4-го » » »
Въ 6 » 2 и 3 » 3-го Егерскаго полка.

Въ этомъ же приказѣ предписывалось, если ополченцевъ окажется въ полкахъ больше старыхъ солдатъ, то изъ лишнихъ составлять резервныя колонны и употреблять ихъ для отвода раненыхъ и для разныхъ командировокъ.

Всего распредѣлено было по армейскимъ Корпусамъ восемь полковъ, остальные же 3 полка были расположены по линіи, «по которой будутъ препровождаться транспорты и плѣнные», изъ нихъ два полка подъ командою подполковника Свѣчина были расположены въ г. Борисовѣ и 8-й пѣшій полкъ въ Оршѣ. Три эти полка пробыли въ Борисовѣ и Оршѣ, а затѣмъ въ Бобруйской крѣпости до лѣта 1813 г., когда имъ было предписано соединиться и по указаннымъ маршрутамъ подъ командою Свѣчина, слѣдовать въ Москву, послѣ чего Свѣчину было приказано возвратиться опять въ Борисовъ и вступить попрежнему въ должность Борисовскаго коменданта *).

Кромѣ указанныхъ выше свѣдѣній взятыхъ нами изъ приказовъ по арміи, имѣется вѣдомость распредѣленія войновъ Московской военной силы за подписью дежурнаго генерала. Эта вѣдомость рисуетъ намъ полную картину того, по какимъ частямъ были распредѣлены части ополченія и сколько человѣкъ было налицо, на ней нѣтъ помѣты, но, повидимому, ее надо отнести къ послѣднимъ числамъ августа, т.-е. приблизительно ко времени изданія, указанныхъ нами выше, приказовъ князя Кутузова отъ 29 и 30 августа, а возможно, что эта вѣдомость явилась прямымъ слѣдствіемъ этихъ приказовъ, все это подтверждается и донесеніемъ графа Моркова отъ 20 января 1813 года, въ которомъ онъ говоритъ: «Ретируясь къ Москвѣ по волѣ Его Свѣтлости остальное количество Московской Военной Силы отдано въ армію цѣлыми полками съ принадлежащими къ онымъ штабъ и оберъ офицерами».

*) Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Оп. 130, св. 53, д. № 448 и Оп. 11а, св. 281, д. № 24, ч. 9.

Званіе полковъ.	Число урядн., писарей, войновъ.	Куда командированы.	Число урядн., писарей, войновъ.
1 Егерскій	2602	Во 2 Армію	1748
		Къ генералу Левицкому	540
2 Егерскій	2590	Въ 3 корпусъ	1167
		Князю Багратіону	1200
3 Егерскій	2602	Въ 3 корпусъ	270
		Барклаю де Толли	1214
		Генералъ Провіант. Говъ	460
		Въ вѣдѣніе Инспектора Почтъ .	30
1 Пѣхотный	2602	Въ 3 корпусъ	1471
		Къ генералу М. Левицкому . . .	1000
		Комисару Иловайскому	127
2 Пѣхотный	2590	Въ 4 корпусъ	2590
3 Пѣхотный	2590	Барклаю де Толли	1200
		Къ генералу М. Левицкому . . .	640
		Капитану Ревунову	120
4 Пѣхотный	2582	Барклая де Толли	1266
		Къ генералъ-маіору Левицкому . .	540
5 Пѣхотный	2590	Отданы во 2 Армію	2590
6 Пѣхотный	2590	Отданы въ бѣлозерскій полкъ маіору Керну	2590
7 Пѣхотный	2590	Въ 6 корпусъ	2282
8 Пѣхотный	1744	Въ 7 корпусъ	22
		Князю Багратіону	1200
Всего . . .	27672	Въ расходъ . . .	24267

Въ числѣ 27672 войновъ за расходомъ 24267 должно оставаться 3405 человѣкъ, изъ коихъ въ раскомандировкахъ для препровожденія раненыхъ, для отводу плѣнныхъ и оставшихся больными въ остаткѣ 1005 человѣкъ (Моск. Арх. Гл. Штаб. Оп. 11а, св. 281, д. № 13, ч. 1).

Такъ растворилось Московское Ополченіе въ рядахъ всей арміи, но хотя оно и перестало почти дѣйствовать самостоятельно, потерявъ свой характеръ народнаго ополченія, оно продолжало нести тяжелую службу въ великой борьбѣ съ Наполеономъ и мы все еще продолжаемъ иногда встрѣчать упоминаніе о дѣйствіяхъ Московскаго Ополченія, такъ напримѣръ въ представленіи къ наградѣ полковника Свѣчина говорится, что (3—6 ноября) «при нападеніи непріятеля на стрѣлковъ праваго фланга былъ посланъ на подкрѣпленіе, при чемъ показалъ себя искуснымъ офицеромъ, построивъ изъ Московскаго Ополченія пять колоннъ, пользуясь мѣстоположеніемъ скрыть отъ непріятеля ихъ слабость, чѣмъ и остановилъ стремленіе онаго», штабсъ капитаны Московскаго Ополченія Мироновъ и Грамоцкой «съ баталіонами имъ ввѣренными составляли третію линію побѣдоносной 1-й Гренадерской дивизіи и слѣдовали подъ выстрѣлами, поощряя людей къ ревностному исполненію должностей своихъ»,—все это вмѣстѣ взятое даетъ намъ право признать, что Московское Ополченіе выполнило возложенную на него задачу и офицерскій составъ его оправдалъ довѣріе избравшаго его дворянства. Заслуги Ополченія неоднократно отмѣчались главнокомандующимъ арміями, а также обратили на себя вниманіе и Государя, который, между прочимъ, въ награду за службу въ рядахъ ополченія разрѣшилъ гражданскимъ чиновникамъ вступать въ армейскіе полки съ тѣми офицерскими чинами, съ которыми они служили въ ополченіи, что являлось несомнѣннымъ признаніемъ ихъ полезной дѣятельности въ качествѣ ополченскихъ офицеровъ. Въ Высочайшемъ Указѣ по этому поводу даннымъ 26 декабря 1812 года говорится:

«Составъ временнаго ополченія на защиту отечества явилъ въ полной мѣрѣ усердіе чиновниковъ, изъ гражданской службы поступившихъ въ оныя. Дабы удовлетворить столь похвальному желанію сихъ чиновниковъ отличаться на полѣ брани, повелѣваю Правительствующему Сенату обвѣстить во всѣхъ губерніяхъ, что отнынѣ и въ полки армейскіе принимаемы они будутъ тѣми самыми чинами, какіе назначены для ополченія».

Кромѣ того 16-го октября 1813 г. Государь повелѣлъ, чтобы чиновники, поступившіе въ ополченіе, не исключались изъ тѣхъ

мѣстъ гдѣ служили до вступленія въ ополченіе, о чемъ Сенатъ далъ знать тогда же во всѣ присутственныя мѣста.

Всего Московскимъ дворянствомъ было сформировано 3 егерскихъ, 8 пѣхотныхъ (составляли 3 ополченскихъ дивизіи) и одинъ конный полкъ *). Всѣ они, за исключеніемъ коннаго полка, дѣйствовали самостоятельно лишь около двухъ недѣль и послѣ Бородинскаго сраженія вошли на пополненіе частей дѣйствующей арміи и такимъ образомъ потеряли свою ополченскую самостоятельность, конный же полкъ просуществовалъ весь 1812 г. Сформированъ онъ былъ въ августѣ 1812 г. и состоялъ изъ 10 сотенъ при 47 офицерахъ; активная его дѣятельность началась 1 сентября, когда четыремъ эскадронамъ поручено было генераломъ Милорадовичемъ «учрежденіе порядка при входѣ въ городъ и устройство при переходѣ черезъ оный и при слѣдованіи обозовъ и аріергарда черезъ Москву», что и было ими выполнено.

Полкъ (конно-казачій Московскаго ополченія, иногда 1-й конно-казачій**) участвовалъ затѣмъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ 1812 г.: 6 октября при с. Тарутинѣ, 12 и 13 октября при городѣ Маломъ Ярославцѣ, 22 октября при городѣ Вязьмѣ и 4, 5 и 6 ноября при г. Красномъ. Онъ былъ единственнымъ полкомъ Московскаго ополченія сохранившимъ свое самостоятельное существованіе въ теченіе всего 1812 г.***). Иногда онъ именовался Савеловскимъ полкомъ по фамиліи своего командира Василія Петровича Савелова, который, какъ мы читаемъ въ его наградномъ спискѣ, «во всѣхъ сраженіяхъ особенною храбростію отличился».

Упоминается также и объ артиллеріи Московскаго Ополченія,—въ журналѣ 1-го Комитета отъ 19 августа мы читаемъ: «Рапорты коими доносятъ: 1) Начальствующій по Провіантской части бригадиръ Кашкинъ, что полковникъ артиллеріи Вельяшевъ-Волынцевъ, опредѣленный его помощниковъ, нынѣ по при-

*) Мы не считаемъ «Мамоновскаго» полка, который формировался не въ предѣлахъ Московской губерніи, пополнялся людьми и офицерами безъ участія Московскаго дворянства и наконецъ былъ окончательно сформированъ уже послѣ роспуска Московскаго ополченія, т. е. послѣ 30 марта 1813 г.

**) Его часто путали, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, съ Мамоновскимъ, который именовался Московскимъ казачимъ полкомъ.

***) «Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ» № 8, стр. 286; Моск. Арх. Гл. Штаба. Оп. 208 а, св. О, д. № 1, л. 97, 98, 234, 235; Оп. 208 а, св. 138, д. № 21, л. 121—128.

казанію Его Сіятельства командующаго Московскою военною силою Графа Моркова, назначенъ въ артиллерію Московскаго ополченія», но это единственный случай упоминанія въ нашихъ матеріалахъ объ ополченской артиллеріи, къ сожалѣнію полковника Вельяшева-Волынцева нѣтъ и въ наградномъ спискѣ, т. ч. не видно его дальнѣйшей службы *). Есть впрочемъ еще намеки на существованіе артиллеріи, такъ гр. Ростопчинъ 24 августа предписалъ оберъ-провіантмейстеру Кашкину доставить провіантъ для 100 человѣкъ, присланныхъ съ прапорщикомъ Воропановымъ въ Московскій артиллерійскій гарнизонъ «для обученія пушечной экзерціи», повидимому о нихъ же говоритъ тотъ же Ростопчинъ въ письмѣ Кутузову отъ 28 августа: 2) «Завтра на разсвѣтъ выступаютъ 4600 человѣкъ совсѣмъ на службу готовыхъ, черезъ два дня еще полкъ 2300 человѣкъ изъ Подольска, отсюда послѣ завтра батарея съ понтонной ротой и 100 человѣками изъ ополченія совершенно выученными пушечной стрѣльбѣ». Здѣсь, конечно, трудно категорически утверждать, что это была ополченская батарея—возможно, что это была обыкновенная полевая съ прикомандированными къ ней 100 ополченцами, но сопоставляя съ одной стороны назначеніе полковника Вельяшева-Волынцова въ артиллерію Московскаго ополченія, а съ другой командированіе при ополченскомъ офицерѣ 100 ополченцевъ для обученія пушечной стрѣльбѣ—можно почти съ увѣренностью сказать, что артиллерія при Московской Военной Силѣ если и не существовала, то была предположена и въ августѣ 1812 года была въ періодѣ формированія, а затѣмъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ и послѣдовавшаго вскорѣ изгнанія французовъ и роспуска ополченій формированіе это было прекращено раньше, чѣмъ эта артиллерія успѣла проявить себя на дѣлѣ.

*) Извѣстны примѣры, когда ополченія имѣли свою артиллерію, между прочимъ, Пензенское имѣло четыре орудія, впрочемъ случайно найденныя въ Пензѣ. (Очеркъ формированія Дворянствомъ Пензенской губерніи и дѣйствія ополченія. Стр. IX). Существовала конная артиллерійская рота и при Тульскомъ ополченіи (Моск. отд. Арх. Гл. Шт. 208 а, св. О. д. № 1, л. 234).

**) Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 11 а, св. 281, д. № 6, ч. 1.

III.

Постоянное отступленіе нашей арміи даже послѣ назначенія главнокомандующимъ Кутузова, на котораго общество возлагало большія надежды, конечно, не могло не волновать всѣхъ, распространялись всевозможные слухи, что вынудило наконецъ Кутузова обратиться къ гр. Растопчину со слѣдующимъ письмомъ: «Съ сокрушеннымъ, скорбнымъ сердцемъ извѣщаюся, что увеличенныя на щетъ дѣйствій Арміи нашихъ слухи разсѣваемые неблагопріятными людьми нарушаютъ спокойствіе жителей Москвы и доводятъ ихъ до отчаянія я прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство успокоить и увѣрить ихъ, что войска наши не достигли еще того разслабленія и истощенія въ какомъ можетъ быть стараются ихъ представить, на противъ того всѣ войны не имѣя еще до нынѣ генеральнаго сраженія не могли дойти до такой степени оскуденія въ пособіяхъ и въ силахъ, а оживляя и свойственнымъ имъ духомъ храбрости ожидаютъ съ послѣднимъ нетерпѣніемъ минуты запечатлѣть кровію преданность свою къ Августѣйшему Престолу и отечеству. Всѣ движенія доселѣ были направляемы къ сей единой цѣли и къ спасенію Первопрестольнаго Града Москвы. Да благословитъ Всевышній сіи предпріятія наши должно быть моленіемъ всѣхъ сыновъ Россіи (*sic*). Прошу Ваше Сіятельство увѣрить всѣхъ Московскихъ жителей моими сѣдинами, что еще не было ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали похвальности».

Вскорѣ послѣ этого письма состоялось Бородинское сраженіе, послѣ котораго наша армія стала довольно быстро отходить по направленію къ Москвѣ, куда и подошла 1 сентября.

«Мы шли пять дней сряду, говоритъ современникъ, по большой Московской дорогѣ; насъ оставалось немного болѣе пятидесяти тысячъ: на сей-то горсти людей опочила безопасность Имперіи. Сверхъ того потеря въ начальникахъ была примѣтна. Болѣе тысячи офицеровъ пали съ оружіемъ въ рукахъ; иными полками командовали поручики; полковники — бригадами и дивизіями. Непріятель сильно наступалъ; близость Москвы удваивала ихъ стремленіе, для насъ пагубное, потому что не позволяло намъ устроиться. Опытный начальникъ арріергарда могъ одинъ, удерживая непріятеля далеко отъ арміи, подать намъ къ сему

средство; а посему арріергардъ, два дня послѣ Бородинскаго сраженія, поручили Милорадовичу. Онъ на каждомъ шагу останавливалъ короля Неаполитанскаго и 29 принудилъ его даже отступить послѣ кровопролитнаго дѣла, продолжавшагося во весь день. Онъ вообще столь искусно дѣйствовалъ, что однажды находился отъ главной квартиры въ сорока верстахъ. Наконецъ мы приблизились къ Москвѣ. Неизъяснимыя чувства волновали души, потому что сердца русскихъ не могли постигнуть, чтобы враги могли быть вблизи матери городовъ нашихъ. Перваго сентября рано по утру Свѣтлѣйшій Князь прибылъ на Поклонную гору, откуда столица представилась со всѣми своими прелестными окрестностями и безчисленными колокольнями.

Онъ сѣлъ, по своему обыкновенію, на небольшую скамью; пѣхота, конница, артиллерія и ополченія медленно и въ безмолвіи тянулись по дорогѣ, покрывали поля и выходили изъ лѣсовъ. Почетнѣйшіе изъ генераловъ окружили главнокомандующаго. Это была торжественная минута. Мы увидѣли здѣсь графа Растопчина, который въ первый разъ пріѣхалъ въ армію. Многіе изъ офицеровъ отыскивали позиціи для сраженія, потому что были еще въ увѣреніяхъ въ скоромъ времени встрѣтиться съ непріятелемъ и на нѣкоторыхъ возвышеніяхъ вдоль Поклонной горы начали рыть укрѣпленія *).

Но по обозрѣніи мѣстнаго положенія оказалось, что оно пересѣкаемо глубокими и крутыми рвами, которые во время дѣла воспрепятствовали бы переводить войска съ одного мѣста на другое, подкрѣплять резервами ослабѣвшіе отряды и употреблять конницу. Позиція простиралась на четыре версты; пространство сіе было слишкомъ велико для арміи, обезсиленной Бородинскимъ днемъ, позади оной находилась столица и Москва рѣка, имѣющая крутые берега. Такимъ образомъ въ случаѣ неудачи армія была бы уничтожена и въ невыгодномъ мѣстѣ своего расположенія и во время переправы черезъ Москву рѣку и при отступленіи по пространнѣйшему городу въ Европѣ. Однако же мысль пережить отдачу Москвы еще болѣе была ужасна, хотя съ отступленіемъ отъ оной предвидѣлись великія выгоды, потому что приспѣвало время, въ которое ежедневно должны

*) Слѣды этихъ укрѣпленій сохранились до сихъ поръ.

были присоединиться къ намъ свѣжія войска. Отъ разныхъ соображеній, колебавшихъ генераловъ, начертывалась нерѣшимость на лицахъ ихъ; они постигали важность послѣдствій, которыя должны были произойти отъ всякаго предпріятія, на каковое бы они ни покусились.

Иногда столѣтія не перемѣняютъ порядка существующихъ вещей, а въ другое время часъ рѣшаетъ участь отечества.

Въ семъ положеніи Свѣтлѣйшій Князь пригласилъ первенствующихъ генераловъ, изъ коихъ нѣкоторые еще находились при войскахъ, ими предводимыхъ, на совѣщаніе въ главную его квартиру, въ деревню Фили, въ 4-мъ часу пополудни.

Кажется, что намѣреніе его отступить отъ Москвы было уже твердо принято: онъ не обязанъ былъ по власти своей спрашивать чьего-либо совѣта, но грядущія времена налагали на него долгъ узнать мнѣнія генераловъ въ такомъ случаѣ, котораго послѣдствія долженствовали распространиться и на позднихъ потомковъ. Можетъ быть способствовала къ сему и мысль о превратности счастія и о возможности неудачнаго продолженія войны.

Въ совѣтѣ находились, кромѣ Главнокомандующаго, генералы: Бенигсенъ, Барклай-де-Толли, Платовъ, Дохтуровъ, Уваровъ, Раевскій, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, полковникъ Толь и генералъ-интендантъ Ланской. Милорадовичъ не присутствовалъ, потому что былъ въ арріергардѣ. Свѣтлѣйшій Князь, открывъ засѣданіе вопросомъ: «принять ли сраженіе передъ Москвою, или отступить за оную», изложилъ мнѣніе свое о неудобствахъ позиціи и о выгодахъ, кои могутъ произойти отъ отступленія, онъ присовокупилъ, что «доколѣ будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ сохранимъ надежду благополучно довершить войну; но когда уничтожится армія,—погибнетъ и Москва и Россія». Бенигсенъ сказалъ: «Мы спасемъ армію и Москву, когда сами пойдемъ атаковать непріятеля. Намъ сіе потому можно исполнить, что Наполеонъ отрядилъ корпусъ вице-короля итальянскаго обойти насъ справа и другой корпусъ, чтобы обойти насъ слѣва—отъ сего силы его гораздо уменьшились; сверхъ того многія тысячи мародеровъ растраиваютъ его армію; а посему если пойдемъ прямо на него, онъ будетъ неминуемо

разбитъ, а оба корпуса, посланные, чтобы насъ обойти, будутъ сами отрѣзаны. Если вы сего мнѣнія не примете, то предлагаю стянуть всѣ наши силы къ лѣвому крылу, стать въ сторонѣ дорогъ Смоленской и Калужской, имѣя позади насъ Воробьевы горы и тутъ ожидать, что непріятель предприметъ». Барклай-де-Толли: «Если бы мы были намѣрены атаковать, то сіе надлежало бы прежде; не надобно подходить близко къ Москвѣ, потому что гибель наша неизбѣжна въ случаѣ несчастія, т.-е. отступленія черезъ оную». Принявъ потомъ въ уваженіе невыгоду позиціи, онъ предложилъ идти назадъ. Съ нимъ согласились всѣ, за исключеніемъ Бенигсена, Дохтурова, Уварова и Коновницына, которые говорили, чтобы передъ Москвою сражаться. «Теперь надобно рѣшиться»,—сказалъ главнокомандующій,—«въ которую сторону намъ направиться». Барклай-де-Толли предложилъ идти къ Волгѣ, куда въ теченіе лѣта посланы были офицеры для осматриванія мѣстъ. Сверхъ того, присовокупилъ онъ: «Волга, протекая по плодоноснѣйшимъ губерніямъ, кормитъ Россію». «Но мы должны помышлять теперь»,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—«не о краяхъ, продовольствующихъ Россію, о тѣхъ, которые снабжаютъ армію, а по сему намъ слѣдуетъ взять направленіе на полуденныя губерніи». Въ заключеніе положено идти по Рязанской дорогѣ. Совѣщаніе продолжалось съ небольшимъ часъ. Свѣтлѣйшій князь закрылъ оное словами: «чтобы не случилось, я принимаю на себя отвѣтственность передъ Государемъ, отечествомъ и арміею»*).

Результатомъ военнаго совѣта въ Филяхъ было полученіе гр. Ростопчинымъ отъ Кутузова слѣдующаго крайне лаконическаго, но весьма опредѣленнаго письма: «Непріятель, отдѣливъ колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе, вынуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу».

---

*) Военскій, К. Отечественная война 1812 г. въ запискахъ современниковъ, стр. 81. «Записки неизвѣстнаго».

Еще передъ началомъ совѣта въ Филяхъ Кутузовъ сказалъ на ухо принцу Евгенію Вюртембергскому: «Ici ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, ne doit s'aider que d'elle même»—конечно вопросъ объ оставленіи Москвы былъ въ тотъ моментъ уже рѣшенъ Кутузовымъ.

IV.

Судьба Москвы была рѣшена. Въ ночь на 2 сентября двинулись обозы, а рано утромъ черезъ Дорогомиловскую заставу потянулись войска и остановились въ 17 верстахъ отъ Москвы по Рязанской дорогѣ,—затѣмъ Кутузовъ, совершивъ свой знаменитый фланговый маршъ, вышелъ на старую Калужскую дорогу и 20 сентября занялъ позиціи у Тарутина. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ отступленія, а затѣмъ и гибели великой арміи Наполеона, это не входитъ въ наши задачи, укажемъ лишь на то, что въ наградныхъ спискахъ офицеровъ Московскаго ополченія мы встрѣчаемъ хорошо знакомыя намъ всѣмъ мѣста сраженій: Тарутино, Малый Ярославецъ, Красный, Вязьма, Дорогобужъ и т. д., все это сраженія, въ которыхъ принимали участіе отдѣльныя части и лица Московскаго ополченія. Имена отличившихся желающіе найдутъ въ печатаемыхъ нами въ «Матеріалахъ» наградныхъ спискахъ, къ сожалѣнію нѣтъ списковъ лицъ, положившихъ свой животъ за отечество.

Что происходило въ Москвѣ 2-го сентября довольно картинно рисуетъ въ своихъ запискахъ Ф. Ф. Вигель (Русскій Архивъ 1892 г. VI, 61): «Въ семь часовъ утра, 2-го сентября, поднялся братъ мой, а въ восемь былъ уже за Покровскою заставой. Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы, мимо высокихъ зданій, коихъ жители, казалось всѣ вымерли: ни лица, ни голоса человѣческаго. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ всего человѣкъ семь или восемь ощипанныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ будто еще прятались, зловѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но, приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ подвигаться впередъ посреди плотной массы удаляющихся. Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Московскаго спѣшилъ изъ нея, являетъ картину единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько карикатурную. Тамъ виденъ былъ попъ, надѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною

утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четверомѣстную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжено было пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которая и понынѣ еще въ большомъ употребленіи между среднимъ сословіемъ, сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчевомъ нарядѣ и жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конныя, пѣшіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шагомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать, братъ мой рѣшился остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности сопутниковъ. Не многіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали печальное свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло: огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винные или водочные магазины. Какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, ни которое такъ сильно его не поразило». Быстрое отступленіе нашей арміи отъ Москвы внесло несомнѣнно безпорядокъ и въ провіантмейстерскую часть Московской военной силы. Въ архивѣ депутатскаго собранія имѣется рапортъ помощника обер-провіантмейстера Высоцкаго, который описываетъ въ немъ, что происходило перваго сентября въ Москвѣ: «здача производилась 1-го числа сентября продолжаясь до самой полуночи и у самой же заставы Московской въ то время, когда главная наша квартира находилась въ Филяхъ, и какъ я безпрерывно при оной здачѣ находился самъ, то и былъ свидѣтелемъ дѣятельности и неутомимости съ каковыми Г-да Михневъ и Долговъ оную производили и безъ какихъ не могло быть въ здачѣ такового успѣха, ибо обозы разсѣяны были по полямъ за неимѣніемъ мѣста отъ артиллерійскихъ и запасныхъ парковъ и отъ обозовъ армейскихъ. Они должны были поспѣшать здачею и сверхъ того имѣть безпрестанный надзоръ за подводчиками, которые роптали, негодовали и каждый изъ нихъ только о томъ и думалъ, какъ бы уѣхать или вмѣстѣ съ возомъ, или возъ, свой оставя, ускакать верхомъ, что многіе и сдѣлали и большая часть подводчиковъ сдѣлали бы то же, если бы Г-да Михневъ и Долговъ не оказали столько дѣятельности, усер-

дія и расторопности, какъ при семъ случаѣ, такъ и въ томъ, когда они отъ самаго почти села Одинцова до Москвы на походѣ по мѣрѣ возможности старались провіантъ здавать въ армію; а какъ съ 1-го на 2-ое число въ ту самую ночь армія наша и главная квартира пошла черезъ Москву, но по какой дорогѣ изъ Москвы и гдѣ была назначена главная квартира, мы не знали, а многіе обозы отъ тѣсноты не успѣли не только выѣхать, но и въѣхать въ самую Москву, отчего захвачены были непріятелемъ, что неминуемо послѣдовало бы и съ нашими транспортами, если бы до 2-го числа мы здать ихъ не успѣли большею частью прямо въ полки и команды, которые въ провіантѣ имѣли болѣе надобности». Но не всѣ транспорты съ провіантомъ Московскаго Ополченія попадали по своему назначенію—29 августа изъ Москвы былъ посланъ обозъ изъ 174 подводъ подъ начальствомъ рядового Савелія Миронова, но на пути онъ былъ возвращенъ опять въ Москву и, прибывъ 2-го къ магазинамъ, приступилъ къ обратной здачѣ, но все это было захвачено французами вмѣстѣ съ самимъ Мироновымъ, успѣвшимъ зарыть въ землю полученныя имъ отъ пріемщиковъ росписки, которыя онъ представилъ только послѣ ухода непріятеля изъ Москвы. Большое путешествіе совершилъ со своимъ транспортомъ Волоколамскій провіантмейстеръ Онучинъ: «По выступленіи моемъ съ транспортомъ изъ Волоколамска, доноситъ Онучинъ, въ городъ Рузу, прибывъ къ рѣкѣ Зернѣ за четыре версты отъ Рузы остановился, а коммиссіонеръ князь Сокольницкій уѣхалъ въ Рузу, откуда прислалъ мнѣ записку слѣдовать въ Рузу прямо къ магазинамъ, почему я переправя большую часть транспорта на ту сторону рѣки увидѣлъ бѣгущихъ города Рузы жителей и увѣдомлясь отъ нихъ о вступленіи непріятеля въ Рузу, почему остановясь отправилъ находящагося при мнѣ гарнизоннаго поручика Кулмана для обстоятельнаго развѣдыванія о непріятелѣ, который возвратясь увѣдомилъ меня, что партія непріятельская заняла Рузу, почему бывъ отрѣзанъ отъ нашей арміи, построясь въ Вагенбургѣ, слѣдовалъ я на Воскресенскъ проселочными дорогами, спасая транспортъ отъ нападенія непріятельскаго, куда прибывъ послалъ съ рапортомъ бывшаго въ конвойной командѣ гарнизоннаго унтеръ-офицера Виденѣева въ Москву къ Вашему Высокородію (донесеніе на имя оберъ-провіантмейстера Кашкина) съ прошеніемъ

резолюціи о здачѣ провіанта, но какъ посланный унтеръ-офицеръ Вашего Высокородія въ Москвѣ уже не засталъ, то и рапортъ мой привезъ обратно и объявилъ мнѣ, что Вы выѣхали въ армію; потомъ посланный изъ Москвы курьеръ отъ господина главнокомандующаго въ Москвѣ графа Ростопчина въ Воскресенскѣ объявилъ мнѣ повелѣніе, что велѣно всѣмъ слѣдующимъ по Волоколамскому тракту транспортамъ и командамъ поспѣшать къ Москвѣ, почему и я слѣдовалъ туда и прибылъ къ Москвѣ наканунѣ занятія оной непріятелемъ, транспортъ остановилъ у заставы, самъ искалъ въ Москвѣ Вашего Высокородія и, узнавъ о выѣздѣ Вашемъ въ армію, явился къ господину коменданту Гессе и по его приказанію являлся къ главнокомандующему графу Ростопчину, а отъ него приказано мнѣ явиться для здачи провіанта къ Г-ну Оберъ-Полиціймейстеру Ивашкину, который мнѣ объявилъ, что я долженъ слѣдовать вокругъ Москвы черезъ Владимірскую на Рязанскую дорогу и присоединиться тамъ къ нашей арміи, а въ Москву мнѣ уже съ транспортомъ вступить было опасно и какъ оберъ-полиціймейстеръ со всею полиціею и все начальство изъ Москвы выѣзжали, почему и я слѣдовалъ вокругъ Москвы чрезъ Владимірскую на Рязанскую дорогу къ нашей арміи и благополучно съ транспортомъ мнѣ ввѣреннымъ прибылъ въ армію; переправя оный за Москву рѣку на Боровскомъ перевозѣ, явился въ главномъ дежурствѣ въ деревнѣ Кулаковкѣ къ господину дежурному полковнику Кикину и получивъ отъ него повелѣніе слѣдовать по оной дорогѣ впредь до повелѣнія и во время сего слѣдованія сухари и крупы на походѣ въ арміи сдалъ всѣ, а мука осталась, съ которою слѣдовалъ я къ арміи подъ село Тарутино, гдѣ велѣно мнѣ отъ главнаго дежурства явиться къ главной арміи къ полевому генералъ-провіантмейстеру Гове и быть подъ его распоряженіемъ и по его повелѣнію я старался муку перепекать въ хлѣбы и по его ассигновкамъ довольствовалъ разныя команды, а по здачѣ провіанта доставлялъ фуражъ въ главную контору, откуда я слѣдовалъ за арміею до города Калиша имѣя препорученія доставлять изъ подвижныхъ магазиновъ провіантъ, а изъ города Ликъ *) вино въ городъ Калишъ, выполнивъ послѣднее явился къ Генералъ-Интенданту

*) Въ восточной Пруссіи.

Канкрину, получа отъ него увольненіе сего года марта 14 дня возвратился въ Московскую губернію.»

Это донесеніе живо рисуетъ намъ картину дѣятельности провіантмейстеровъ, которая видимо не ограничивалась однимъ сборомъ провіанта для ополченія, а распространялась далеко за предѣлы первоначальныхъ предположеній, они служили уже не одному ополченію, а всей арміи вообще и повидимому служили не за страхъ, а за совѣстъ и вполнѣ оправдали довѣріе къ нимъ дворянства, ихъ избравшаго.

Тяжелый 1812-й годъ заканчивался, Государь опять былъ въ Вильнѣ, а наши войска готовились къ переходу черезъ Нѣманъ и къ преслѣдованію Наполеона (наша армія перешла черезъ Нѣманъ 1 января 1813 г.). Въ первый день Рождества Императоромъ Александромъ былъ изданъ Манифестъ которымъ повелѣвалось создать въ Москвѣ въ память Отечественной войны церковь во имя Спасителя Христа. «Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и къ Отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій... Да благословитъ Всевышній, заканчиваетъ этотъ манифестъ Государь, начинаніе Наше! Да совершится оно! Да простоитъ сей храмъ многіе вѣка, и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ.»

Наступилъ 1813-й годъ, непріятель былъ далеко за предѣлами Россіи (въ началѣ февраля наша армія была уже на берегахъ Одера), надобность въ ополченіяхъ миновала и 30 марта послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ его роспускѣ: «Изъ народныхъ Государственныхъ силъ, столь единодушно и ревностно въ защиту Отечества вооружившихся, прежде всѣхъ составились Смоленское и Московское ополченіе. Они первыя встрѣтили непріятеля, и мужественнымъ сопротивленіемъ и многократными съ нимъ битвами оказали усердіе свое и заслуги. Нынѣ по истребленіи врага въ предѣлахъ НАШИХЪ, уже далеко за онными не дерзаетъ онъ предъ побѣдоноснымъ НАШИМЪ воинствомъ явиться; почему

въ силу обнародованнаго НАМИ обѣщанія освобождая Смоленское и Московское ополченіе отъ пребыванія на службѣ, повелѣваемъ МЫ, изъявляя къ нимъ МОНАРШЕЕ НАШЕ благоволеніе и признательность, распустить оныя по домамъ; да обратится каждый изъ храбраго воина паки въ трудолюбиваго земледѣльца и да наслаждается посредѣ родины и семейства своею пріобрѣтенною имъ честію, спокойствіемъ и славою».

Но отпускались по домамъ только войны ополченія, находившіеся въ предѣлахъ Россіи, «тѣхъ изъ войновъ Московскаго ополченія, кои находятся въ Заграничной Арміи благоугодно было Государю Императору Высочайше указать оставить ихъ въ оной впредь до повелѣнія» *). Тогда же было приказано оружіе, амуницію и вообще всѣ военныя вещи сдавать въ артиллерійскіе склады и въ коммисаріатскій департаментъ **).

Одновременно съ Высочайшимъ Указомъ о роспускѣ Московскаго ополченія оканчивалась и служба достойнаго избранника Московскаго Дворянства, главнаго начальника Московскаго ополченія графа Ираклія Ивановича Моркова.

Нѣсколько ранѣе (20 января 1813 г.) изданія этого Высочайшаго Указа графъ Морковъ писалъ къ князю И. М. Волконскому о печальномъ положеніи своемъ, какъ командующаго Московскимъ ополченіемъ, а т. к. въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о судьбѣ ополченія, то мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ ***), изъ него прекрасно видно то ненормальное положеніе въ какомъ очутился начальникъ ополченія, когда у него постепенно отобрали всѣ части, а самъ онъ долженъ былъ скитаться за арміею.

«Приказаніе Его Свѣтлости г-на Генералъ-фельдмаршала, Главнокомандующаго Арміями, отъ 17 января подъ № 35 имѣлъ я честь получить и въ отвѣтъ на оное долгомъ поставляю объяснить слѣдующее: первое, по прибытіи моемъ со ввѣренною мнѣ Московскою Военною силою въ городъ Можайскъ Августа 21 числа 1812 года получилъ я повелѣніе отъ Его Свѣтлости откомандировать къ Генералъ-Маіору Левиц-

*) Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. Оп. II а, св. 281, д. № 13. ч. 9

**) Тамъ же. Оп. 130, св. 56 д. № 228.

***) Тамъ же. Оп. 11 а, св. 281, д. № 13, ч. 1.

кому правившему должность Коменданта въ Можайскѣ 1000 человѣкъ; 22 Августа отдано къ нему такое же количество; 23 числа отдано 1500 человѣкъ полковнику Шульгину для устроенія порядка въ Вагенбургѣ и окрестностяхъ города Можайска, 24 по приказанію же Его Свѣтлости 9 комплектныхъ баталіоновъ поступили въ 1 и 2 Арміи, 26 числа, по окончаніи сраженія съ непріятелемъ отдано въ Артиллерію 800 человѣкъ. Ретируясь къ Москвѣ по волѣ Его Свѣтлости остальное количество Московской Военной силы отдано въ Армію цѣлыми полками съ принадлежащими къ онымъ Штабъ и оберъ офицерами, второе, съ тѣхъ поръ не имѣлъ я ни малѣйшаго свѣдѣнія о ввѣренной мнѣ Московской Военной силѣ и не могъ онаго имѣть по причинѣ той, что полковые, баталіонные и сотенные Начальники при своихъ командахъ не находились, а были раскомандированы къ разнымъ должностямъ, войны же раздроблены были по полкамъ. Корпусные Командиры, въ вѣдомство коихъ они поступили, не доставляютъ мнѣ никакихъ свѣдѣній, почему полагаю я Главное Дежурство долженъ быть извѣстнѣе меня о состояніи Московской Военной силы розданной по Корпусамъ, третіе, команда г-на Генералъ-Маіора Левицкаго какъ извѣстно по его рапортамъ большею частью употреблена на провожаніе плѣнныхъ въ разныя губерніи, отъ полковника Шульгина не имѣю я никакихъ донесеній, а уповаю что таковыя имѣются въ Главномъ Дежурствѣ. Наконецъ по всѣмъ вышеобъясненнымъ причинамъ, не менѣе и потому что слѣдуя за Арміею едва для себя могу имѣть квартиру, а Канцелярію свою принужденъ былъ оставить въ городѣ Гродно, не имѣю я способовъ доставить въ Дежурство какія либо свѣдѣнія, а долженъ только къ сему прибавить, что объѣзжая вездѣ обозы, какъ казенные, такъ и партикулярные вижу воиновъ, сидящихъ на повозкахъ и правящихъ лошадьми». Прощаясь окончательно со своими сослуживцами по Московскому ополченію и отъѣзжая изъ Калиша въ Россію, графъ Морковъ 31 марта представилъ въ Комитетъ «учрежденный по всѣмъ ополченіямъ и находившійся при Особѣ Государя Императора» слѣдующій рапортъ: «По Высочайшей волѣ чрезъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго мнѣ объявленной ввѣренная мнѣ Мо-

сковская Военная сила имѣетъ уже другое назначенїе, составляя третью шеренгу въ тѣхъ корпусахъ, къ которымъ нынѣ прикомандирована, и потому отъѣзжая въ Россїю почитаю себя обязаннымъ обратить Всемилостивѣйшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вниманїе на службу чиновниковъ Военной силы въ сїю компанїю себя отличившихъ.

Генералы, штабъ и оберъ-офицеры съ самаго начала особеннымъ усердїемъ и дѣятельностью въ образованїи ополченїя заслужили мою благодарность, въ прошедшую же компанїю не одинъ разъ кровїю запечатлѣвали любовь ихъ къ Монарху и Отечеству, не одинъ разъ получали похвалу отъ Главнокомандующаго всѣми армїями, и не одинъ разъ въ приказахъ отдаваемыхъ Его Свѣтлостїю Генералъ-фельдмаршаломъ объявлено было, что сїе отечественное ополченїе приноситъ равную войскамъ пользу.

Столь явное отличїе знаменитыхъ дворянъ Московскихъ, передъ цѣлымъ войскомъ, свидѣтельствуемое самимъ Главнокомандующимъ Армїями, беру я смѣлость повергнуть въ Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволенїе. Въ прилагаемомъ при семъ спискѣ Верховный Комитетъ изволитъ усмотрѣть имена храбрыхъ, отличившихъ себя на полѣ чести, служившихъ съ мужествомъ во всю компанїю при разныхъ командахъ и собственно при мнѣ и бывшихъ въ сраженїяхъ, 17 сентября при Чириковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12 передъ Малымъ Ярославцемъ, 22 передъ Вязьмою и 5 и 6 ноября подъ Краснымъ.»

Этимъ представленїемъ достойнѣйшихъ изъ Московскихъ дворянъ простился графъ Ираклїй Ивановичъ со своими соратниками; послѣ этого онъ прожилъ еще 15 лѣтъ и скончался 26 марта 1828 г. и погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, за годъ до него, 18 мая 1827 г., скончался его энергичный помощникъ Николай Евгеньевичъ Кашкинъ, бывшїй съ 1820 по 1826 годъ совѣстнымъ судьей, а послѣднїй годъ жизни сенаторомъ и погребенный въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Впрочемъ графу Ираклїю Ивановичу Моркову пришлось еще разъ выступить въ качествѣ начальника или скорѣй даже пред-

ставителя Московскаго ополченія, случилось это 15 августа 1813 г., когда онъ въ Кремлѣ возвращалъ преосвященному Августину хоругвь (XV), бывшую съ Московскимъ ополченіемъ и полученную за годъ до того изъ рукъ того же пр. Августина.

Принимая обратно эту священную реликвію, свидѣтельницу боевыхъ подвиговъ Московскаго ополченія, преосвященный обратился къ графу Ираклію Ивановичу и присутствовавшимъ при этомъ его сотрудникамъ со слѣдующимъ словомъ:

«Совершилось лѣто, какъ святая церковь въ семъ первопрестольномъ градѣ благословеніемъ и моленіями напутствовала васъ, православные воины, при шествіи вашемъ на брань... Военная наука была вамъ неизвѣстна; но ревность по вѣрѣ и вѣрность къ Царю научила руце ваши на брань; а пламенная любовь къ отечеству содѣлала яко лукъ мѣдянъ мышцы ваши. Въ предшествіи сея святыя хоругви вы устремлялись на всѣ опасности, уничтожали всѣ усилія врага и, низлагая его, истребили до конца.—Поля ваши, опустошенныя хищною его рукою, сдѣлались могилою для его самого.—Сынъ и внукъ твой, влача плугъ по наслѣдственной нивѣ, откроетъ кости злодѣевъ; онъ скажетъ: «Отецъ мой поразилъ ихъ, спасъ для меня достояніе свое. Дѣдъ мой сокрушилъ нечестіе тиранство и сохранилъ для меня вѣру отецъ моихъ и свободу. Да будетъ во вѣки благословенна память ихъ!» «Православные воины! Вы возвращаете дому Пресвятыя Богородицы сію святую хоругвь, которую пріяли отъ Нея, шествуя на брань. Мы видимъ, что удары безбожныхъ касались и ея; но Богъ для того попустилъ сему быть, дабы показать, что вы всегда были противъ вражескихъ ополченій, и тѣмъ засвидѣтельствовать вашу неустрашимость и мужество.»

«И такъ пріемлемъ отъ васъ хоругвь сію, яко священный памятникъ достохвальныхъ подвиговъ вашихъ. Водруженная передъ очами соплеменныхъ, она будетъ возвѣщать о васъ изъ рода въ родъ.—Идите отселѣ съ миромъ въ праотеческіе домы. Мечи и копія ваши раскуйте на орала и серпы, и подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ Господій вашихъ, среди любезныхъ семействъ, наслаждайтесь покоемъ и тишиною!»

«Сіятельнѣйшій графъ и вы, благородные сподвижники по-

чтеннѣйшаго вождя своего! Предводительствуя воинами сими вы всегда предшествовали имъ примѣромъ собственныхъ доблестей и доказали, что вѣра въ Бога, вѣрность къ Царю, любовь къ отечеству, и безъ сильнаго вооруженія, могутъ торжествовать надъ всѣми усиліями гордыни, надъ всѣми ухищреніями адской злобы! Отечество никогда не забудетъ заслугъ вашихъ. Оно облобызаетъ язвы ваши лобзаніемъ нѣжной признательности. Оно увѣнчаетъ труды ваши вѣчною хвалою. Святая церковь не престанетъ молить Господа, да благословитъ васъ всѣми благами и небесными и земными!» *)

Въ 13-мъ году окончилась и дѣятельность дворянства. Пока русскія войска подвигались къ Парижу, гдѣ въ Тюльерійскомъ дворцѣ должно было окончиться начатое въ Слободскомъ, пока русскія войска сражались уже не за свое отечество, а за освобожденіе народовъ Европы—Русскій народъ во главѣ съ дворянствомъ подводилъ итоги прожитаго, залѣчивалъ свои раны, изъ которыхъ въ достаточномъ обиліи сочилась еще кровь.

18-го мая 1814 г. въ Парижѣ былъ изданъ слѣдующій Манифестъ, въ которомъ Императоръ Александръ, казалось, также подводилъ итоги войны: «Буря брани, врагомъ общаго спокойствія, врагомъ непримиримымъ Россіи поднятая, недавно свирѣпствовавшая въ сердцѣ Отечества Нашего, нынѣ въ страну непріятелей перенесшаяся, на ней отяготилась.—Исполнилась мѣра терпѣнія Бога защитника правыхъ!—Всемогущій ополчилъ Россію, да ею возвратитъ свободу народамъ и царствамъ, да воздвигнетъ падшія!—Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ, тяжкій ранами, пріятыми въ грудь Отечества Нашего для низложенія коварныхъ замысловъ властолюбиваго врага, вознесъ Россію на верхъ славы, явилъ передъ лицемъ вселенныя въ величіи ея, положилъ основаніе свободы народовъ.—Съ прискорбіемъ души и истощивъ всѣ средства къ отвращенію безаконной войны, прибѣгли мы къ средствамъ силы. Горест-

*) Кромѣ хоругви Государемъ былъ переданъ Московскому ополченію образъ Преподобнаго Сергія, полученный Имъ отъ митрополита Платона. Какая судьба постигла эту святыню—не извѣстно, наша попытка отыскать ее окончилась неудачею, мы не нашли никакихъ слѣдовъ ея (XVI).

ная необходимость извлекла мечъ нашъ. Достоинство народа, промысломъ Всевышняго попеченію Нашему ввѣреннаго, воспретило отпустить его во влагалище, доколѣ непріятель на землѣ нашей.—Торжественно дали Мы сіе обѣщаніе, дали его не обольщенные блескомъ славы, не упоенные властолюбіемъ, не времени щастія.—Съ сердцемъ чистымъ изліявъ у олтаря Предвѣчнаго моленія Наши, въ твердомъ упованіи на правосудіе Его, исполнены чувствъ правоты Нашей, призвали Его на помощь! Мы предприняли дѣло великое. Во благости Божіей снискали конецъ его. Единодушіе любезныхъ Намъ вѣрноподданныхъ, извѣстная любовь ихъ къ Отечеству, утвердила надежды Наши. Россійское дворянство, сильная подпора престола, на коей всегда возлежало величіе его; служители олтарей всесильнаго Бога, ихъ же благочестіемъ утверждаемся на пути вѣры; знаменитое заслугами купечество и граждане не щадили никакихъ пожертвованій. Кроткій поселянинъ, не знакомый дотолѣ со звукомъ оружія, оружіемъ защищалъ вѣру, Отечество и Государя. Жизнь казалась ему малою жертвою.—Чувство рабства незнаемо сердцу Россіянина. Никогда не преклонялъ онъ главы передъ властію чужою.—Дерзалъ ли кто налагать иго? Не коснѣло наказаніе!—Вносилъ ли кто оружіе въ Отечество его? Указуетъ онъ гробы ихъ!—Тако возноситъ Богъ уповающаго на Него! Враги побѣгли отъ лица нашего. Немногіе, да возвѣстятъ о гибели.—Тако гордаго наказуетъ Богъ!—Новыя между тѣмъ приготовлялись враговъ ополченія.—Еще противободрствовавшіе Россіи народы поставляли безопасность свою въ соединеніи силъ.—Дабы оградить Отечество отъ вторженія непріятелей, надлежало вынести войну внѣ предѣловъ его и побѣдоносныя воинства Наши явились на Вислѣ.—Насталъ тысяча восемьсотъ тринадцатый годъ! Народы склонили слухъ свой ко внушенію истины. Утомленная бѣдствіями бодрость воспрянула. Души ихъ слились во единую. Ополченія составляли единое ополченіе. Противящіеся покорены оружіемъ. Быстрое перехожденіе отъ торжества къ торжеству, привело на берега Рейна. Непріятель пребылъ непреклоннымъ къ миру. Но едва протекъ годъ, узрѣлъ онъ насъ при вратахъ

Парижа!—Французской народъ, никогда не возбуждавшій въ насъ чувствъ враждебныхъ, удержалъ громъ нашъ, готовый низринуться. Франція открыла глаза на окружающую ее бездну, расторгла узы обольщенія, устыдилась быть орудіемъ властолюбца. Гласъ Отечества пробудился въ душѣ народа. Возникъ новый вещей порядокъ: призванъ на престолъ законный Государь.—Франція возжелала мира. Ей дарованъ онъ великодушной и прочной.—Миръ сей, залогъ частной каждаго народа безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщеваетъ благоденствіе Европы, пріуготовляетъ возмездіе достойныя понесенныхъ трудовъ, преодолѣнныхъ опасностей.—Всемогущій положилъ предѣлъ бѣдствіямъ. Прославилъ любезное Намъ Отечество въ роды родовъ. Воздалъ Намъ по сердцу желаніямъ.—Мы благоговѣя передъ Господомъ, подателемъ всѣхъ благъ, возсылая благодарственное моленіе изъ глубины души Нашей, повелѣваемъ: да во всемъ пространствѣ Имперіи Нашей принесется торжественное молебствіе милосердному Богу. Увѣрены Мы, что Россія падетъ на колѣна и проліетъ слезы радости у престола Всещедраго.»

Россіи было отъ чего пасть на колѣни, было за что благодарить судьбу—окончился кошмаръ, давившій всю Европу въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Тогда же былъ поднятъ вопросъ о постановкѣ въ Петербургѣ памятника Императору Александру и выбитіи медали,—на соединенномъ засѣданіи Синода, Государственнаго Совѣта и Сената было по этому поводу вынесено слѣдующее постановленіе: «Радостное для всей Европы извѣстіе о торжественномъ вступленіи Его Императорскаго Величества съ побѣдоносными войсками въ Парижъ, и приближеніе вожделѣннаго мира, исполнили сердца всѣхъ Россіянъ живѣйшею признательностью къ виновнику сихъ великихъ событій. Верховныя Правительства, оживленныя всеобщими чувствованіями и предваряя единодушный гласъ согражданъ своихъ, возжелали предъ лицемъ свѣта ознаменовать усердіе вѣрноподданнаго Россійскаго народа ко Вселюбезнѣйшему Монарху. Воспріявъ сіе намѣреніе и принеся Господу Богу благодарственное молебствіе за дивныя успѣхи, коими увѣнчалъ Онъ славу оружія Россійскаго, Сословія Святѣйшаго Правитель-

ствующаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената составили общее Чрезвычайное Собраніе. Въ оном̀ совокупно разсуждали, какую дань всеобщей признательности повергнуть къ стопамъ Государя Императора за прославленіе отечества: ибо мужествомъ Его непоколебимою твердостію отражены необычайныя усилія врага, дерзнувшаго вступить въ предѣлы Россіи; несмѣтные полки различныхъ народовъ побѣждены, преслѣдованы, уничтожены. Европа, ожидавшая конечной гибели своей съ паденіемъ послѣдняго оплота ея независимости, съ изумленіемъ узрѣла побѣдоносныя знамена Императора Александра и Его Союзниковъ за брегами Нѣмана, Вислы, Одера, Эльбы и Рейна. Вскорѣ война пренесена въ самое сердце владычества Наполеона; вскорѣ послѣдніе замыслы его проникнуты, новые удары нанесены ему въ знаменитыхъ сраженіяхъ. Парижъ сдался побѣдителямъ; и Франція, по долговременныхъ страданіяхъ возвратя себѣ законнаго Монарха, присоединила благодарный гласъ свой къ торжественнымъ кликамъ Европы.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ, восписуя безсмертную славу пріобрѣтенную народомъ Россійскимъ непоколебимой твердости и великодушію Его Императорскаго Величества, гласомъ и примѣромъ Своими оживившаго всѣ Сословія; и движимые не раболѣпнымъ рвеніемъ, но сердечными чувствами, воспламеняющими всѣхъ истинныхъ сыновъ Отечества, единодушно постановили: 1-е) Принести Государю Императору отъ лица торжествующей Россіи всеподданнѣйшее поздравленіе и живѣйшую благодарность за всѣ великіе труды, подъятые Имъ для усугубленія славы и благоденствія Державы Его. 2-е) Приложить къ Священному имени Его титулъ Благословеннаго, тѣмъ болѣе приличной скромности и благочестивому смиренію Государя Императора, что великіе подвиги Его, очевидно ознаменованы покровительствомъ Вышняго Промысла. 3-е) Для преданія позднѣйшему потомству настоящей славы Россіи и сердечной благодарности къ Виновнику оной, выбить медаль и воздвигнуть въ Престольномъ градѣ памятникъ съ надписью: Александру Благословенному, Императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю отъ признательныя Россіи. Дабы привести въ дѣйство таковое предпосланіе, открыть путь безъ изъятія всѣмъ Сосло-

вїямъ и состоянїямъ въ Государствѣ къ добровольнымъ изъ имущества своего пожертвованїямъ, по мѣрѣ усердїя и возможности каждаго.»

Какъ результатъ этого соединеннаго засѣданїя Государю отъ имени трехъ высшихъ государственныхъ учрежденїй былъ поднесенъ слѣдующїй адресъ: «Всепресвѣтлѣйшїй, Державнѣйшїй, Великїй Государь; Императоръ Самодержецъ Всероссїйскїй! Воздавъ хвалу, честь, славу и благодареніе Всевышнему Богу, удивившему надъ Тобою милости Свои, Россїя, о Тебѣ радующаяся, славою твоею надъ всѣми Державами превознесенная, Тобою благоденствующая, обращается днесь къ Тебѣ, помазанникъ Божїй! и въ лицѣ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Сената Твоего, совокупно предъ Тобою колѣно преклоняющихъ, приноситъ общую вѣрноподданныхъ Твоихъ жертву: жертву сердецъ, восхищенныхъ великими Твоими подвигами, въ лѣтописяхъ мїра примѣра не имущими. Услыши, Всемилостивѣйшїй Государь! возваніе усердныхъ чадъ Твоихъ, и милостивно прїими возсылаемое изъ глубины душъ ихъ благодареніе. Но какъ достойно возблагодаримъ Тебѣ за ту непоколебимую твердость, съ какою положась на любовь и преданность Твоихъ подданныхъ, и тѣмъ ихъ возвелича; не усомнился Ты отвергнуть мира съ коварнымъ врагомъ, вторженїемъ въ предѣлы наши возгордившимся? Что воздадимъ Тебѣ, оградившему безопасность Отечества нашего, возстановленїемъ независимости Державъ ему сопредѣльныхъ? Какїя хвалы могутъ довлѣть Тебѣ, отомстившему за насъ дерзкому врагу, не токмо Твоимъ, въ Столицу его побѣдоноснымъ вшествїемъ; но и совершеннымъ низложеніемъ сего страшнаго угнетателя Европы, Престолы поколебавшаго и желѣзному Скипетру своему всѣ племена и Царства подвергнуть возмнившаго? Превознося Тебя яко Побѣдителя, благословляемъ мы и милосердїе Твое, ознаменованное предъ лицемъ свѣта великодушнымъ прощенїемъ побѣжденныхъ и избавленїемъ ихъ отъ тиранскаго ига. Кто изъ Владыкъ земныхъ уподобился Тебѣ, Великїй. Кто изъ нихъ, подъявъ оружїе въ оборону Отечества, пронесъ его изъ края въ край Европы, не ради прїобрѣтенїя личныя славы, но для спасенїя чуждыхъ народовъ, ярмомъ ненасытнаго властолюбїя беззащитно подавляемыхъ и для возвращенїя законныхъ имъ Владѣтелей! Кто мудростїю своею и кроткимъ среди самого

могущества убѣжденіемъ возмогъ враждебные народы обратить въ Союзниковъ себѣ, назидая тѣмъ собственное ихъ благо! Дѣла Твои, Государь, совѣчны пребудутъ имени Твоему! имени Александра Великаго, Великодушнаго Защитителя Европы; Возстановителя законныхъ Правительствъ. Вселенная величію Твоему чудящаяся, упреждая гласъ безпристрастнаго потомства, присвояетъ уже Тебѣ всѣ сіи титла. Ты же, достойный избранникъ Вышняго, восписуя всѣ великія дѣянія Твои единому всеблагому Его промыслу, жертвы хваленія не благоволишь и смиренномудріемъ Твоимъ заграждаешь уста наши. Покорствуя Тебѣ, Государь, мы не оскорбимъ громкими хвалами кротости Твоея: но всеобщія благословенія и Твоихъ и чуждыхъ народовъ, и благодать Господня Тебѣ всегда соприсущная и во всѣхъ Твоихъ предначинаніяхъ знаменующаяся, да оправдаютъ дерзновеніе преданныхъ Тебѣ чадъ Твоихъ поднести Тебѣ титло единодушно всѣми утвержденное; благости сердца Твоего, нашимъ къ Тебѣ чувствованіямъ соотвѣтствующее, и безъ стяжанія коего нѣтъ истиннаго величія—титло: Благословенный. Усердно Тебя молимъ! не отрини сего, Тебѣ отъ сыновъ Твоихъ приношенія. Но дабы чувствованія нашей признательности, симъ Тебѣ изъявляемыя, не были безмолвны предъ потомствомъ, мы возжелали увѣковѣчить ихъ видимымъ знаменіемъ, хотя мало достойнымъ Тебя, Государь безсмертный! и потому дерзаемъ умолять Тебя, Благословенный! не возбрани намъ воздвигнуть въ Престольномъ градѣ Твоемъ для грядущихъ вѣковъ памятникъ, гласящій о великихъ Твоихъ доблестяхъ: не да приложитъ оный что либо ко славѣ незабвеннаго Твоего имени; но да оправдимся мы предъ потомками нашими. Да не укорятъ насъ нѣкогда нечувствительностію къ излiянным Тобою на насъ благодѣяніямъ, и да сынамъ сыновъ нашихъ до позднѣйшихъ временъ памятникъ сей пребудетъ свидѣтельствомъ нашея къ Тебѣ любви и безпредѣльныя преданности.» Но Императоръ Александръ отклонилъ всѣ предложенія о чествованіи и отвѣтилъ слѣдующимъ указомъ: «Внимая посланному ко Мнѣ отъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената прошенію о воздвигнутіи Мнѣ въ Престольномъ градѣ памятника и принятіи проименованія Благословенный, не могъ Я во глубинѣ души Моей не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной сто-

роны дѣйствительно совершившееся надъ Нами благословеніе Божеское, съ другой чувствованія Россійскихъ Государственныхъ Сословій, подносящихъ Мнѣ имя самое для Меня лестнѣйшее: ибо всѣ старанія и помышленія души Моей стремятся къ тому, чтобъ теплыми молитвами призывать на Себя и на ввѣренный Мнѣ народъ Божеское благословеніе, и чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ Мнѣ вѣрноподданныхъ Моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ Моихъ желаній и Моего благополучія! Но при всемъ тщаніи Моемъ достигнуть до сего, не позволяю Себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что Я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю Я оное съ правилами и образомъ мыслей Моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрноподданныхъ Моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, Самъ первый покажу не соотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради изъявляя совершенную Мою признательность, убѣждаю Государственныя Сословія оставить оное безъ всякаго исполненія. Да сооружится Мнѣ памятникъ въ чувствахъ ваших, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! Да благословляетъ Меня въ сердцахъ своихъ народъ Мой, какъ Я въ сердцѣ Моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо Мною и надъ Нею благословеніе Божіе!»

Вопросъ о памятникѣ былъ также возбужденъ на очередномъ собраніи Московскаго дворянства въ іюнѣ 1814 г., которое постановило: «на выбитіе медали и сооруженіе памятника по мѣрѣ возможности и усердія каждаго дворянина собрать сумму въ теченіи четырехъ лѣтъ по равной части отъ собственности каждаго дворянина, не касаясь до налоговъ на крестьянъ своихъ, начиная съ 1815 года съ уѣздовъ: Московскаго 26995 рублей, Богородскаго 25180 рублей, Бронницкаго 31020 рублей, Звенигородскаго 18111 рублей, Подольскаго 27059 рублей, Коломенскаго 32403 рубля, Дмитровскаго 15300 рублей и Волоколамскаго 20485 рублей съ предоставленіемъ сверхъ оной и свыше кто пожелаетъ внести, а Рузское, Можайское, Клинское, Серпуховское и Верейское дворянство открыло для сего предмета добровольную подписку.»

Въ виду отказа Государя отъ памятника и медали это постановленіе Московскаго дворянства не было приведено въ исполненіе.

Двѣнадцатаго іюля 1814-го года возвратился послѣ долгаго отсутствія изъ Россіи Императоръ Александръ. Еще задолго до этого былъ поднятъ вопросъ о торжественной встрѣчѣ Государя, возвращавшагося послѣ побѣды надъ Наполеономъ; 20-го мая управляющій министерствомъ полиціи писалъ къ главнокомандующему въ Москвѣ: «что касается до изъявленнаго Московскимъ дворянствомъ и купечествомъ желанія участвовать въ принесеніи Государю Императору благодарности своей, то что хотя они и по положенію здѣшняго общаго собранія (Сената) въ томъ участвуютъ, но сверхъ того могутъ къ возвращенію Государя Императора, такъ какъ здѣсь приготовляется торжественная встрѣча, прислать сюда для поздравленія Его Величества своихъ депутатовъ, испросивъ на то предварительное дозволеніе» 25-го мая состоялось дворянское собраніе, которое избрало депутацію въ составѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и дѣйствительнаго камергера князя Николая Борисовича Юсупова, генерала-отъ-кавалеріи Степана Степановича Апраксина, генерала-отъ-инфантеріи Петра Хрисанфовича Обольянинова и оберъ-шталмейстера графа Ивана Павловича Кутайсова. Всѣ эти планы встрѣтили сопротивленіе со стороны самого Императора Александра, который далъ слѣдующій рескриптъ на имя предсѣдателя Комитета Министровъ С. К. Вязмитинова, полученный въ Петербургѣ 7-го іюля: «Дошло до Моего свѣдѣнія, что дѣлаются разныя пріуготовленія къ Моей встрѣчѣ. Ненавидя оныя всегда, почитаю ихъ еще менѣе приличными нынѣ. Единъ Всевышній причиною знаменитыхъ произшествій, довершившихъ кровопролитную брань въ Европѣ. Предъ нимъ всѣ должны мы смириться. Объявите повсюду Мою непремѣнную волю, дабы никакихъ встрѣчъ и пріемовъ для Меня не дѣлать. Пошлите повелѣнія Губернаторамъ, дабы ни одинъ не отлучался отъ своего мѣста для сего предмета. На вашу отвѣтственность возлагаю точное исполненіе сего повелѣнія». Но несмотря на это Высочайшее пове-

лѣнїе депутацїи Московскаго Дворянства удалось исполнить постановленїе Дворянскаго собранїя и она была принята Государемъ 5-го августа.

Государь, выслушавъ депутацїю, повелѣлъ ей передать Московскому дворянству Его благоволенїе и признательность «за усердїя въ теченїи войны оказанныя и за сдѣланныя пожертвованїя, прибавя къ тому, что Онъ сими средствами обязанъ, какъ и все Государство тѣмъ успѣхамъ, кои довели Россїю до верхней степени славы».

30-го августа послѣдовалъ Высочайшїй манифестъ, выдержку изъ котораго, касающуюся дворянства мы уже привели выше, который принесъ для многихъ прощенїе и избавилъ многихъ отъ денежныхъ взысканїй.

Въ декабрѣ 1816 г. состоялось очередное собранїе Московскаго дворянства, въ числѣ постановленїй котораго мы находимъ слѣдующее: «Всѣми тѣми претензїями, какїя она имѣло на казнѣ, за всѣ забранные въ 1812 г. для Россїйскихъ войскъ продукты и вещи, пожертвовать въ пользу казны безденежно», вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство принимало на себя обязательство удовлетворить «отъ своихъ достоянїй» тѣхъ изъ отсутствующихъ дворянъ, которые почему либо не присутствовали на этомъ собранїи. Эта крупная жертва Московскаго дворянства не осталась не отмѣченною Государемъ, которымъ 18-го января 1817 года дана была дворянству слѣдующая милостивая грамота: «Божїею милостїю Мы, Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссїйскїй и и проч., и проч., и проч.

Нашему благородному Дворянству Московской губернїи.

Комитетъ Министровъ по донесенїю Московскаго военнаго генералъ-губернатора Графа Тормасова, довелъ до свѣдѣнїя Нашего, что Дворянство Московской губернїи бывши всегда примѣромъ отличныхъ подвиговъ, особенно во время послѣдней Отечественной войны явило нынѣ новый опытъ усердїя на пользу Государства, пожертвовать всѣми претензїями за припасы и вещи взятыя для войскъ Нашихъ въ 1812-мъ году и принявъ на себя удовле-

Божіею Милостію

Мы

Александръ Первый

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій

и проч. и проч. и проч.

Нашему благородному дворянству Московской губерніи.

Комитетъ Министровъ по донесенію — Московскаго Военнаго Генералъ Губернатора Графа Тормасова довелъ до свѣденія Нашего, что дворянство Московской губерніи, бывшее всегда примѣромъ отличныхъ подвиговъ, особенно во время послѣдней отечественной войны, явило нынѣ новый опытъ усердія на пользу. Государства, пожертвовавъ всѣми претензіями за припасы и вещи, взятыя для войскъ Нашихъ въ 1812-мъ

году и принявъ на себя удовлетворить отсут-
ствующихъ дворянъ, кои бы на то не согласились.
Таковое пожертвованіе Московскаго Дворянства
усугубляетъ признательность Нашу къ нему.
Во изъявленіе чего жалуемъ ему сію Нашу
Императорскую Грамоту для сохраненія въ
память потомству какъ неограниченнаго
усердія дворянства, такъ и особеннаго Нашего
къ нему благоволенія.

Дана въ С. Петербургѣ. Генваря 16 дня 1817. года.

Александръ

творитъ отсутствующихъ Дворянъ, кои бы на это не согласились. Такое пожертвованїе Московскаго Дворянства усугубляетъ признательность Нашу къ нему. Во изъявленїе чего жалуемъ ему сїю Нашу Императорскую Грамоту для сохраненїя въ память потомства, какъ неограниченнаго усердїя Дворянства такъ и особеннаго Нашего къ нему благоволенїя».

Грамота эта была выслушана Московскимъ дворянствомъ 4-го февраля и тогда же было постановлено: «устроить для храненїя на вѣчныя времена сего Всемилостивѣйшаго начертанїя особый серебряный ковчегъ и положить оный на прїуготовленномъ нарочно мѣстѣ въ присутствїи Дворянскаго Депутатскаго Собранїя, какъ залогъ несчетныхъ милостей вселюбезнѣйшаго Отца Отечества».

Въ тотъ же день архїепископомъ Августиномъ были отслужены литургїя и молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ окончанїя которыхъ владыка обратился къ дворянству съ словомъ и, между прочимъ сказалъ: «Восшумѣли бури, ужасныя тучи покрыли небо Россїи, загремѣли громы браней, нечестїе злодѣйство съ мечемъ и пламенникомъ вторглось въ предѣлы благословенной земли нашей, воспылали веси и грады, полилась кровь соплеменныхъ намъ... Московское дворянство! ты первое предстало взорамъ Царя своего; ты первое вняло гласу сего ангела Спасителя; ты для спасенїя Отечества не пощадило никакихъ жертвъ; ты на Алтарь его, подобно Авелю, принесло отъ первородныхъ и отъ туковъ ихъ.

Но Богу наказующему и милующему насъ еще угодно искусить васъ мужественные сыны Россїи. Безчисленныя полчища надменнаго врага достигли и сего града Божїя. Великолѣпные домы Ваши разрушены и обращены въ пепелъ; сокровища ваши сдѣлались добычею его. Но что жъ? Черезъ лишенїе сокровищъ земныхъ и временныхъ вы сохранили сокровище небесное и вѣчное, вѣру

и добродѣтель. На развалинахъ жилищъ своихъ вы утвердили вѣрность вашу къ Царю, любовь къ Отечеству.

Благородное дворянство! ты и въ семъ искушенїи не ослабѣло; ты яко злато очищенное въ горнилѣ паче и паче возблистало; ты можешь сказать: Господи! Искусилъ мя еси и не обрѣтеся во мнѣ неправды.....

Вы съ геройскою твердостїю рекли въ сердцѣ своемъ: «Пустъ погибнетъ все богатство наше, но да спасется Отечество. Пустъ будемъ бѣдны, но черезъ то обогатимъ себя честїю и славою. Пустъ дѣти наши останутся безъ наслѣдїя, но мы оставимъ въ наслѣдїе имъ достоподражаемый примѣръ вѣрности къ Царю и любви къ Отечеству...

Вѣрностїю и усердїемъ къ Отечеству вы стяжали безсмертную славу. Наслаждайтесь убо въ роды родовъ симъ безцѣннымъ стяжанїемъ. Оно превосходитъ всѣ сокровища мїра».

Кромѣ знаковъ своего благоволенїя къ дворянству за жертвы принесенныя имъ въ Отечественную войну Императоръ Александръ еще въ манифестѣ отъ 30-го августа 1814 года, обращаясь къ дворянству говоритъ: «Да украсится бронзовою на Владимїрской лентѣ медалью съ тѣмъ самымъ изображенїемъ, каковое находится на медали учрежденной на 1812 годъ. Сїю бронзовую, крѣпости духа и сообразную медаль, да возложатъ на себѣ отцы или старѣйшины семействъ, въ которыхъ, по смерти носившихъ оную, остается она въ сохраненїи у потомковъ ихъ, яко знакъ оказанныхъ въ семъ году предками ихъ незабвенныхъ заслугъ Отечеству»*).

Медаль эта съ надписью: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему» является еще лишнимъ доказательствомъ признанїя

*) Согласно Высочайшаго повелѣнїя было разрѣшено «старѣйтимъ въ дворянскомъ родѣ женскаго пола имѣющимъ и не имѣющимъ дѣтей, кто желаетъ носить обыкновеннымъ образомъ бронзовыя медали въ память 1812 года.»

съ высоты престола заслугъ дворянства передъ родиной. Тѣмъ же манифестомъ былъ учрежденъ особый наперстный крестъ для духовенства, «призывавшаго предъ Олтаремъ Всевышняго теплыми молитвами своими благословенїе Божїе на Всероссїйское оружїе и воинство и примѣрами благочестїя ободрявшее народъ къ единодушїю и твердости», та же медаль, только на Анненской лентѣ, была пожалована именитому купечеству, тѣмъ изъ нихъ которые «принесли отличныя и важныя заслуги».

Въ августѣ Москва вновь торжественно принимала у себя Императора Александра; теперь, какъ и въ їюлѣ 1812-го года Императоръ былъ встрѣченъ въ Успенскомъ соборѣ тѣмъ же архїепископомъ Августиномъ, который обратился къ Государю со словами: «Тебѣ, побѣдителю нечестїя и неправды, вопїемъ: осанна въ Вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»

16-го августа Государю представлялось Московское Дворянство, къ которому Государь обратился со слѣдующею рѣчью: «Радуюсь, господа, что мы опять въ Москвѣ свидѣлись послѣ тяжкихъ временъ и великихъ трудовъ нашихъ. Мнѣ пріятно теперь изъявить мое сердечное чувство какъ московскому, такъ и вообще россїйскому дворянству, которое оказало столь много храбрости и характера. Конечно, мы прославились предъ всѣми народами. Съ Россїею вмѣстѣ мы спасли и Европу. Впрочемъ, мы не должны это присвоивать себѣ. Все совершилось отъ Бога. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славою. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но не могла сравниться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостїю, которую я видѣлъ въ васъ. Воздаю вамъ за все то моею признательностїю. Однакожъ, должно замѣтить для васъ, что мы не можемъ утверждаться на семъ возвышенїи безъ исполненїя закона Божїя. Мы имѣемъ Его приказанїя намъ въ Новомъ Завѣтѣ. Я много обозрѣлъ государствъ и разныхъ народовъ—и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что такое народъ, исполненный вѣры и каковъ тотъ, который безъ закона. Вы знаете, какїя . . . тамъ . . слѣдствїя отъ того про-

изошли. Я увѣренъ, что и вы также объ этомъ думаете. Пріятно мнѣ еще повторить дворянству мою признательность . . . Господь да продолжитъ на многія лѣта благоденствіе ввѣреннаго мнѣ россійскаго народа.»

Тогда же, 30-го августа, во время своего пребыванія въ Москвѣ, Императоръ Александръ далъ городу Москвѣ жалованную грамоту: «Въ достопамятный навсегда 1812 годъ, когда настояла надобность спасти Отечество отъ сильнаго и многочисленнаго врага, Мы, во изъявленіе уваженія Нашего къ сей Первопрестольной, древней Россійской Столицѣ, обратились воззваніемъ Нашимъ наперво къ ней, и не умедлили Сами предстать посреди оной. Усердіе и ревность ея соотвѣтствовали Нашему ожиданію. Мы видѣли нещадящую никакихъ пожертвованій, горячую любовь ея къ Намъ и Отечеству. Претерпѣнное потомъ ею отъ руки злодѣйства крайнее бѣдствіе и разореніе уязвило сердце Наше глубокою печалію. Но управляющій судьбами народовъ, Всемогущій Богъ, избралъ ее: да страданіемъ своимъ избавитъ она не токмо Россію, но и всю Европу. Пожаръ ея былъ заревомъ свободы всѣхъ Царствъ земныхъ. Изъ поруганія Святыхъ храмовъ ея возникло торжество Вѣры. Подорванный злобою Кремль, обрушась, раздавилъ главу злобы. Тако Москва и подвигами и вѣрностію и терпѣніемъ своимъ показала примѣръ мужества и величія. Имѣя все сіе запечатлѣннымъ въ умѣ и сердцѣ Нашемъ, Мы съ отеческою къ ней любовію, даже и во время самой войны, не переставали пещися о всевозможномъ вспоможеніи разореннымъ ея жителямъ, и во всѣхъ повелѣніяхъ Нашихъ Главнокомандующему надъ Москвою о томъ подтверждали. Нынѣ же, по окончаніи толь многотрудной войны, по приведеніи въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ Европейскихъ, и по нѣкоторомъ необходимо нужномъ пребываніи Нашемъ въ С.-Петербургѣ, восхотѣли Мы, какъ скоро могли посѣтить сію достопочтенную дѣлами и древностію Столицу Нашу, дабы лично обозрѣть ея состояніе и нужды, а притомъ ознаменовать предъ цѣлымъ свѣтомъ незабвенныя заслуги ея, Божескимъ благословеніемъ осѣняемыя, чужеземными Державами

уважаемыя и толико достойныя любви и благодарности отъ Насъ и всего Отечества.»

Такъ милостиво отмѣнилъ Государь все то, что претерпѣла Москва за время Отечественной войны, но еще ранѣе того, въ рескриптахъ данныхъ въ 1812 г. на имя графа Ростопчина, Государь отмѣтилъ заслуги Москвы. Въ рескриптѣ отъ 11-го ноября Государь говоритъ: «Обращая печальный взоръ Нашъ на пострадавшую отъ руки злобнаго непріятеля Москву съ крайнимъ сожалѣніемъ помышляемъ Мы объ участи многихъ потерпѣвшихъ и разоренныхъ жителей ея. Богу такъ угодно было! Не исповѣдимы судьбы Его. Часто въ буряхъ посылаетъ онъ намъ спасеніе, и во гнѣвѣ являетъ милость свою. Сколько ни болѣзненно Русскому сердцу видѣть древнюю Столицу Нашу большею частію превращенную въ пепелъ, сколь ни тяжко взирать на опаленные и поруганные храмы Божіе; но не возгордится врагъ нашъ сими своими злодѣйствіями: пожаръ Москвы потушенъ кровію его. Подъ пепломъ ея лежатъ погребены гордость его и сила. Изъ оскорбленныхъ нечестивою рукою его храмовъ Божіихъ изникла грозная и праведная месть. Уже руки, наносившія зло Россіи, связаны; уже обращенный въ бѣгство непріятель, предавъ на посѣченіе тылъ свой, льетъ кровавые токи по слѣдамъ своимъ. Гладъ и смерть текутъ за нимъ.

Быстрота стопъ не помогаетъ ему. Долгота пути приводитъ его въ отчаяніе.

Россія видитъ сіе, и вскорѣ съ радостію увидитъ вся Европа. И такъ хотя великолѣпную Столицу Нашу пожралъ не сытый огонь, но огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость враговъ и нашу славу. Въ немъ сгорѣло чудовищное намѣреніе всесвѣтнаго обладанія, приключившее толико бѣдствій всему роду человѣческому, и приготовлявшее столько же золъ предбудущимъ родамъ. Россія вредомъ своимъ купила свое спокойствіе и славу быть спасительницею Европы. Толь знаменитый храбраго народа подвигъ исцѣлитъ и не дастъ ей ранъ своихъ чувствовать.» Въ другомъ рескриптѣ отъ 14-го ноября между прочимъ говорится: «Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодаленіемъ противупоставленной ему обороны вошелъ въ

нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для воина зажиганій, грабительствъ и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однако же онъ престанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для униженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли Мы Генералъ-Фельдмаршалу Князю Кутузову всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ Артиллерію препровождать въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ дерзнувшихъ вступить въ Россію непріятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ отнятыхъ у орудій воздвигнуть быть увѣнчанный лаврами столпъ. Да свидѣтельствуетъ сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ.»

Такъ отмѣтилъ Государь жертвы своей первопрестольной многострадальной Москвы, правда пострадали и другія мѣстности и другіе города были въ рукахъ французовъ, но ни одинъ изъ нихъ не пострадалъ такъ какъ пострадала Москва, нигдѣ не погибло столько драгоцѣнностей, какъ въ Москвѣ, ни одинъ городъ не подвергся такимъ ужасамъ, какіе пережила Москва, нигдѣ такъ не оскверняли народныя святыни какъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ Москвою пострадало и Московское дворянство и теперь, когда прошло цѣлое столѣтіе послѣ всѣхъ ужасовъ Отечественной войны, оно съ гордостью можетъ оглянуться на свое прошлое и громко и смѣло повторить слова начертанныя на медали, учрежденной въ память 1812-го года:

«Не намъ, не намъ, а Имени Твоему».

Л. М. Савеловъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

примѣчанія:

I. Прекрасно видно настроеніе Государя изъ письма Императрицы Елизаветы Алексѣевны къ ея матери отъ 26 августа. „Plus Napoléon s'avancera, moins il doit croire une paix possible. C'est le sentiment unanime de l'Empereur et de toute la Nation dans toutes ses classes, et, grâces au Ciel, il existe la plus parfaite harmonie à cet egart. C'est sur quoi Napoléon ne comptait pas; il s'est trompé en ceci comme en bien des choses. Chaque pas qu'il fait dans cette immense Russie l'approche davantage de l'abîme". (В. К. Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна. Т. II. 448), несомнѣнно это письмо было отзвукомъ тѣхъ настроеній, которыя господствовали въ средѣ, окружавшей Императора Александра, вдохновителемъ которой онъ и былъ, конечно.

II. «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая кончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный миръ съ Франціею и войну съ Англіею. Нынѣ она нарушаетъ клятвы свои и не хочетъ дать никакого объясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы французскіе не возвратятся на Рейнъ, предавъ во власть ея союзниковъ нашихъ.

Россія увлечена рокомъ! Судьба ея должна исполнится. Не считаетъ ли она насъ измѣнившимися? Развѣ мы уже не воины Аустерлицкіе? Россія ставитъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы. Вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы».

III. «Изъ давняго времени примѣчали Мы непріязненные противъ Россіи поступки Французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчится и собрать войски Наши; но и тогда лаская еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго Нами спокойствія. Французскій Императоръ нападеніемъ на войски Наши при Ковнѣ открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими средствами непре-

клонилъ къ миру, не останется Намъ ничего иного, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противу непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ».

IV. Въ положеніи о Московской военной силѣ объ обмундированіи ополченія сказано: «Штабъ и Оберъ Офицеры имѣютъ мундиры общіе, армейскіе. Тѣ же, кои имѣютъ мундиры при отставкѣ, могутъ носить и оные. Конные и пѣшіе казаки и егери одѣваются въ Русскіе сѣрые кафтаны изъ крестьянскаго сукна. Изъ такового же сукна имѣютъ длинные шаровары. Рубашки Русскія съ косымъ воротомъ, платокъ на шеѣ. Фуражку на головѣ суконную и сапоги хорошіе Русскіе смазные отъ сырости, надѣвая сверхъ шараваровъ. Кафтаны должны быть такой ширины, дабы подъ оную могъ надѣвать каждый человѣкъ овчинный полушубокъ. Сапоги должны быть такъ просторны, чтобы каждый человѣкъ въ зимнее время могъ обертывать ноги въ суконныя онучи.

Длина кафтана по колѣно. Кушакъ имѣть, какой кто можетъ. Фуражка должна быть такъ, чтобы оную могъ каждый во время холода подвязывать сверхъ ушей подъ бородою. Форма представляется по полкамъ на полковыхъ Начальниковъ; но на каждой изъ оныхъ имѣть выбитый изъ мѣдной латуни крестъ и внизу онаго вензелевое Его Императорскаго Величества Имя во знаменіе: за Вѣру и Царя.

Каждый пѣшій человѣкъ долженъ имѣть ранецъ кожанный или телячій. Конные же казаки имѣютъ, вмѣсто ранцовъ чемоданы и мѣшки для овса. Къ ранцамъ въ полкахъ Полковые Начальники придѣлываютъ ремни для носки оныхъ, какъ въ регулярныхъ войскахъ. Каждому человѣку имѣть въ ранцѣ одну рубашку и двои холстинные порты, дабы онъ внѣ службы могъ ходить и безъ шараваровъ, рукавицы съ теплыми варижками, двои портянки, а третьи на ногахъ, суконныя онучи и запасные сапоги. Сверхъ онаго должно оставаться въ ранцѣ столько мѣста, дабы онъ могъ имѣть сухарей на трои сутки, подобно ему, у конныхъ казаковъ имѣть вещи въ чемоданахъ. Полушубки овчинные носить скатанные сверху ранца, на подобіе, какъ прежде носили шинели».

V. Одновременно со всѣми правительственными учрежденіями былъ увезенъ изъ Москвы и архивъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія; съ начала его вывезли во Владиміръ, а затѣмъ въ Нижній Новгородъ и Балахну, всего вывезено было 16 тюковъ, вернулось же обратно въ Москву только 12, что видно изъ рапорта тогдашняго архиваріуса Вепрева.

Вывезены были только важнѣйшія дѣла, а все остальное было оставлено и погибло во время пребыванія въ Москвѣ французовъ, т. к. Дворянскій домъ какъ извѣстно сгорѣлъ. Но и то, что уцѣлѣло даетъ матеріалъ о дѣятельности московскаго дворянства въ знаменательную эпоху Отечественной войны и нельзя не помянуть добрымъ словомъ архиварјуса Вепрева за спасеніе цѣнныхъ матеріаловъ.

Пользуемся случаемъ, чтобы принести нашу искреннюю благодарность архиваріусу Леониду Гавриловичу Кронекъ, значительно облегчившему нашу задачу по составленію настоящаго очерка. Г. Кронекъ произвелъ всю подготовительную работу по разборкѣ Дворянскаго архива и выборкѣ изъ него дѣлъ, касающихся Отечественной войны, которыя были разбросаны по разнымъ отдѣламъ и что очень затруднило бы пользованіе этимъ матеріаломъ, онъ же классифицировалъ документы по внутреннему ихъ содержанію, что опять таки не мало облегчило возможность пользоваться ими.

VI. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій описалъ свое участіе въ ополченіи и въ Бородинскомъ сраженіи, какъ въ своихъ воспоминаніяхъ, такъ и въ стихотвореніи «Поминки по Бородинской битвѣ», то и другое близко касается Московскаго ополченія, въ нихъ упоминается цѣлый рядъ Московскихъ дворянъ, почему мы сочли не лишнимъ провести здѣсь и то и другое (Русск. Арх. 1869. I): «Теперь спускаясь съ общихъ соображеній о событіяхъ, смиренно обращаюсь къ самому себѣ. Постараюсь припомнить частные случаи и личныя впечатлѣнія, собственно до меня касающіяся. Гр. Канкринъ говорилъ мнѣ однажды, что въ обществѣ гражданскомъ и въ совокупности государственнаго устройства всѣ люди песчинки, изъ коихъ образуется и возвышается гора: разница только въ томъ, что одна песчинка выше, другая ниже. Вотъ и я, незамѣтная и очень нижняя песчинка, заявляю существованіе свое въ эпохѣ 1812-го года. Въ самый день состоявшагося собранія, и когда положено было образовать народное ополченіе, Гр. Мамоновъ подалъ чрезъ Гр. Растопчина Государю письмо, въ которомъ онъ всеподданѣйше предлагалъ вносить, во все продолженіе войны, на военныя издержки весь свой доходъ, оставляя себѣ 10,000 руб. ежегодно на прожитіе. Мамоновъ былъ богатый помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Государь, приказавъ поблагодарить Графа за усердіе его и значительное пожертвованіе, призналъ полезнѣе предложить ему составить конный полкъ. Такъ и было сдѣлано. Дѣло закипѣло. Вызвалъ онъ изъ деревень своихъ нѣсколько сотъ крестьянъ, началъ вербовать за деньги охотниковъ, всѣхъ ихъ обмундировалъ, посадилъ на коней, вооружилъ: исправно и скоро полкъ началъ приходить въ надлежащее устройство. Были и другія отъ частныхъ лицъ предложенія и попытки ставить полки на собственныя издержки; но, кажется, одинъ полкъ Мамонова окончательно достигъ предназначенной цѣли. Мамоновъ, хотя и въ молодыхъ лѣтахъ, былъ тогда Оберъ-Прокуроромъ въ одномъ изъ Московскихъ Департаментовъ Сената. Военное дѣло было ему совершенно неизвѣстно. Онъ надѣлъ генеральскій мундиръ, но чувствуя, что одного мундира недовольно для устройства дѣла, предложилъ мѣсто Полковаго Командира Князю Четвертинскому—тогда въ отставкѣ, но извѣстному блестящему кавалерійскому офицеру въ прежнихъ войнахъ. За нимъ послѣдовали многіе молодые люди, въ томъ числѣ и я. Я уже однажды говорилъ, что никогда не готовился къ военной службѣ. Ни здоровье мое, ни воспитаніе, ни наклонности мои не располагали меня къ этому званію. Я былъ посредственнымъ ѣздокомъ на лошади, никогда не бралъ въ руки огнестрѣльнаго оружія. Въ пансіонѣ учился я фехтованію, но послѣ того раззнако-

мился и съ рапирою. Однимъ словомъ, ничего не было во мнѣ воинственнаго. Смолоду былъ я довольно старообразенъ, и казацкій мундиръ и военная выправка были, вѣроятно, очень мнѣ не къ лицу. Когда Гр. Левъ Кириловичъ Разумовскій, пріятель моего отца, и послѣ всегда оказывавшій мнѣ дружеское расположеніе, въ первый разъ встрѣтилъ меня въ моемъ новомъ нарядѣ, онъ говорилъ, что я напоминаю ему старыхъ казаковъ, которыхъ онъ у Гетмана, отца своего, видѣлъ въ Батуринѣ. Къ тому-же, я только-что предъ тѣмъ женился и только-что начиналъ оправляться отъ болѣзни въ легкихъ, которая угрожала мнѣ чахоткою. Но все это было отложено въ сторону предъ общимъ движеніемъ и важностью обстоятельствъ. Полкъ нашъ, или зародыши нашего полка стояли тогда около Петровскаго Дворца. Тогда былъ наряженъ и я на дежурства, дѣлалъ смотры, переклички и самъ себѣ не вѣрилъ, глядя на себя.

Между тѣмъ Милорадовичъ былъ проѣздомъ въ Москвѣ и обѣдалъ у пріятеля своего и моего свояка Князя Четвертинскаго. Я тоже былъ на этомъ обѣдѣ. Милорадовичъ предложилъ мнѣ принять меня къ себѣ въ должности адъютанта. Разумѣется, съ охотою и признательностью принялъ я это предложеніе. Онъ тогда долженъ еще былъ ѣхать въ Калугу для устройства войскъ, но вскорѣ затѣмъ, пріѣхавъ въ дѣйствующую армію, вызвалъ меня изъ Москвы. Первыя мои военныя впечатлѣнія встрѣтили меня въ Можайскѣ. Тамъ былъ я свидѣтелемъ зрѣлища печальнаго и совершенно для меня новаго. Я засталъ тутъ многихъ изъ своихъ знакомыхъ по Московскимъ баламъ и собраніямъ, и всѣ они, болѣе или менѣе, были изувѣчены послѣ битвы, предшествовавшей Бородинской,—24 августа. Между прочимъ былъ Гр. Андрей Ивановичъ Гудовичъ, коего полкъ въ этотъ день мужественно и блистательно дрался и крѣпко пострадалъ.

По пріѣздѣ своемъ на мѣсто, гдѣ расположена была армія, долго искалъ я Милорадовича. Въ этомъ исканіи, проходилъ я мимо избы, которая, кажется, была занята Кутузовымъ. Много военныхъ и много движенія было около нея. Я разслышалъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ давали кому-то разныя порученія, вѣроятно, для закупки у маркитанта. Когда я поровнялся съ ними, одинъ изъ нихъ громко сказалъ: «да не забудь принести вяземскихъ пряниковъ!» На мое-ли имя отпущено было это порученіе, можетъ-быть, шуткою къмъ-нибудь изъ знавшихъ меня, или было оно сказано случайно—не знаю. Но помню еще и теперь, что это меня—новичка въ военномъ званіи—нѣсколько смутило и озадачило. Благоразуміе однако взяло верхъ, и, не доискиваясь прямого объясненія этихъ словъ, пошелъ я далѣе. Наконецъ нашелъ я Милорадовича и засталъ его на бивуакѣ, предъ разведеннымъ огнемъ. Принялъ онъ меня очень благосклонно и ласково: много распрашивалъ о Москвѣ, о нравственномъ и духовномъ расположеніи ея жителей и о Гр. Ростопчинѣ, который, хотя и заочно, распоряженіями своими и воинственнымъ перомъ, воюющимъ противъ Наполеона, такъ сказать, принадлежалъ дѣйствующей арміи. Поздравивъ меня съ пріѣздомъ совершенно кстати, потому что битва на другой день была почти несомнѣнна, онъ отпустилъ меня и предложилъ мнѣ для отдыха переночевать въ его избѣ, ему

ненужной, потому что онъ всю ночь намѣревался оставаться въ своей палаткѣ. На другое утро, съ разсвѣтомъ, разбудила меня вѣстовая пушка, или говоря правдивѣе, разбудила она не меня, заснувшаго богатырскимъ сномъ, а вѣрнаго камердинера моего, болѣе меня чуткаго. На-скоро одѣлся я и пошелъ къ Милорадовичу. Всѣ были уже на коняхъ. Но, на бѣду мою, верховая лошадь моя, которую отправилъ я изъ Москвы, не дошла еще до меня. Всѣ отправились къ назначеннымъ мѣстамъ. Я остался одинъ. Минута была ужасная. Меня обдало холодомъ и унынiемъ. Мнѣ живо представились вся несообразность, вся комическо-трагическая неловкость моего положенiя. Пріѣхать въ армiю, какъ—нарочно, ко дню сраженiя, и въ немъ не участвовать! Мысль объ ожидавшихъ меня насмѣшкахъ, подозрѣнiяхъ, толкахъ меня преслѣдовала и удручала. Невольно говорилъ я себѣ: «къ-чему было выскочкой изъ ополченiя кидаться въ воинственные, дѣйствующiе ряды»? Мнѣ тогда казалось, что если до конца сраженiя не добуду себѣ лошади, то непремѣнно застрѣлюсь. Не знаю, исполнилъ-ли-бы я свое намѣренiе, но, по крайней мѣрѣ, на ту пору крѣпко засѣло оно у меня въ головѣ. По счастью, незнакомый мнѣ адъютантъ Милорадовича, Юнкеръ, случайно подъѣхалъ и, видя мое отчаянiе, предложилъ мнѣ свою запасную лошадь. Обрадовавшись и какъ-будто спасенный отъ смерти, выѣхалъ я въ поле и присоединился къ свитѣ Милорадовича. Я такъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ военномъ и такой мирный московскiй баричъ, что свистъ первой пули, пролетѣвшей надо мной, принялъ я за свистъ хлыстика. Обернулся назадъ и, видя, что никто за мной не ѣдетъ, догадался я объ истинномъ значенiи этого свиста.

Вскорѣ потомъ ядро упало къ ногамъ лошади Милорадовича. Онъ сказалъ: «Богъ мой! видите, непрiятель отдаетъ намъ честь». Но, для сохраненiя исторической истины, долженъ я признаться, что это было сказано на французскомъ языкѣ, на которомъ говорилъ онъ охотно, хотя часто весьма забавно — неправильно.

На полѣ сраженiя встрѣчался я также со многими городскими знакомыми и, между прочими, съ генераломъ Капцевичемъ, который такъ-же, какъ Милорадовичъ, враждебно, но охотно, обращался съ французскимъ языкомъ. Помню, что онъ привѣтствовалъ меня смѣшною французскою фразою, отъ которой я невольно и внутренно улыбнулся.

Хотя здѣсь и не у мѣста, но не могу не замѣтить нашимъ непреклоннымъ языколюбцамъ, что привычка говорить пофранцузски не мѣшала генераламъ нашимъ драться совершенно порусски. Не думаю, чтобы они были храбрѣе, болѣе любили Россiю, вѣрнѣе и пламеннѣе ей служили, если бъ не причастны были этой маленькой слабости.

Странны были мнѣ эти встрѣчи на полѣ сраженiя. Впрочемъ, всѣ эти господа были, болѣе или менѣе, какъ у себя, или въ знакомомъ домѣ. Я одинъ былъ тутъ новичкомъ и неловкимъ провинцiаломъ въ блестящемъ и многолюдномъ столичномъ обществѣ. Къ сожалѣнiю, не встрѣтился я на полѣ сраженiя съ Жуковскимъ, который такъ-же, какъ и я, былъ на скорую руку посвященъ въ воины. Онъ съ Московскою дружиною стоялъ въ резервѣ, нѣсколько поодаль.

Но былъ и онъ подъ ядрами, потому-что Бородинскія ядра всюду долетали. Кажется, вскорѣ послѣ сдачи Москвы онъ причисленъ былъ къ Штабу Кутузова, по приглашенію пріятеля своего, дежурнаго генерала Кайсарова. Едва даже не написано было имъ нѣсколько приказовъ и реляцій. Въ Вильнѣ схватилъ онъ тифозную горячку и долго пролежалъ въ больницѣ. Но лучшимъ и незабвеннымъ участіемъ его къ Отечественной войнѣ остался «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ».

Мой казацкій мундиръ Мамоновскаго полка, впрочемъ, не совсѣмъ казацкій, былъ неизвѣстенъ въ арміи. Онъ состоялъ изъ синяго чекменя съ голубыми обшлагами. На головѣ былъ большой киверъ съ высокимъ султаномъ, обтянутый медвѣжимъ мѣхомъ. Не умѣю сказать, на какой, но были мы съ Милорадовичемъ на батареѣ, дѣйствовавшей въ полномъ разгарѣ. Тутъ подъѣхалъ ко мнѣ незнакомый офицеръ и сказалъ, что киверъ мой можетъ сыграть надо мной плохую штуку. «Сейчасъ», продолжалъ онъ: «остановилъ я летѣвшаго на Васъ казака, который говорилъ мнѣ: «посмотрите, Ваше Благородіе, куда врѣзался проклятый французъ»! Поблагодарилъ я незнакомца за доброе предостереженіе, но сказалъ, что нельзя-же мнѣ бросить киверъ и разъѣзжать съ обнаженной головой. Тутъ вмѣшался въ нашъ разговоръ молодой Петръ Петровичъ Валуевъ, блестящій кавалергадскій офицеръ, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, любезно предложилъ мнѣ фуражку, которая была у него въ запасѣ. Киверъ мой былъ сброшенъ и остался на полѣ сраженія. Можетъ-быть, послѣ попалъ онъ въ число принадлежностей убитыхъ и въ общій ихъ итогъ внесъ свою единицу. Но бѣдный Валуевъ вскорѣ потомъ былъ въ самомъ дѣлѣ убитъ. Видно, въ Бородинскомъ дѣлѣ суждено мнѣ быть принятымъ за француза. Во время сраженія, разнесся слухъ у насъ что взятъ былъ въ плѣнъ Мюратъ; но послѣ оказалось, что принятъ былъ за него генералъ Бонами. Не помню, съ кѣмъ ѣхалъ я рядомъ: мой спутникъ спросилъ ѣхавшаго къ намъ навстрѣчу офицера, знаетъ-ли онъ, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ?—Знаю»,—отвѣчалъ тотъ.

«А это кого ты ведешь?» спросилъ онъ про меня.

Данная мнѣ адъютантомъ Юнкеромъ лошадь была пулею прострѣлена въ ногу и такъ захромала, что не могла уже мнѣ служить. И вотъ я опять сталъ въ тупикъ, по образу пѣшаго хожденія. А за Милорадовичемъ, на полѣ сраженія, пѣшкомъ угнаться было невозможно: онъ такъ и леталъ во всѣ стороны. Когда ранили лошадь подо мною, неизъяснимое чувство то радости, то самодовольствія пробудилось во мнѣ и меня воодушевило. Мнѣ въ эту минуту сдалось, что я недаромъ облачился въ казачій чекмень. Я понялъ значеніе французскаго выраженія: «Le baptême de feu». Хотя собственно былъ раненъ не я, а только неповинная моя лошадь; но все-же былъ я въ опасности и также могъ быть раненъ. Я даже жалѣлъ, что эта пуля не попала мнѣ въ руку, или ногу, хотя каюсь и не желалъ бы глубокой раны, а только, чтобъ закалилась на мнѣ память о Бородинской битвѣ. Когда былъ я въ недоумѣніи, что дѣлать, опять явился ко мнѣ добрый человѣкъ и выручилъ меня изъ бѣды. Адъютантъ Милорадовича, Д. Г. Бибиковъ, сжалился надо мной и далъ мнѣ свою запасную лошадь. Но и

ему за оказанное одолженіе не посчастливилось: вскорѣ затѣмъ ядромъ оторвало у него руку. Спустя немного времени послѣ сдѣланной ему операціи видѣлъ я его: онъ былъ спокоенъ духомъ и даже шутилъ.

Милорадовичъ велъ въ дѣло девизію Алексѣя Николаевича Бахметева, находившуюся подъ его командою. Подъ Бахметевымъ была убита лошадь. Онъ сѣлъ на другую. Спустя нѣсколько времени, ядро раздробило ногу ему. Мы остановились. Ядро, упавъ на землю, зашипѣло, завертѣлось и разорвало мою лошадь Я остался при Бахметевѣ. Съ трудомъ уложили мы его на мой плащъ и съ нѣсколькими рядовыми понесли его подалѣе отъ огня. Но и тутъ, путемъ, сопровождали насъ ядра, которыя падали направо и налѣво, предъ нами и позади насъ. Жестоко страдая отъ раны, генералъ изъявлялъ желаніе, чтобы мѣткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до мѣста перевязки. Это тотъ самый Бахметевъ, при которомъ позднѣе Батюшковъ находился адъютантомъ. Но, кажется, Бахметевъ, лишившись ноги, уже не возвращался въ армію: онъ изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ лежалъ больной, и гдѣ также находился Батюшковъ, отправилъ его къ генералу Раевскому, при которомъ Батюшковъ былъ въ походѣ до самаго Парижа.

Не помню, по какому случаю, уже позднимъ вечеромъ, попалъ я въ избу, гдѣ лежалъ тяжело-раненый Князь Багратіонъ. Шуринъ мой, кн. Ѳ. Гагаринъ, былъ при немъ адъютантомъ. Онъ меня, голоднаго и усталаго, накормилъ, напоилъ и уложилъ спать. Не только мое частное, неопытное впечатлѣніе, но и общее между военными, тутъ находившимися мнѣніе было, что Бородинское дѣло нами не проиграно. Всѣ еще были въ такомъ восторженномъ настроеніи духа, всѣ были такими живыми свидѣтелями отчаянной храбрости нашихъ войскъ, что мысль о неудачѣ, или даже полуудачѣ не могла никому приходить въ голову. Къ утру эта пріятная самоувѣренность нѣсколько ослабѣла и остыла. Мы узнали, что дано было приказаніе къ отступленію. Помню, какая была тутъ давка; кажется, даже и не обошлось безъ нѣкотораго безпорядка. Артилерія, пѣхота, кавалерія, обозы—все это стѣснилось на узкой дорогѣ. Начальники кричали и распоряжались; кажется, дѣйствовали нагайки. Между рядовыми и офицерами отступленіе никому не было по вкусу.

Когда мы пришли въ Можайскъ, городъ казался уже опустѣвшимъ. Нѣкоторые дома были раззорены, выбиты и вынесены были окна и двери».

поминки по бородинской битвѣ.

I.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.
Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой:
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.
Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ, къ ногамъ коня,

И сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.
«Богъ мой»! Онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:
«Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать».

II.

И Кутузовъ предо мной,
Вспомню ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.
Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.
Старца бодрый видъ воинственъ.
Онъ средь полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.
На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось—
Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ.
Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.
И его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.
Отъ вождя къ вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но иного безвозвратно
Смерть хватаетъ на лету!
Противъ насъ дружины—ужасъ
Завоеванныхъ земель,
Записавшія побѣду
Съ давнихъ лѣтъ въ свою артель;
Славой блещущія лица,
И—въ главѣ ихъ—вождь побѣдъ,
Горднымъ солнцемъ Аустерлица
Загорѣвшее лицо.
Но блѣднѣетъ это солнце
И течетъ на западъ свой:
А взойдетъ другое солнце
Надъ пылающей Москвой.
И впервыя въ грудь счастливца
Недовѣрья хладъ проникъ:
Такъ съ учителемъ заспорилъ
Сѣдовласый ученикъ.
Къ острову святой Елены
Здѣсь проложенъ первый шагъ,
И Кремля святыя стѣны
Въ казнь себѣ усвоитъ врагъ.
„День насталъ! Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.
И, на пиръ веселый словно,
Каждый радостно летитъ:
Будь у каждаго три жизни,
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.
Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный
Разразившись поднялъ вой;
Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ:
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.
Но пылаютъ мщенья гнѣвомъ,
Снова свѣжіе ряды.
Свѣжей кровью и посѣвомъ
Смерть плодитъ свои бразды.
Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь вломились обѣ,
Чтобъ противника попрать.
Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ:
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.
Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она:
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.
Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься битвой исполинской,
Славься ввѣкъ, Бородино!

III.

Головешкой въ этомъ адѣ
Кто бы могъ признать меня?
Я-ль въ воинственномъ нарядѣ,
Всадникъ борзаго коня?
Полно, я ли? Вотъ задача!
На себя гляжу ль во снѣ?
Мой двойникъ, меня дурача,
Не мерещится ли мнѣ?
Нѣтъ, нагрянула невзгода,
И я—баричъ и Москвичъ—
Я услышалъ гласъ народа,
Божій гласъ и Царскій кличъ,
Полно шляндрать по бульвару
И по Прѣсненскимъ прудамъ,
И—Макарову подъ пару—
Быть поэтомъ милыхъ дамъ.
Рифмы прочь, и перья въ папку,
И долой мой модный фракъ:
Я надѣлъ медвѣжью шапку,
Я—Мамоновскій казакъ;
Я съ приволья прямо въ сѣчу,
Съ лона нѣги молодой
Прямо ядрамъ я навстрѣчу,
Прямо въ Бородинскій бой!
Но мундиръ мой небывалый,
Но медвѣжій мой нарядъ—
Хоть красивый, хоть удалый,—
Чуть не вышли мнѣ въ накладъ.
Князь Московскій смотритъ Принцемъ,
И донецъ на всемъ скаку
Мчится съ роковымъ гостинцемъ
Къ самозванцу-казаку.
Но вступилось Провидѣнье,
И тутъ кто-то, въ добрый часъ
Объяснилъ недоумѣнье
И меня отъ смерти спасъ.
Чтобъ избѣгнуть доли тяжкой,
Киверъ я съ себя сорвалъ:
Тутъ же форменной фуражкой
Жизнь свою застраховалъ.
Мнѣ фуражку далъ Валуевъ.
Гдѣ-жъ красавецъ боевой?
Женскихъ клятвъ и поцѣлуевъ,
Женскихъ слезъ кумиръ младой?
Гдѣ жъ онъ—веселой рѣчью,
Радость дружескихъ пировъ,
Витязь смѣлый подъ картечью
Всѣхъ красавицъ, всѣхъ враговъ?
Новобранца наградилъ онъ
Талисманомъ въ день борьбы,
Но себя не оградилъ онъ
Отъ нависшейся судьбы.
Между ядеръ пролетѣло
Развѣ нѣсколько минутъ,
Въ немъ ужъ сердце онѣмѣло,
И огонь его задутъ.
Окровленный онъ сброшенъ
Съ опустѣвшаго сѣдла;
Лавръ и миртъ внезапно скошенъ,
Жизнь внезапно отцвѣла.
Ужъ давно молва забыла,
Что онъ жилъ, что былъ убитъ:
Безымянная могила
Неизвѣстный прахъ таитъ.
Кто отыщетъ въ полѣ битвы,
Смертью вспаханномъ кругомъ,
Мѣсто, гдѣ слезу молитвы
И любви пролить о немъ?
Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старыя дѣла.
Но твой образъ, витязь юный,
Возстаетъ передо мной,
И созвучьемъ сердца струны
Откликаются съ тобой.
Въ темномъ царствѣ смерти злобной
Тѣнь твою я отыскалъ:
Будь мой стихъ тебѣ надгробный,
Гдѣ бы прахъ твой ни лежалъ!

IV.

И тебя-ль сердечнымъ словомъ
Вѣрный стихъ мой обойдетъ?
Ты мнѣ тоже былъ покровомъ,
Мой старинный доброхотъ!
Бородинскій сослуживецъ,
Нашъ безрукій ветеранъ,
Ты—отмѣченный счастливецъ,
Блескомъ почестей и ранъ.
Дружно за кровавой чашей
Побратались мы давно,
И въ преданьяхъ дружбы нашей
Врѣзалось: «Бородино».
Этотъ день, гдѣ двѣ державы,
Двѣ судьбы сошлись въ борьбѣ—
Скрѣпой крови, скрѣпой славы

Расписался на тебѣ.
Бородинскою грозою
Изувѣченный боецъ,
Уцѣлѣвшею рукою
Ты схватилъ себѣ вѣнецъ.
За отчизну раны святы:
И счастливъ, кто съ юныхъ дней
Подвигъ, въ жертву ей подъятый,
Окрестилъ въ крови своей.
Помнишь, какъ средь перепалки
Пулъ и ядеръ хлынулъ дождь?
А Суворовской закалки
Милорадовичъ, нашъ вождь,
Подъ картечью былъ, какъ дома,
Илъ съ красавицей вдвоемъ:
Такъ давно ему знакома
Встрѣча съ пулей и ядромъ!
Ты, обстрѣленная пташка,
Тутъ порхалъ, головорѣзъ!
Я жъ, смиренная букашка,
Самъ дивлюсь, какъ къ вамъ залѣзъ.
Подъ огнемъ неугомоннымъ
И мой конь не уцѣлѣлъ:
«Пѣшій не товарищъ коннымъ»,
Молвилъ я—и на мель сѣлъ.
Ты, съ заботливостью брата,
Тутъ же выручилъ меня:
Что въ бою дороже злата,
Ты взаймы мнѣ далъ коня.
Былъ и тотъ не долговѣченъ,
И какъ разъ ядромъ однимъ
Былъ Бахметевъ въ ногу встрѣченъ;
Конь мой палъ, и я подъ нимъ.
Тѣмъ покончился смиренно
Мой воинственный походъ!
Но въ преданьяхъ незабвенно
Святъ двѣнадцатый мнѣ годъ
Съ той поры умчало время
Много лицъ, событій, лѣтъ;
Разрослось другое племя,
И чего не видѣлъ свѣтъ!
Но въ полетѣ быстрокрыломъ
Время избранныхъ щадитъ:
Бородинскимъ, юнымъ пыломъ
Грудь твоя еще горитъ.
Въ день борьбы за Русь святую
Ты руки не пощадилъ,
А въ дни мира ей другую
Гражданиномъ посвятилъ.
И къ отчизнѣ и къ престолу
Снова возгорѣвъ огнемъ,
Вѣрный совѣсти глаголу,
Шелъ ты съ ней ея путемъ.
Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
У вертлявой суеты.
Часто, и съ двумя руками,
Мѣстъ и почестей ловецъ
Не сведетъ концовъ съ концами,
Обезсиленный дѣлецъ.
Разъ принявшися за дѣло,
Не боялся ты трудовъ
И одной рукою смѣло
Съ зломъ бороться былъ готовъ.
У нихъ—примѣръ не новый—
«Двѣ огромныя руки»
На себя служитъ готовы,
И проворны и легки;
А на выручку страдальца,
Если въ помощь ихъ зовешь,
Не найдешь живого пальца,
Полмизинца не найдешь.
Цѣлый міръ имъ будетъ поставщикъ;
А радѣть ли о другомъ—
Каждый пальчикъ и суставчикъ
Въ нихъ разбитъ параличомъ.
Если жъ гдѣ тобой замѣченъ
Случай пользѣ дань принесть—
Позабывъ,что ты увѣченъ,
Потянешь ты, что совѣсть есть,
А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
Съ другомъ связь твоя крѣпка:
И на дружбу и на службу
Горяча твоя рука.

VII. Изъ погибшихъ въ Москвѣ сокровищъ отмѣтимъ собраніе рукописей и памятниковъ древностей графа А. И. Мусина-Пушкина, которое, по словамъ Карамзина, содержало неисчерпаемый матеріалъ для отечественной исторіи, у графа Д. П. Бутурлина погибло имущества на милліонъ рублей и въ томъ числѣ библіотека, въ которой насчитывалось 40 тысячъ томовъ, погибла часть

собранія книгъ, мозаикъ, монетъ, и т. п. у князя А. А. Урусова, у графа Головкина сгорѣло имущества на 229 тысячъ, пострадала библіотека университета, т. к. удалось вывезти въ Нижній Новгородъ только часть коллекцій, а коллекціи рукописей и монетъ пожертвованныхъ П. Г. Демидовымъ погибли, погибли также собранія Общества Исторіи и Древностей.

Изъ правительственныхъ архивовъ пострадали: Государственный архивъ старыхъ дѣлъ, помѣщавшійся въ зданіи Сената, Дворцовый архивъ, дѣла Пушкарскаго приказа, хранившіяся въ Артиллерійскомъ депо, архивъ старыхъ дѣлъ Московской духовной консисторіи и т. д.

Въ общемъ потери въ Москвѣ не поддаются подсчету—такъ онѣ огромны. Крайне интересно мнѣніе одного француза о погибшихъ въ Москвѣ сокровищахъ (Les Français à Moscou. A. Surugue. стр. 60): «La perte que la Russie a éprouvée par l'incendie de Moscou est incalculable. Que de millions ensevelis sous des ruines! Que de richesses en tout genre réduites en cendres! Combien de chefs-d'oeuvre à jamais perdue pour les arts! Nous ne parlons point ici des victimes nombreuses qui ont été la proie des flammes, ni des tresors enfermés dans les bibliothèques qui furent consumées par le feu»

VIII. Высочайшимъ указомъ 18 февраля 1813 г. была учреждена въ Москвѣ особая комиссія «для разсмотрѣнія прошеній, поступающихъ отъ обывателей Московской Столицы и Губерніи потерпѣвшихъ раззореніе отъ непріятеля», комиссія эта была подъ предсѣдательствомъ назначеннаго Государемъ оберъ шенка графа Головкина и состояла изъ Московскаго губернскаго предводителя дворянства и 3 Московскихъ дворянъ по выбору предводителей, кромѣ того комиссія, въ случаѣ надобности могла приглашать уѣздныхъ предводителей и Московскаго городского голову съ двумя «добросовѣстными» купцами I гильдіи.

IX. Сводные списки помѣщиковъ, пострадавшихъ во время войны, составленные по уѣздамъ, напечатаны нами въ «Матеріалахъ», извлеченныхъ изъ архива депутатскаго собранія и дополненныхъ по документамъ, сохранившимся въ архивахъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Къ сожалѣнію нельзя поручиться за безусловную полноту этихъ списковъ.

Были помѣщики, у которыхъ не осталось ни одного крестьянскаго двора, крестьяне разбрелись, всѣ запасы были сожжены, посѣвы уничтожены, однимъ словомъ погибло все имущество. Кромѣ того нужно отмѣтить, что у нѣкоторыхъ изъ указанныхъ въ спискахъ помѣщиковъ были имѣнія и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ они также были уничтожены непріятелемъ.

X. Въ ноябрѣ 1812 г. было, между прочимъ, учреждено патріотическое общество, имѣвшее цѣлью помощь разореннымъ воинамъ, помѣщеніе увѣчныхъ и больныхъ въ больницы, призрѣніе сиротъ и т. п. Вскорѣ затѣмъ общество учредило училище для дѣтей штабъ и оберъ офицеровъ, павшихъ на полѣ брани или лишившихся достоянія въ 1812 г., впослѣдствіи это училище стало именоваться Патріотическимъ Институтомъ.

Тогда же подъ главнымъ покровительствомъ «высокой особы» было учреждено такъ называемое «Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля», въ составъ его входили: графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, графъ Николай Ни-

колаевичъ Головинъ, Александръ Семеновичъ Шишковъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Средства «Сословія» составлялись изъ пожертвованій, помощь оказывалась единовременными пособіями.

XI. Фактъ избранія М. И. Голенищева-Кутузова начальникомъ Московскаго ополченія до сего времени въ литературѣ почему-то остался незамѣченнымъ, хотя объ этомъ упоминаютъ воспоминанія современниковъ, а между тѣмъ это избраніе Кутузова въ обѣихъ столицахъ весьма характерно, общество единодушно указало на него, какъ на единственно желательнаго вождя въ тяжелой борьбѣ съ Наполеономъ, и назначеніе его главнокомандующимъ арміями было сдѣлано всецѣло подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, о чемъ говоритъ и самъ Императоръ Александръ, никогда не любившій Кутузова и не довѣрявшій ему.

Одновременно съ Кутузовымъ, надо думать, былъ намѣченъ и офицерскій составъ ополченія, на главныя должности—т. е. дежурныхъ генераловъ, шефовъ и командировъ полковъ были предназначены: Василій Николаевичъ Чичеринъ, трое князей Волконскихъ, трое Талызиныхъ (въ 1812 г. генералъ-маіорами были Степанъ Александровичъ, Ѳедоръ и Александръ Ивановичи, второй изъ нихъ въ 1813 г. получилъ орденъ св. Георгія 3 ст.), Потуловъ, Николай Никитичъ Демидовъ, двое Аргамаковыхъ, князь Гагаринъ, Бекетовъ, Боборыкинъ, Бартеневъ, Васильчиковъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Одоевскій, князь Касаткинъ-Ростовскій, Свѣчинъ, Обресковъ, князь Оболенскій, Григорій Алексѣевичъ Козловъ-Угренинъ, Навроцкій, графъ Санти, Лопухинъ, Василій Петровичъ Савеловъ, Лаптевъ, Челищевъ. Многіе изъ указанныхъ лицъ съ честью служили въ рядахъ ополченія, а затѣмъ и въ арміи и имена ихъ указаны въ наградныхъ спискахъ.

XII. Въ 1812 году уѣздными предводителями дворянства были:

Московскимъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Арсеньевъ.

Коломенскимъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ.

Дмитровскимъ—надворный совѣтникъ князь Иванъ Николаевичъ Трубецкой.

Волоколамскимъ—тайный совѣтникъ Павелъ Александровичъ Рахмановъ.

Звенигородскимъ—генералъ маіоръ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, родной братъ Николая и Александра, павшихъ въ 1812 г.

Серпуховскимъ—полковникъ князь Дмитрій Михайловичъ Щербатовъ.

Рузскимъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Николай Петровичъ Толстой.

Верейскимъ—надворный совѣтникъ Федоръ Михайловичъ Вельяминовъ-Зерновъ.

Клинскимъ—полковникъ Давыдовъ.

Бронницкимъ—маіоръ Степанъ Акимовичъ Кустерскій.

Подольскимъ—надворный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Васильчиковъ.

Богородскимъ—князь Михаилъ Петровичъ Голицынъ.

XIII. Въ своихъ представленіяхъ къ наградамъ графъ И. И. Марковъ особенно отмѣчаетъ слѣдующихъ лицъ: Генералъ-лейтенантъ Чичеринъ, «прибывъ съ дивизіею въ г. Можайскъ, находился съ оною въ сраженіи 26 августа, въ которомъ благоразумнымъ распоряженіемъ и мужественнымъ примѣромъ споспѣшествовалъ къ отраженію непріятельскихъ атакъ на корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го»; Таинный Совѣтникъ Демидовъ, «въ сраженіяхъ 26 августа, командуя первымъ Егерскимъ полкомъ, 6 и 12 октября и 5-го ноября находясь при генералѣ баронѣ Беннигсенѣ, оказалъ примѣрную храбрость»; Генералъ-маіоръ Тальзинъ, «въ сраженіи 26 августа противостоялъ стремленію непріятеля, подавая неустрашимостью своею примѣръ подчиненнымъ»; Генералъ-маіоръ Арсеньевъ, «начальствовалъ дивизіей въ сраженіи 26 августа. Находясь при арміи во все время славной и трудной кампаніи 1812 г., вездѣ оказывалъ отличную храбрость и ревность къ службѣ»; Генералъ-маіоръ Тальзинъ 3, «во всѣхъ сраженіяхъ: 6 октября подъ Тарутинымъ, 12—предъ Малымъ Ярославцемъ и 5 ноября—подъ Краснымъ отличался мужествомъ»; Генералъ-маіоръ Потуловъ, «во всѣхъ сраженіяхъ отличался мужествомъ»; Дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Волконскій, въ сраженіи 26 августа оказалъ отличную храбрость»; Камеръ-юнкеръ V класса Барановъ, въ сраженіяхъ 26 августа служилъ примѣромъ храбрости, 17 сентября при Чиріковѣ находился въ сильномъ огнѣ, 6 октября подъ Тарутинымъ и особливо 12-го предъ Малымъ Ярославцемъ посылаемъ былъ въ городъ, гдѣ былъ всегда со стрѣлками и потомъ 5 ноября подъ Краснымъ особенно отличился находясь въ опаснѣйшихъ мѣстахъ»; полковникъ Савеловъ, «во всѣхъ сраженіяхъ 17-го сентября при Чиріковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12-го передъ Малымъ Ярославцемъ и 5 ноября подъ Краснымъ особенною храбростію отличился»; Подполковникъ Рославлевъ, «въ сраженіяхъ 24 и 26 августа, бывъ прикомандированъ ко 2-й арміи, нѣсколько разъ отражалъ стремленіе непріятеля, и въ послѣднемъ раненъ отрывкомъ отъ бомбы въ ногу»; дежурный подполковникъ Караулловъ, «находился 26 при Бородинѣ, 17 сентября при Чиріковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12 подъ Малымъ Ярославцемъ, 22 предъ Вязьмою, 5 и 6 ноября при г. Красномъ и во всѣхъ вышесказанныхъ сраженіяхъ поступалъ съ особеннымъ отличіемъ и примѣрною храбростію»; подполковникъ графъ Толстой, «6 и 12 октября и 6 ноября отличилъ себя мужествомъ»; Коллежскій ассесоръ Грахольскій, капитанъ Масаловъ и адъютантъ капитанъ Безобразовъ «бывъ въ сраженіи 6 и 12 октября и 5 ноября, гдѣ оказывали отличную храбрость», адъютантъ капитанъ Шиповъ, «въ сраженіяхъ 26 августа при Бородинѣ, 17 сентября при Чиріковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12 подъ Малымъ Ярославцемъ 22 предъ Вязмою, 5 и 6 ноября при городѣ Красномъ отличилъ себя мужествомъ и въ многихъ случахъ служить могъ примѣромъ для всѣхъ офицеровъ»;

Капитанъ Лулудака и князь Волконскій «находясь въ арміи съ самаго начала 26 августа и будучи въ дѣлахъ 17 сентября при Чирковѣ, 6 октября близъ Тарутина, 12 передъ Малымъ Ярославцемъ и 6 ноября подъ Краснымъ поступали съ особеннымъ мужествомъ», кромѣ того графъ Морковъ отмѣчаетъ храбрость капитана Ладыженскаго, ротмистра Кастромитинова, штабсъ-капитановъ: князя Грузинскаго, князя Вадболъскаго, Нарышкина и Жуковскаго, поручиковъ Шакурова, Таластова и Кондратьева, подпоручиковъ Геера, Вишневскаго, Фридрихса, Жаркова, Яковлева, Наумова, Азбукина и Дурова, прапорщиковъ Караулова 1, Караулова 2, Талызина, Изъѣдинова, Черткова, князя Вадболъскаго, Калинина, Сабурова, Азовскаго, Кошелева, Иванова, Глѣбова 1, Глѣбова 2, Замятнина, Коровина, Федорова, Гудима, князя Долгорукова, Затрапезнова 1, Затрапезнова 2, Никанова 1, Никанова 2, Сосновскаго, Авчинникова и Ехемзина. Кромѣ того, были представлены изъ урядниковъ въ прапорщики Мельгуновъ, Жуковскій, Плещеевъ, Алексѣевъ, Карауловъ 3, Анненковъ 2, Безобразовъ 1, Безобразовъ 2, Краснорѣчинскій и князь Юсуповъ—всѣ они, по словамъ гр. Моркова, «всѣ дѣлаемыя имъ отъ меня порученія исполняли съ усердіемъ и во всѣхъ сраженіяхъ отличались», два сына самого графа Ираклія Ивановича состояли при князѣ Багратіонѣ и за сраженіе при Бородинѣ были произведены въ прапорщики.

О нѣкоторыхъ изъ отличившихся мы упоминаемъ въ текстѣ.

XIV. а) Вотъ что писалъ Императоръ Александръ шведскому наслѣдному принцу послѣ взятія Москвы: «Потеря Москвы даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателя. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Нынѣ болѣе нежели когда-либо я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели примириться съ Аттилою новѣйшихъ временъ», но въ томъ же письмѣ Александръ обвиняетъ Кутузова въ неумѣніи воспользоваться Бородинскимъ сраженіемъ или, какъ онъ говоритъ, блестящей побѣдою (la belle victoire du 26 Août) и говоритъ, что непростительная ошибка Кутузова повлекла за собою гибель Москвы.

б) Во всенародное извѣстіе по Высочайшему повелѣнію.

Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына Отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель Сентября 3 числа вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій. Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣть силы наши, или бы ослабить ихъ. Главнокомандующій по совѣту съ первенствующими Генералами нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надеж-

нѣйшими и лучшими потомъ способами превратитъ кратковременное торжество непрїятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому Русскому слышатъ, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ Отечества своего; но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлатися повелителемъ всего Россїйскаго Царства и предписатъ ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ Столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющїяся силы наши окрестъ Москвы непрестанутъ преграждать ему всѣ пути, и посылаемыя отъ него для продовольствїя отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженїе умовъ взятїемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружїя. Положенїе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ нацїй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердїя, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнородной арміи его истреблена частїю храбрыми нашими войсками, частїю побѣгами, болѣзнями и голодною смертїю Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнїя, смѣлое или лучше сказать дерзкое стремленїе его въ самую грудь Россїи и даже въ самую древнѣйшую Столицу удовлетворяетъ его честолюбїю и подаетъ ему поводъ тщеславитися и величатися; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войски и народъ. Россїя не привыкла покровительствовать порабощенїя, не предастъ законовъ своихъ, Вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердїе и ревность въ охотномъ и доброволномъ противъ врага ополченїи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ.

Итакъ, да не унываетъ никто, и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянїя Государственныя дышутъ мужествомъ и твердостью? Когда непрїятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другїя три стараются пресѣкать ему возвратный путь и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? Когда Гишпанїя не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденїемъ въ его земли? Когда большая часть изнуренной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ, и ожидаетъ съ нетерпѣнїемъ минуты, въ которую бы могла вырватися изъ подъ власти его тяжкой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбїя своей и чужой крови? — При толь бѣдственномъ состоянїи всего рода человѣческаго не прославится ли тотъ народъ, который перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренїя, наконецъ терпѣливостїю и мужествомъ своимъ достигнетъ

до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ?

Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже Всемогущій! обрати милосердныя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь. Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ».

в) «Приказъ Всѣмъ Нашимъ Войскамъ.

Мужественныя и православныя воины! Любезныя сыны Отечества! Вы тѣ русскіе защитники вѣры, которыхъ слава гремѣла и гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ. Недавно ратное поле видѣло подвиги ваши, недавно Отечество со слезами благодарило васъ за храбрость вашу, и церковь Божія молилась о спасеніи вашемъ. Но къ великому прискорбію Моему слышу Я, что есть между вами недостойные васъ сотоварищи ваши, которые отлучаясь самовольно отъ командъ своихъ, шатаются по деревнямъ и лѣсамъ подъ именемъ мародеровъ. Имя гнусное никогда неслыханное въ Русскихъ войскахъ, означающее вора, грабителя, разбойника. Должно ли почтенное имя защитника Вѣры и Отечества оскверняться сими презрительными именами? Россія мать ваша. Что можетъ быть преступнѣе, какъ видя ее расхищаемую врагами, не только не защищать ее, но еще вмѣстѣ съ ними грабить, и собственными руками раздирать утробу матери своей? Тяжкій грѣхъ сей не отпустится никогда ни въ семъ вѣкѣ ни въ будущемъ.

Всякому Начальнику предписывается строжайше за искорененіемъ сего зла смотрѣть, и тотъ, кто примѣченъ будетъ нерадѣющимъ о томъ, въ примѣръ другимъ и къ посрамленію своему отлученъ будетъ на всегда отъ службы.

Воины! Горящая Москва да воспалитъ въ душахъ вашихъ огнь мщенія, потушите пожаръ ея кровію враговъ. Да не понесутъ они съ собою стыдъ вашъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ. Сего ожидаетъ поруганная ими церковь, и оскорбленное Отечество».

XV. М. М. Евреиновъ, все время упоминаетъ лишь объ одной хоругви, но въ «Главной Описной Книгѣ Московскаго Большого Успенскаго Собора», составленной въ 1841-1843 гг., въ статьѣ первой, глава І-я, страница 97 и 98, «О хоругвяхъ» мы находимъ слѣдующую запись: «Двѣ хоругви, изъ шелковой матеріи, которая довольно уже обветшала, съ изображеніями на первой съ одной стороны: Воскресенія Христова, съ другой Успенія Божія Матери; на второй — съ одной стороны Воскресенія же Христова, а съ другой Святителя Николая.

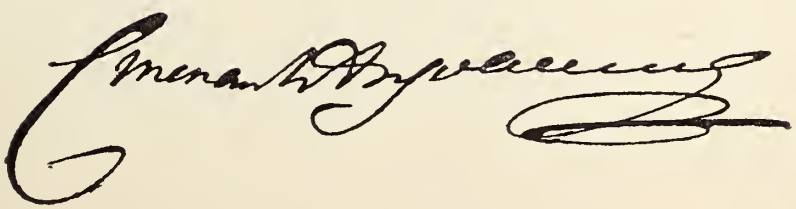
Сіи двѣ хоругви въ 1812 году находились въ ополченіи, и первая изъ онныхъ во многихъ мѣстахъ прострѣлена», почему мы и даемъ изображенія обѣихъ этихъ хоругвей. Изъ Успенскаго Собора хоругви были переданы въ церковь Николая Гостунскаго, что на Иванѣ Великомъ, о чемъ имѣется отмѣтка въ указанной главной описи, и носились въ крестныхъ ходахъ до послѣдняго времени, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ (6—7) въ виду ихъ ветхости съ нихъ были сдѣ-

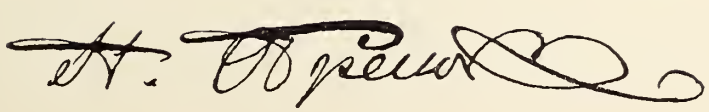
ланы копіи, которыя хранятся въ Гостунскомъ храмѣ и употребляются при крестныхъ ходахъ, а подлинныя хоругви, снятыя съ древковъ, были переданы опять въ ризницу Успенскаго Собора, что къ сожалѣнію бывшимъ ризничнымъ въ описи отмѣчено не было и что крайне затруднило поиски.

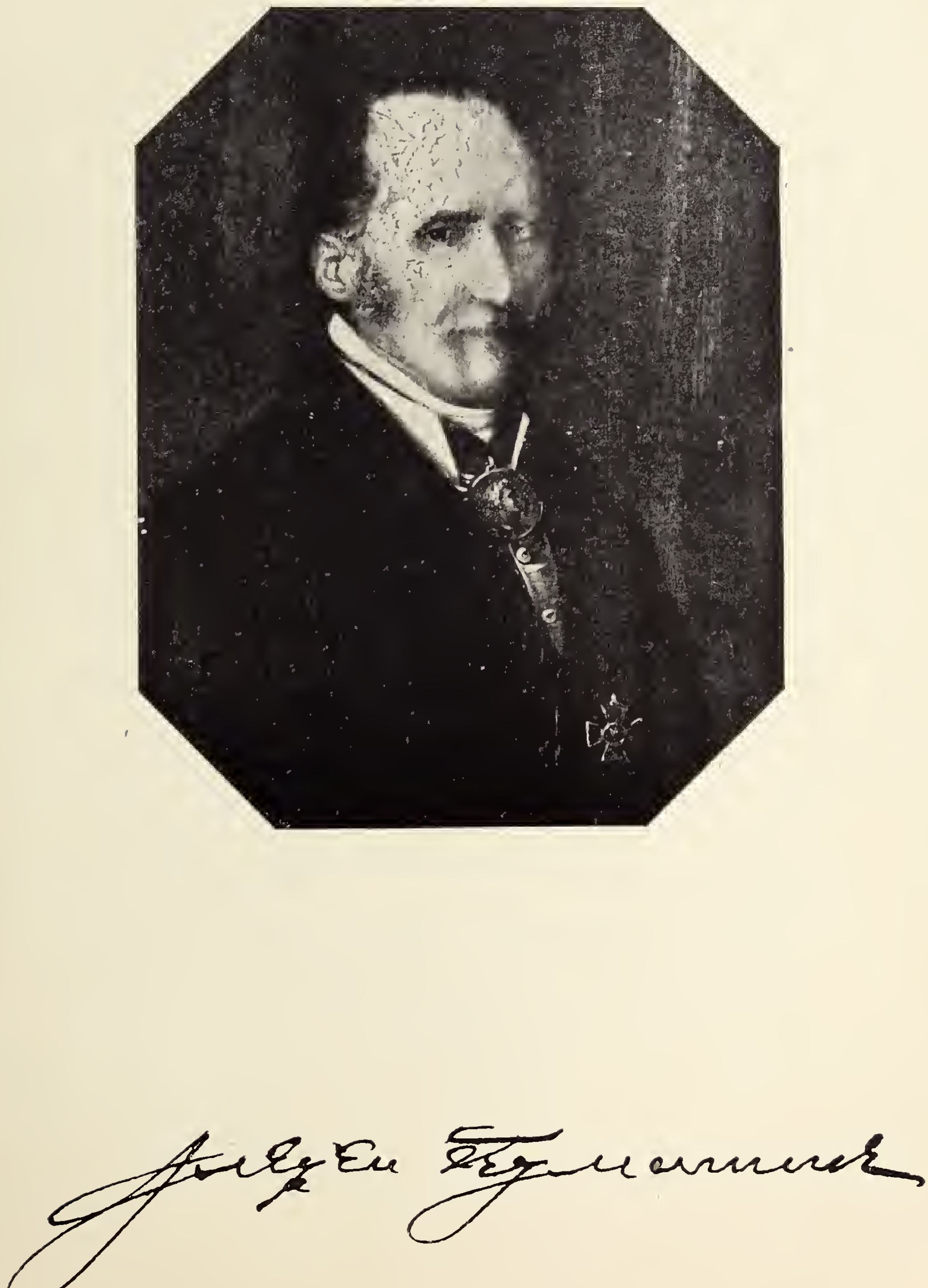
Найти дорогія для Московскаго дворянства хоругви удалось лишь благодаря большому участію, проявленному протопресвитеромъ Н. А. Любимовымъ, новымъ ризничнымъ Успенскаго Собора отцемъ Сергіемъ Ермонскимъ и церковнымъ старостой полковникомъ Александромъ Викторовичемъ Пороховниковымъ, которымъ мы считаемъ своимъ долгомъ принести свою глубокую благодарность за оказанное имъ намъ содѣйствіе.

XVI. «Рескриптъ Московскому Митрополиту.

Преосвященнѣйшій Платонъ! Я получилъ отъ васъ письмо и при немъ образъ Преподобнаго Сергія. Первое принялъ Я съ удовольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и Мною столь уважаемаго Пастыря церкви, второе съ благоговѣніемъ. Образъ Святого поборника Россійскихъ военныхъ силъ велѣлъ Я отдать составляющемуся для защиты Отечества Московскому ополченію: да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у Престола Божія, и да продлитъ молитвами своими украшенныя честію и славою дни ваши. Препоручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ благосклонный АЛЕКСАНДРЪ».

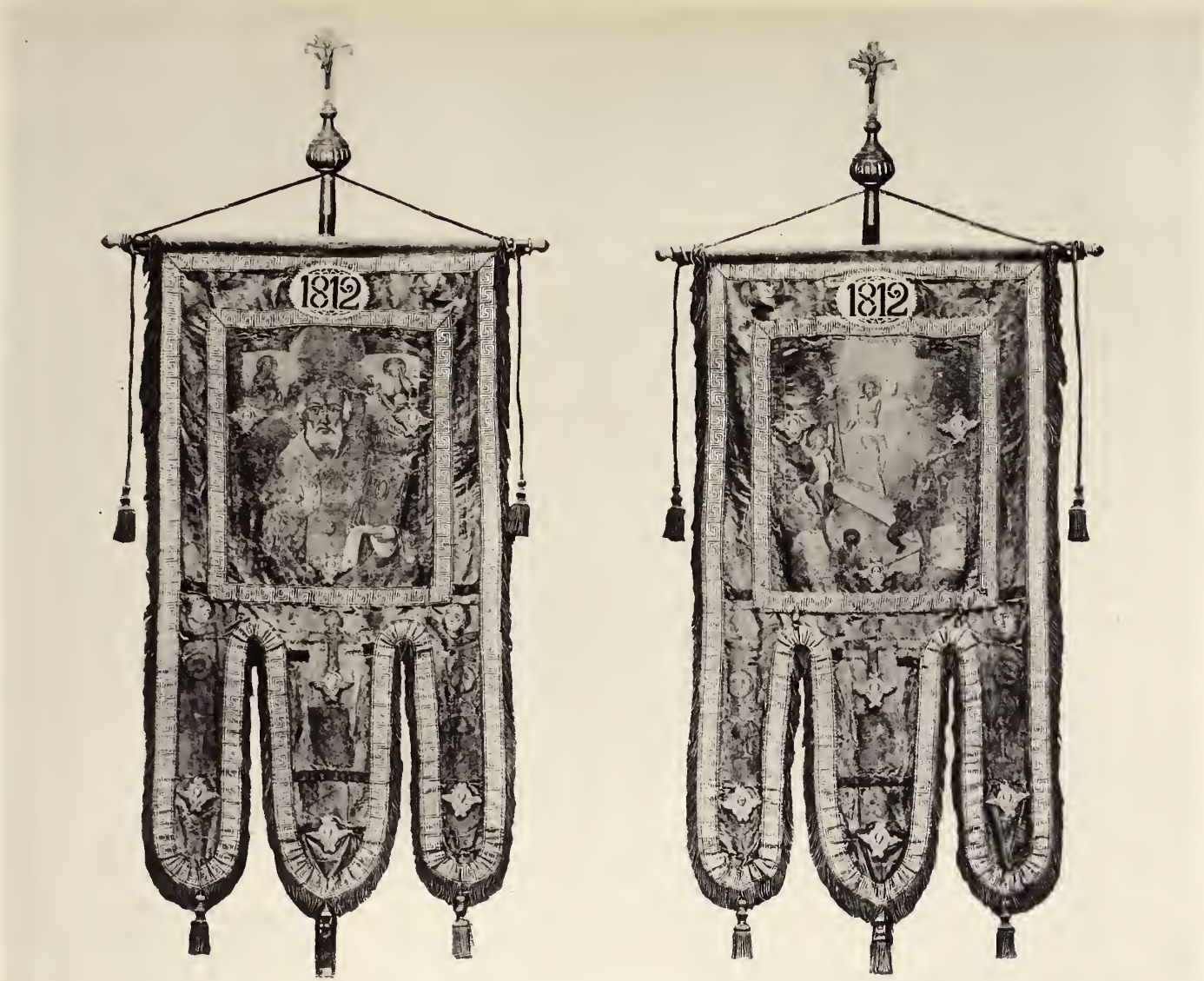






Гнѣвъ: Юсуповъ

Князь Сергій Долгоруковъ



Хоругвь Московскаго Ополченія.

Хоругвь Московскаго Ополченія.

Ковчегъ для храненія Грамотъ (передняя и боковая стороны).

Ковчегъ для храненія Грамотъ (задняя и боковая стороны).

Конный воинъ Московскаго Ополченія.

Воины Московскаго Ополченія.

Воины Московскаго Ополченія.

Укрѣпленія Русскихъ
Укрѣп Французовъ
ПЛАНЪ БОРОДИНСКАГО ПОЛЯ СРАЖЕНІЯ
26 Августа 1812 года,
снятый инструментально въ Сентябрѣ 1812 года инженеръ географами капитанами Пресса, Шевріе и Реньо
Масштабъ
Старое
Горошкова
Маслово
Ильинское
Беззубово
Малое
Новое
Сады
Захарьино
Горки
БОРОДИНО
Князьково
Татариново
Валуева
Алексинки
Псарево
Фомкино
Шевардино
Семеновская
Головино
Доронино
Рыкачева
Утица
Ельня
Артемки
Условные знаки
Лѣсъ
Кустарникъ
Деревня сожженная во время сраженія

M-14
5-00

Поставщикъ Двора Его Величества
Т-во А. А. Левенсонъ въ Москвѣ.

5 324/65